

Керри Болтон

ЛЕВЫЕ ПСИХОПАТЫ

От якобинцев до движения «Оккупай»

Об авторе

Керри Болтон родился в 1956 году в Новой Зеландии. Доктор теологии, почетный доктор философии, получил дипломы за работы в сферах социологии и психологии. Член Академии социальных и политических исследований в Афинах и Института высших исследований в области геополитики и смежных наук в Лиссабоне, автор статей в *Foreign Policy Journal* и *New Dawn* (Австралия). Автор многих книг и статей в академических и популярных изданиях.

Предисловие

Когда-то давно все понимали политику. Консерваторы консервировали; либералы освобождали; левым не нравилась элита; правым не нравились неудачники; социалисты предоставляли ударные отряды и наличные деньги, чтобы быстрее достигнуть более материальных либеральных целей, по крайней мере, для промышленных рабочих; и бизнесмены спонсировали усилия избранных либерально-консервативных структур, таких как церкви.

Вторая мировая война нанесла этой счастливой системе неизлечимый удар. Поскольку левые в значительной степени поддерживали пацифизм в течение 1930-х годов; а затем поддержали и нацистско-советский пакт 1939–1941. Таким образом, им понадобилось пройти через некоторое приспособление, когда Россия и Америка втянулись в войну и, в конечном счете, выиграли ее. О ближайшем прошлом левых с их принятием национал-социализма необходимо было поскорее забыть.

Как столь часто случалось для нынешних левых, помощь оказалась под рукой. Открытие в 1945 году нацистских газовых камер (с чем не могло сравниться любое разоблачение морозных концлагерей Сибири) означало, что можно было сказать, что война велась ради спасения несчастных пострадавших евреев от антисемитизма (при этом легко и удобно можно было пренебречь тем, что антисемитизм Сталина был не менее губительным, чем антисемитизм Гитлера). Еврейские интеллектуалы, которые сбежали от Холокоста в Америку и Великобританию, были рады этому угодить. С вполне понятной решимостью предотвратить любое повторение недавнего преследования евреев, они (в особенности Франкфуртская школа, переместившаяся в Калифорнию), приступили к анализу (психоанализу) тех, кого они представляли как правых — потому что национал-социалиста Гитлера нужно было демонизировать — и вместе с ними консерваторов (большинство которых тоже не сильно желало новой войны с Германией).

Анализ сработал без труда. Согласно ему, консерваторы были, по сути, сборищем невротиков, и требовалась сильная авторитетная власть, чтобы сдерживать их

дезорганизованные подавленные убеждения. Гитлера необходимо было превратить в образец консерватизма даже при том, что только такие люди как либеральный консерватор Черчилль и Айзенк жертвовали собой в течение десятилетия, чтобы противостоять Гитлеру. То, что Гитлер сжигал на улицах Берлина или иным образом запрещал работы Фрейда (и многих других модернистов), было, предположительно, иллюстративным доказательством сущностного «авторитаризма» правых. Нежелание консерваторов воспринять спрос двадцатого столетия на сексуальный реализм стимулировало большую общественную поддержку коммунизма против российского церковно-государственного самодержавия в 1917 году. Теперь это должно было дать основные интеллектуальные «боеприпасы» для борьбы против западных правых после 1945.

Анализ подавляющих пол и уважающих отцов консерваторов, из всех сил пытающихся сдерживать себя и таким образом навязывающих свои невроты миру, вызвал резонанс, с которым почти не могла больше справиться любая способность консерваторов объясниться, не говоря уже о том, чтобы вести контрпропаганду. Американские консерваторы поднялись до эры Маккарти; но их интеллектуальное влияние не было большим, особенно после того, как только Россия получила атомную бомбу. И британские консерваторы, понятно, не желали делать попытку объяснений того, как они позволили Великобритании быть втянутой в войну, которая, в конечном счете, разорила Великобританию и привела к потере ее Империи.

Все же помощь для правых тоже была под рукой. Ненавидящий Гитлера, родившийся и воспитанный в Берлине еврей, психолог Ганс Айзенк, переехавший в Лондон, быстро понял, что левые его юности по психопатологии полностью соответствовали предполагаемым правым. К 1954, к огромной досаде британской либерально-левой элиты (это раздражение, в конечном счете, стоило ученому рыцарского титула), Айзенк начал утверждать, что у левых и, по крайней мере, у гитлеровских правых было много общего. В частности, в их материализме и готовности к насилию, в том, что они были «жестоки, грубы, тупы», и им не доставало более мягких способов идеализма и сочувствия. Хотя левые были потрясены этим сравнением, Айзенк продолжал развивать свое понимание — став первым, кто продемонстрировал генетический фундамент этой характерной черты. Наконец, Айзенк пришел к заключению, что существовала (как он подозревал еще в 1947 году) характерная черта психотизма, который включал в категорию тупость и необходимое добавление к его известной теории индивидуальности (давно известной своими главными измерениями нейротизмом и экстраверсией — на которую его студенты в шутку поставили знак креста). К 1990-м годам Айзенк подробно написал о психотизме (P) — особенно связывая его с преступностью и паранойей, но также и с творческим потенциалом в искусствах.

Книга Керри Болтона должна дать много интересных и забавных деталей относительно правильности психометрическо-психологического понимания Айзенка, к которому тот пришел с таким большим и усердным трудом. Очень интересный обзор Болтона использует новейшую биографическую информацию о таких фигурах левых как Маркс, Маркузе, Мэнсон, Маслоу и Баадер-Майнхоф. Она убедительно документирует ужасы отца — и семьи — ненавидящие ужасы ведущих левых, которые взволновали целое поколение, причем они сами болели психозом (чаще всего «биполярным», то есть маниакально-депрессивным) или, по крайней мере, нарциссической психопатией, и весьма часто заканчивали самоубийством.

Привлекательно, что Болтон также обстоятельно объясняет следующий поворот в саге «высокого-P» левачества. Да, неудовлетворенные тем, что они сами были больны психозом, ультралевые 1970-х даже повернулись к почитанию безумия — рассматривая сумасшедших как ударные отряды в своей битве против «репрессивной буржуазной власти» западных врачей и стоящих за ними фармацевтических фирм. Забавно, что один сумасшедший писатель, автор «Смерти семьи», впал в шизофрению вскоре после того, как написал свою напыщенный опус против психиатрии, после чего оказался зависимым от забот, да, его собственной семьи.

Конечно, с тех дней левые (всегда более изобретательные, чем правые) пошли дальше,

чтобы выбрать новых пострадавших и несчастных, которые могли бы помочь в борьбе за их революционное, основанное на ненависти к семье дело. Им потребовались большие усилия, чтобы удержать на своей стороне феминисток (feminazies) западного женского «меньшинства»; и в особенности — так как обуржуазивание лишило левых любой надежды на поддержку со стороны квалифицированного рабочего класса, они поддержали этнические меньшинства (особенно чернокожих, латиноамериканцев, мусульман и даже палестинцев) и демонизировали противников как расистов и педофилов.

Однажды новые биографии, как мы надеемся, предоставят новому Болтону новые забавные детали расстройств личности «антирасистов» и союзных с ними борцов за права инвалидов и гомосексуалистов. Но тем временем ударные войска левых добиваются все больших успехов. С помощью деловых кругов, которые нуждаются в мультикультурализме, чтобы заменить рабочую силу, которую уничтожило доминирование левых в школах, левые доминируют над потерявшим цель Западом.

Чтение «Левых психопатов» откроет глаза многим. Воображаемые репрессивные неврозы правых блекнут в сравнении с эгоистичной, порочной паранойей левых (чему порой помогает употребление наркотиков и доказанные повреждения головного мозга). То, что правые оказались не в состоянии противостоять левому мусору — за одно поколение повернувшегося от поддержки евреев (к настоящему времени слишком успешных) к поддержке их заклятых врагов мусульман — должно привлечь внимание всех серьезных людей и политических деятелей. Как правые не смогли предотвратить рост социалистических государств по всему Западу с политикой заполнения себя иммигрантами из Третьего мира, чтобы восполнить свою собственную неспособность обучить свою молодежь до максимума (согласно их способности)?

Конечно, правые были не в состоянии воспринять и взять на себя актуальную действительно благородную и народную задачу поддержки любви, секса, традиционного брака и семьи. Как церковь до них, они не смогли привлечь людей к предпочитаемой ими самими форме общества. Вместо этого они поддержали экономический либерализм, который стал жертвой социалистических схем субстандартных залогов и по существу взорвался в 2008 году и теперь зависит от заимствований за счет будущих поколений. Вероятно, уважающие семью китайцы сметут все перед собой, поскольку Запад падет под ношей тех смешных трудностей, которые левые психопаты помогли навесить на него. Но эта книга дает читателю самый приятный момент для пересмотра прежнего мнения — новый шанс воспринять то, что Айзенк впервые начал объяснять в академическом ключе в 1954 году.

Доктор Крис Брэнд, Автор, «The g Factor» (1996/2000), Кафедра психологии, Эдинбургский университет (1970-97)

Введение

О левых доктринах, персонажах и движениях было написано много трудов, основанных на исследованиях экономики, истории, социологии и политики. Но мало что было написано на основе анализа левых как отражения психической деятельности их идеологов, организаторов и сторонников. С другой стороны существует относительно много материала, который изучал «правых», часто синонимичных с «нацизмом», как психологическое отклонение истории. Даже консервативные правые вообще описаны в психологических терминах как «регрессивные» и «репрессивные», в то время как левые светила, такие как Карл Маркс, рассматриваются как легитимные экономисты и социологи.

Однако психология дает нам дополнительное и окончательное объяснение исторических и идеологических явлений. Психоистория развилась за последние годы с этой целью, хотя исследования левых остаются немногочисленными. Это не всегда было так. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века, с возвышением социализма, это движение привлекло к себе психологические исследования, которыми занимались такие увлеченные наблюдатели, как доктор Макс Нордау, доктор Лотроп Стоддард, а в направлении

исследований психологии толпы Гюстав Ле Бон и Фридрих Ницше. Тот факт, что эти психологические исследования левых и социального бунта были резко остановлены, указывает на то, что вопреки общепринятому мнению, связанному с распадом СССР и подъемом свободного рынка или «неолиберальной» экономики во многих западных государствах, силы левых победили. Левые доктрины фактически распространились всюду в большей части Запада, включая те, которые считаются глубоко капиталистическими. Широкое использование термина «политкорректность» действительно дает некоторое понимание относительно характера левых идей всюду в обществе.

Левые, лишенные своего идеологического фасада, скрытого за экономическими и социологическими теориями, являются просто средством ослабления человечества, снижения его до самого низкого знаменателя во имя «равенства». Во время Гражданской войны семнадцатого века в Англии одна фракция убедительно назвала себя «левеллерами» (выравнивателями), и «выравнивание» общества остается окончательной целью левых. Тот факт, что практически все политические деятели, клерикалы, журналисты, и ученые, включая тех, кого называют «консерваторами», сегодня отдают дань «равенству», является доказательством триумфа фундаментальных идей левых. В самых абсолютных терминах левые это то, что Стоддарт назвал «восстанием против цивилизации». Во имя «равенства» «человечеству» принесли больше страданий и убийств, чем, вероятно, под любым другим лозунгом в истории. Так как «равенство» это фантом, оно, в конечном счете, должно быть навязано, и для этого требуется буквально отрубить голову общества: самую культурную и интеллектуальную его часть, пока не будет достигнуто «равенство страданий» на равном и самом посредственном уровне существования. Это произошло в большевистской России и в якобинской Франции и происходит на более тонких уровнях сегодня.

Психоисторическое исследование левых не следует путать с нападками *ad hominem* на отдельных людей. Такова тактика левых в очернении и высмеивании тех, против кого они выступают. Скорее цель состоит в том, чтобы понять побуждения идеологов, лидеров, организаторов и последователей левых, и увидеть, что левые идеологии являются интеллектуализированным проявлением менталитетов их основателей и сторонников.

1. Психология: ее политическое употребление и злоупотребление

«Правый фланг» политического спектра, включая даже социальные и моральные ценности, которые до недавнего времени считались нормальными, в течение последних приблизительно восьмидесяти лет был предметом унижения и предвзятого анализа не только с политической и социологической точки зрения, но и в психологическом отношении.

Толчок к психологическому анализу правых, включая нормальную мораль, которая теперь расценивается как латентно «фашистская», был дан Франкфуртской школой критической теории, которая с приходом Гитлера к власти в почти полном составе переехала в США под покровительство Колумбийского университета. Там она была восстановлена в Нью-Йорке как Институт социальных исследований. Важным документом, выпущенным этим кружком, возглавляемым Теодором Адорно, была книга «Авторитарная личность», психологическое исследование, которое было предназначено для того, чтобы посредством статистического анализа, основанного на шкале «F» («фашизм»), показать, что традиционные этические ценности требуют психологической переориентации, потому что они, мол, были признаками скрытого «фашизма». В частности под обстрел попала патриархальная семья как основная институция для выращивания «фашистского» менталитета.

В то время как левые социологи хотели показать, что консервативные ценности неправильны в психологическом отношении, существовало и параллельное движение, стремившееся продемонстрировать, что у левых есть нормальные ценности, которые освобождают человека от репрессии, вызывающей невроз. Потому-де требовалось «терапевтическое государство», основанное на фрейдистско-марксистских доктринах, чтобы «вылечить» массы людей от их неврозов через государственную политику. Если бы это не

было сделано, то результатом стало бы возвращение фашизма.

Однако Стэнли Ротмэн и Роберт Лихтер в своих психоисторических исследованиях евреев среди американских Новых левых, установили, что эти исследования социологов были специально разработаны, чтобы показать, что левые обладают положительными, нормальными ценностями. Они пишут, что в США и в меньшей степени в Европе большинство «комментариев и «научных» исследований студенческого движения согласно с тем, что радикальная молодёжь представляла лучшее в их обществах». Ротмэн и Лихтер указывают, что исследования охватили совсем немного людей, и что симпатии опрашиваемых были на стороне политики их субъектов. Этот кружок социологов произвел поток исследований, «которые, казалось, доказали, что радикальные студенты были демократичными, гуманными, здоровыми в психологическом отношении и нравственно продвинутыми». «Все эти критические исследования являются или импрессионистскими или основываются на немногочисленных примерах».

Ротмэн и Лихтер писали:

«Многие социологи приписывали Новым левым много «положительных» признаков личности или политических взглядов в значительной степени потому, что их анкетные опросы были или построены в такой манере, чтобы приписать такие признаки радикальным студентам почти по определению, или потому что студенты... знали, как «подобающе» отвечать на поставленные вопросы».

Так, следовательно, укрепилась идея, что «правые» основываются на ценностях ментально дисфункциональной, сосредоточенной на патриархальности семьи, которую гурь Новых левых, такие как Эрих Фромм, называли инкубатором авторитаризма и фашизма. Ротмэн и Лихтер были критически настроены по отношению к Франкфуртской школе и к использованию так называемой шкалы «F» для раскрытия «фашистских» тенденций как типов личности. Они утверждали, что «Авторитарная личность» была исследованием, предназначенным лишь для подтверждения предвзятых взглядов его авторов.

Однако исследования Ротмэном и Лихтером студентов из числа Новых левых показали, что «радикалы со значительно большей вероятностью, чем умеренные проявляли тенденции к отрицательной идентичности, мазохистской капитуляции и взгляду на людей как на абстрактные понятия. Еврейские радикалы, как правило, проявляли тенденцию убегать от доминирующей матери, в то время как нееврейские радикалы рассматривали своих отцов как доминирующих, но испорченных».

Хотя синтез фрейдизма и марксизма был недопустим для сталинистов, и сторонники критической теории были отвергнуты немецкой коммунистической партией, СССР считал психиатрию полезным средством, чтобы заставить замолчать «диссидентов». Их подвергали психиатрической экспертизе и обычно диагностировали как шизофреников, после чего запирали в психбольнице, и, следовательно, антисоветизм сам по себе был идентифицирован как форма психоза. Демократический Запад тоже был склонен к использованию психиатрии для дискредитации диссидентов. Знаменитый поэт Эзра Паунд, который участвовал в радиопередачах из фашистской Италии во время Второй мировой войны, столкнулся с подобным обращением во время его насильственного возвращения из Италии в США после войны, причем сначала американские оккупационные войска в Италии посадили его в клетку и держали под открытым небом. Чтобы избежать гласности на открытом процессе по делу об измене одного из самых выдающихся литераторов в мире, Паунд был направлен в психиатрическую больницу Св. Елизаветы.

Использование психиатрии против диссидентов на либеральном Западе

Правых продолжали изображать как психическое отклонение, будь то в самых крайних формах гитлеризма, или просто как консервативные семейные ценности. Такие ценности

изображаются как регрессивные, согласно работам Франкфуртской школы Адорно, Фромма, и др.

На самом деле доктор Томас Сас, почетный профессор психиатрии в университете Сиракьюс, штат Нью-Йорк, и выдающийся критик фрейдистской психиатрии, писал, что «мы заменяем социальные средства управления, подтвержденные расой, социальными средствами управления, подтвержденными психиатрическим диагнозом». Именно это и рекомендовал Адорно со своей командой в «Авторитарной личности». Сас ссылается на прецедент генерала Эдвина Уокера, основной жертвы охоты на ведьм во времена Кеннеди, направленной против «правых» в вооруженных силах. Уокер был вынужден уйти в отставку из-за его антикоммунистической образовательной программы среди американских вооруженных сил в Германии. Очевидно, либеральноамериканский конфликт с СССР и сталинизмом, как предполагалось, не распространялся на экспертизу коммунистической идеологии, которая могла бы оказаться до неприятного близкой к «правому экстремизму» и «фашизму». Генерал Уокер, после его принудительной отставки, стал видным борцом против десегрегации, коммунизма и либерализма. Уокер помогал губернатору Россу Барнетту в руководстве массовым сопротивлением против десегрегации университета Миссиссипи, которая была осуществлена с помощью введения в Миссиссипи федеральных войск в 1962 году. Профессор Сас пишет о случае Уокера:

«Арестованный по четырем федеральным обвинениям, включая «подстрекательство, поддержку, и участие в восстании против власти Соединенных Штатов», Уокер предстал перед американским специальным уполномоченным и ожидал освобождения под залог в размере 100 000 долларов. Пока Уокер принимал меры по оплате суммы залога, Генеральный прокурор Роберт Кеннеди приказал, чтобы Уокера на правительственном самолете перевезли в Спрингфилд, штат Миссури, где он был заключен в тюрьму в американском Медицинском центре для заключенных для «психиатрического наблюдения» ввиду подозрения, что он по причине психической ненормальности не мог предстать перед судом».

Статья об Уокере в Википедии не упоминает ни этого, ни последующего конфликта между командой адвокатов Уокера и командой психиатров правительства. Читателю только говорят, что Уокер «предоставил свои облигации и возвратился домой в Даллас, где его приветствовала толпа сторонников. После федерального большого жюри, перенесенного на январь 1963, без предъявления обвинений в его адрес, обвинения были отклонены».

Сас мог по личному опыту написать о случае Уокера, поскольку его пригласили в команду адвокатов Уокера в качестве консультанта. Особенно интересны эти слова Саса:

«Я суммировал доказательства, подтверждающий мой взгляд, что психиатрия — это угроза гражданским свободам, особенно свободам людей, которых клеймят как «консерваторов», иллюстрированные известным случаем Эзры Паунда, которого держали взаперти в течение тринадцати лет, в то время как правительство якобы ждало от его «докторов», чтобы те восстановили его способность предстать перед судом. Теперь братья Кеннеди и их психиатры делали то же самое по отношению к Уокеру».

Сас сказал команде адвокатов, что бесполезно пытаться привести доводы в пользу Уокера, основанные на правде. Однако свидетель-эксперт защиты доктор Роберт Л. Стаблфилд, главный психиатр в Юго-западном медицинском центре в Далласе, смог разоблачить доктора Манфреда Гутмахера, давнего главного медицинского специалиста в Верховном суде города Балтимора, как «злонамеренного шарлатана», как указывает Сас. Уокер был объявлен психически здоровым, и Федеральное большое жюри отказалось предъявить ему обвинения.

Сас заявляет, что два года спустя даже сенатор Барри Голдуотер как кандидат в президенты от Республиканской партии был целью политизированной психиатрии:

«Меньше чем два года спустя, мое мнение о том, что организованная американская психиатрия стала откровенно политической, стремящейся к уничтожению существования и

психиатрического разрушения людей, которые не разделяют леволиберальные «прогрессивные» взгляды психиатрического истеблишмента, получило еще одно драматическое подтверждение. В 1964 году, когда сенатор Барри Голдуотер был кандидатом в президенты от Республиканской партии, 1189 психиатров публично заявили — без опоры на какую-либо экспертизу — что Голдуотер якобы был «в психологическом отношении непригоден стать президентом Соединенных Штатов». Многие предложили диагноз «параноидальная шизофрения» как основание для своего суждения».

Использование психиатрии для маргинализации политических противников леволиберальной догмы является, очевидно, не просто параноидальным заблуждением правых. Потому, например, «Проект Ницкор», который специализируется на дискредитации правых как «отрицателей Холокоста», использует в описании американского «движения ополчения» («милиции», «минитменов») такой психиатрический термин как «параноидальный».

Все же левые, несмотря на проявление ими самых экстремальных форм садизма, начиная с Французской революции 1789–1792, в значительной степени избежали критического психологического анализа. Левые теперь воспринимаются как нормальные, и сторонники их самого радикального варианта — коммунизма — могут занимать уважаемые позиции в научном и преподавательском мире, их книги издаются крупными издателями, в то время как таковые деятели из числа правых маргинализированы, и даже изгнаны из их профессий.

С другой стороны Карла Маркса, например, продолжают чествовать среди уважаемых личностей как человека, который сделал оригинальный и все еще ценный вклад в социологию и экономическую теорию. В то время как Джима Джонса широкая публика воспринимает как ненормального, его рассматривают в рамках контекста любых других лидеров сектантов, вроде Дэвида Кореша. Но при этом редко понимают то, что Джонс был видным апостолом левых, чествуемым американским либеральным демократическим истеблишментом, причем его психологический профиль сопоставим с профилем других левых, которых все еще считают образцовыми примерами демократических и либеральных ценностей.

2. Левые и дегенеративная личность

Психоистория — наука об исторических побуждениях, [которая] комбинирует способность проникновения в суть психотерапии с методологией исследования общественных наук, чтобы понять эмоциональное происхождение социального и политического поведения групп и наций в прошлом и настоящем.

Психоистория была формализована как новая отрасль общественных наук Ллойдом деМозом, директором Института психоистории, редактором Журнала психоистории и президентом Международной психоисторической ассоциации. Но родословная психоистории прослеживается из куда более давних времен, например, в работах о психологии толпы Гюстава Ле Бона («Психология толпы», 1895), Макса Нордау, и др. Несмотря на консервативное происхождение таких психо-социологических исследований, похоже, что сравнительно немного было написано о психозе левых начиная с «Восстания против цивилизации» Лотропа Стоддарда, за исключением академических статей австралийца Джона Рэя, и исследований Ротмэна и Лихтера о евреях в среде Новых левых. Однако именно левые в несметных своих вариациях продолжают бунтовать на улицах и преследовать ученых, церкви, государственную бюрократию и школы, часто под именем «политической корректности», и при этом общество до сих пор не понимает происхождения и менталитета этих сил, все еще продолжающих свою работу.

Нордау о маттоидах

Венгерский врач и социолог доктор Макс Нордау писал о вырождении культуры и философии как о признаке психического и морального вырождения. Создавая свой труд в 1895 году, Нордау дал ранний психоисторический взгляд на левые революции. Эта теория несколько десятилетий спустя была развита американцем доктором Лотропом Стоддардом, который описал такие перевороты как «восстание против цивилизации». Эта теория указывает, что цивилизованные ценности являются невыносимым бременем для умственно отсталых, включая как «неуравновешенного гения», так и обычного преступника. Следовательно, «восстание против цивилизации» рационализировано как политическая доктрина для ниспровержения общественного строя, и высвобождения скрытой развращенности. Вкратце: левые это рационализированная социопатия.

Нордау описал несколько типов социальной маргинальности, среди которых часто бывают и очень интеллектуальные:

«Множество различных обозначений было найдено для этих людей. Модсли и Болл называют их «обитателями пограничной области» — то есть обитающими в пограничной области между разумом и открытым безумием. Маньян называет их «высшими дегенератами», а Ломброзо говорит о «маттоидах» (от «matto», по-итальянски «безумец»)).

Эти «маттоиды» или «обитатели пограничной области» обеспечивают лидерство в социальных переворотах, в то время как типы, которых, как правило, можно найти в преступном мире, обеспечивают толпы. Нордау заявляет:

«То, чего не хватает почти всем дегенератам, это чувства этики и понимания того, что правильно, а что неправильно. Для них не существует никакого закона, никакой благопристойности, никакой умеренности. Чтобы удовлетворить любой мгновенный импульс, или склонность, или каприз, они совершают преступления и переходят границы дозволенного с самым большим спокойствием и самодовольством, и не постигают того, что другие люди за это на них обижаются. Когда это явление присутствует в высокой степени, мы говорим о «моральном безумии» словами Модсли; существуют, однако, более низкие стадии, на которых сам дегенерат, возможно, и не совершает непосредственно какого-либо действия, которое приведет его к конфликту с уголовным кодексом, но, по крайней мере, утверждает теоретическую законность преступления; с философски звучащей напыщенностью пытается доказать, что «добро» и «зло», достоинство и грех это произвольно установленные различия; впадает в восторг от злодеев и их поступков; утверждает, что обнаружил красоты в самых низких и самых отталкивающих вещах; и пытается пробудить интерес к любому скотству и так называемое «понимание» того.

Двумя психологическими корнями морального безумия, во всех его степенях развития, являются, во-первых, неограниченный эгоизм, и, во-вторых, импульсивность: — то есть, неспособность сопротивляться внезапному импульсу к любому поступку; и эти особенности также составляют главные интеллектуальные стигматы дегенерата».

Психологические типы, которые описывал Нордау, теперь известны как нарциссисты и социопаты. Как упоминал Нордау, эти «маттоиды» формулируют основные положения и теории, чтобы интеллектуализировать и оправдать свою ненависть к цивилизованным ценностям, которые они стремятся уничтожить. Нарциссисты и социопаты — обычные типы среди лидеров левых. Нордау рассматривал то, как «маттоид» использует революцию в качестве выхода для своих разрушительных стремлений:

«Ввиду исследований Ломброзо [Ломброзо, Физиономия анархистов, 1891, стр. 227] едва ли может быть подвергнуто сомнению, что писания и действия революционеров и анархистов также могут быть приписаны к вырождению. Дегенераты неспособны приспосабливаться к существующим обстоятельствам. Эта неспособность на самом деле является признаком болезненного изменения в каждом виде, и вероятно основной причиной их внезапного исчезновения. Он поэтому бунтует против условий и представлений о вещах, которые он обязательно

воспринимает как болезненные, в основном, потому что они налагают на него обязанность самообладания, к которому он неспособен из-за своей органической слабости воли. Так он становится улучшителем мира, и разрабатывает планы относительно того, как сделать человечество счастливым, которые, без исключения, выделяются как своей пылкой филантропией и часто трогательной искренностью, так и нелепостью и чудовищным незнанием всех реальных обстоятельств».

Эти «маттоиды» — нарциссисты и социопаты — если бы они были менее интеллектуальны, то были бы обычными преступниками; насильниками, грабителями, ворами и головорезами. Вместо этого из-за своего интеллекта они направляют свои разрушительные убеждения в разрушительную политику и теории: левые. Они набирают своих последователей, как среди обычных преступников, так и среди невротиков.

Это «маттоиды» дают философское оправдание насилию, совершенному против цивилизованных ценностей во имя «свободы», и продолжают поддерживаться сегодняшней интеллигенцией, которая и сама часто нарциссического типа, как «великие мыслители». Нордау писал о них:

««Дегенерат», говорит Лепрэн, [Поль Морис Лепрэн, *Du delire chez les degeneres*; Париж, 1886, стр. 11] может быть гением. Плохо уравновешенный ум восприимчив к самым высоким концепциям, в то время как, с другой стороны, в том же уме можно встретить черты подлости и мелочности, что тем более поразительно ввиду того факта, что они сосуществуют с самыми блестящими качествами. «Что касается их интеллекта, то они могут» (по словам Жака Рубиновича, *Hysterie male et degenerescence*; Париж, 1890, стр.33), «достичь высокой степени развития, но с моральной точки зрения их существование полностью нарушено... Дегенерат будет использовать свои блестящие способности одинаково хорошо как на службе какой-либо великой цели, так и в удовлетворении самых низменных наклонностей (Ломброзо упомянул большое количество бесспорных гениев, которые были при этом бесспорными маттоидами, графоманами, или явными сумасшедшими)».

Левые вообще, зовутся ли они социал-демократами, коммунистами или либералами, притворяются волной будущего. Само слово «левые» сделано синонимом слова «прогресс», в то время как любой человек, доктрина или учреждение, выступающие против левых взглядов, унижаются как регрессивные. Все же, как указал Нордау более века назад, эти «прогрессивные», которые хотят разрушить традицию и переделать мир, на самом деле являются глашатаями атавизма, возвращения к примитиву: в искусствах, в этике или в политике. Нордау продолжает:

«Регресс, рецидив — это вообще идеал этой группы, которая смеет говорить о свободе и продвижении. Они хотят быть будущим. Это одна из их главных претензий. Это одно из средств, которыми они ловят больше всего простаков. Мы, однако, видели во всех отдельных случаях, что это не будущее, но более всего забытое, далеко ушедшее прошлое, о котором заикаются и шепелявят дегенераты, вместо того, чтобы говорить. Они произносят односложные крики, вместо того чтобы строить грамматически и синтаксически ясно сформулированные фразы. Они малюют каракули как дети, которые пачкают столы и стены шаловливыми руками. Они сочиняют музыку как эти желтые аборигены Восточной Азии. Они путают все искусства, и приводят их обратно к тем примитивным формам, которые были у них до того, как эволюция дифференцировала их. Каждое из их качеств является атавистическим, и мы знаем, кроме того, что атавизм — один из самых постоянных признаков вырождения».

Нордау писал об этих мнимых «прогрессивных» тенденциях в искусствах, философии и политике как о возвращении в действительности к примитиву на руинах цивилизации:

«Понятия «свобода» и «современность», «прогресс» и «правда» этих людей не являются нашими понятиями. Мы не имеем с ними ничего общего. Они хотят снисходительности к себе; мы хотим труда. Они хотят утопить сознание в подсознательном; мы хотим усилить и обогатить сознание. Они желают уклончивого воображения и лепета; мы желаем внимания, наблюдения и знания. Критерий, по которому истинный прогрессист может быть признан и отличен от самозванца, только называющего себя прогрессистом, может быть таким: кто бы ни проповедовал отсутствие дисциплины — тот враг прогрессу; и кто бы ни поклонялся своему «я», тот враг обществу. Первой предпосылкой общества является любовь к ближнему и способность к самопожертвованию; и прогресс — это эффект самого строгого во все времена покорения животного в человеке, самого напряженного сдерживания себя, самого острого чувства долга и ответственности. Эмансипация, за которую мы боремся, это освобождение трезвости ума, а не appetitov».

Если бы Нордау писал сегодня, а не в 1895 году, то Адорно и другие из Франкфуртской школы диагностировали бы его на наличие «авторитарной личности», нуждающейся в лечении, и назвали бы начинающим «фашистом» и, возможно, даже «антисемитом» — даже если мы проигнорируем тот факт, что по происхождению Нордау был еврей, и в будущем он сыграл важную роль в сионистском движении.

Гипотеза взаимодействия Саванна-I.Q.

В последние годы доктор Сатоши Канадзава выдвинул то, что он называет «Гипотезой взаимодействия Саванна-I.Q.». Она предполагает, что причина, почему умных людей влечет к леволиберальным идеям, состоит в том, что существует различие в типах интеллекта, один — касающийся эволюционного выживания и другой — касающийся поиска нового. «Общий интеллект» развился на основе того, что знакомо, и поэтому в политических терминах он является «консервативным». Социологически он является трайбалистическим и националистическим, поскольку альтруизм был основан на разделении и сотрудничестве с теми, кто является самым близким и тесно связанным. Этот тип интеллекта обладает ценностью выживаемости, особенно там, где идет соревнование за ресурсы между группами родства. Сегодня это основное соревнование все еще существует между странами. Люди с высоким I.Q., однако, более вероятно, будут искать новые ситуации и идеи, согласно «гипотезе взаимодействия Саванна-I.Q.», и отказываться от альтруизма родства в пользу альтруизма на мировом масштабе; что Канадзава называет «либеральным». Этот тип интеллекта, однако, уже не имеет эволюционной ценности выживаемости, и в ситуации выживания он был бы самоубийственным. Канадзава и Перина пишут:

«Важно отметить, что, хотя теория эволюции общего интеллекта предполагает, что общий интеллект первоначально развился, чтобы решать эволюционно новые и единовременные адаптивные проблемы, гипотеза взаимодействия Саванна-IQ не предполагала, что эволюционно новые предпочтения и ценности, которые более умные люди более вероятно приобретут и поддержат, обязательно будут адаптивными и увеличат свой репродуктивный успех в нынешней окружающей среде. Не очевидно, как быть левым либералом... увеличивает репродуктивный успех сегодня. И часть эволюционных новых предпочтений, которые более умные люди, более вероятно, приобретут и поддержат, такие как потребление алкоголя, табака, и психотропных препаратов, явно вредна для здоровья и выживания. Гипотеза взаимодействия Саванна-IQ не предсказывает, что более умные люди, более вероятно, приобретут и поддержат здоровые и адаптивные предпочтения и ценности, только эволюционно новые».

Если мы примем гипотезу Канадзавы, что людей с высоким I.Q. (коэффициентом интеллекта) влечет «влево», потому что они ищут новое, то противоречит ли это тому, что заметили Нордау и Стоддард, наблюдая за левыми интеллектуалами — в союзе с наименее интеллектуальными, как желание разрушить цивилизацию и возвратиться к примитиву? Я предполагаю, что в цивилизации привлекательность примитива — или то, что либеральные философы в восемнадцатом веке провозглашали как возвращение к «Природе» — действительно представляет собой «новое», «новизну». Это «возвращение к Природе» было объявлено «прогрессивным», и оно все еще является основанием для большей части левых, которая обращается к примитиву в своей психологии толпы. То, что называют «новым», вовлекает подавление древнего генетического наследия, основанного на накопленном за тысячелетия опыте предков. Действительно, сама «культура» основана на накопленном опыте, и в этом есть, как я предполагаю, другая причина того, почему «высокоинтеллектуальных» привлекает возвращение к примитиву в искусствах: в поиске «новизны» они ищут вдохновение в экзотике вроде примитивных культур Африки.

Я поэтому предполагаю, что в отношении тех интеллектуальных людей, которые чувствуют в себе принуждение следовать за гаммельнскими крысоловами любого «нового дела», можно сказать, что они, несмотря на свой «интеллект», принимают глупые решения; глупые, поскольку их верования не проистекают из действительности. Они, короче говоря, бредовые. Мы исследуем жизненный выбор таких «интеллектуальных» людей в их погоне за новизной.

3. Восстание недочеловека

Социопаты возглавили большевистскую революцию

Лотроп Стоддард, работы которого были очень популярны в начале двадцатого века, писавший после большевистского переворота, превратившего Россию в ад, поднял тему умственного и физического вырождения как причины восстания против цивилизованных ценностей, совершенного теми, кого он назвал «недочеловеками».

(Этот термин ни у Стоддарта, ни вообще в этой книге не носит ни расового, ни национального, ни даже чисто классового характера, но является преимущественно характеристикой психики и морального облика данных людей — прим. перев.)

Описывая типы личности большевиков и их садистские методы, Стоддард писал:

«Было бы чрезвычайно поучительно, если бы большевистских лидеров можно было подвергнуть психоанализу. Конечно, многие из их действий предполагают специфические психические состояния. Злодеяния, совершенные некоторыми из большевистских комиссаров, например, настолько вопиющи, что они кажутся объяснимыми только ментальными отклонениями вроде мании смерти или сексуальным извращением, известным как садизм.

Одна такая научная экспертиза группы большевистских лидеров была сделана. Во время Красного террора в городе Киеве летом 1919 года большевики пощадили профессоров медицины Киевского университета, так как они могли быть полезны новым террористическим правителям. Трое из этих людей были компетентными аналитиками, которые смогли диагностировать психику большевистских лидеров в ходе своих профессиональных обязанностей. Теперь их диагноз состоял в том, что почти все большевистские лидеры были дегенератами, с более или менее сильно выраженными психическими расстройствами. Кроме того, большинство из них было алкоголиками; большинство было сифилитиками, а многие были наркоманами...»

Стоддард приводит драматический пример ролей, сыгранных в таких восстаниях, когда

известный на международном уровне ученый-филолог профессор Киевского университета Тимофей Флоринский предстал перед Революционным трибуналом и был спонтанно застрелен одним из «судей» за то, что дал «раздражающий ответ» на вопрос. Комиссарша-убийца Роза Шварц, бывшая проститутка, была пьяна.

Киевский случай обладает важным историческим и культурным значением. Столкновение двух миров, сущностно чуждых друг другу, но совпадающих во времени и пространстве: комиссар, пьяная бывшая шлюха, казнит ученого в припадке древней животной дикости. Такие сцены массово разыгрывались толпами во время Французской революции, постоянно подогретыми алкоголем и наркотиками, протолкнувшимися вперед проститутками, пиратами и преступниками, и возбужденными социопатами из числа развращенных элементов верхнего и среднего классов.

Хотя теперь, похоже, считается устаревшим обращаться к тому, что когда-то широко называли Красным террором в большевистской России, ибо в течение семидесяти лет внимание общества почти полностью направлялось на «преступления нацистов», воплощение большевистской политики террора показывает признаки массового садизма в буквальном, психотическом смысле. Но нужно вернуться к рассказам того времени, чтобы понять характер садизма.

После того, как Белая армия генерала Деникина разбила большевиков в Одессе в августе 1919 года, преподобный Р. Куртье-Форстер, капеллан британских войск в Одессе и черноморских портах, который удерживался большевиками в плену, рассказал об ужасах большевизма. Он рассказал, как на корабле «Синоп», самом большом крейсере Черноморского флота, некоторых из его личных друзей приковали цепью к доскам и медленно засунули в топку корабля, чтобы сжечь их заживо. Других обваривали паром от котлов корабля. Совершались массовые изнасилования, пока местная советская пресса обсуждала возможности национализации женщин. Крики насиловемых женщин и других жертв из того, что преподобный Куртье-Форстер назвал «большевистским домом пыток» на Екатерининской площади, можно было слышать на много кварталов вокруг, в то время как на Екатерининской площади большевики пытались заглушить крики шумом грузовиков, гремящих вверх и вниз по улице».

Когда следовательская комиссия Рорберга вошла в Киев после того, как Советы были вытеснены оттуда в августе 1919 года, она описала «зал казней» большевистской тайной полиции, ЧК, следующим образом:

«Весь цементный пол большого гаража (зал казней Киевской ЧК) был залит кровью. Эта кровь больше не текла, она сформировала слой в несколько дюймов: это была ужасная смесь крови, мозгов, частей черепа, пучков волос и других останков людей. Все стены были забрызганы кровью; части мозгов и скальпов прицепились на них. Сточный желоб двадцать пять сантиметров шириной, двадцать пять сантиметров глубиной и приблизительно десять метров длиной шел из центра гаража к подземному сливу. Этот желоб по всей длине был наполнен кровью... Обычно, как только бойня заканчивалась, тела вывозили из города в грузовиках и хоронили около могилы, о которой мы говорили; мы нашли в углу сада другую могилу, которая была больше старой и содержала приблизительно восемьдесят тел. Здесь мы обнаружили на телах следы жестокости и истязаний, самых разных и невообразимых. Некоторые тела были выпотрошены, другим обрубили конечности, и некоторые были буквально разорваны на части. Некоторым вырезали глаза, и голова, лицо, шея и туловище были покрыты глубокими ранами. Далее мы нашли труп с клином, вбитым в грудь. У некоторых не было языков. В углу могилы мы обнаружили некоторое количество рук и ног...»

Такая атавистическая дикость выходит даже за грани обычного массового убийства. Это — психоз Джеффри Дамера или Эдварда Гейна, интеллектуализированный как политическая идеология с благородными идеалами, которая продолжает иметь своих сторонников с уважаемым положением в научном и преподавательском мире.

Предшественница большевистской революции, Французская революция в 1789–1792 годах спустила с цепи массовый психоз бунта подонков Франции, во главе с социопатическими элементами интеллигенции. Как в современных западных либеральных демократиях, теория состоит в том, что изменение социальной структуры может устранить неравенство. Доктрина Французской революции была «возвращением к Природе», идолизированной и образной интерпретацией того, на что Природа, как предполагалось, была похожа, придуманной в гостининых европейской интеллигенции такими авторами, как Вольтер и Руссо. Согласно этим идеологам, причиной тирании, несправедливости, насилия и неравенства была цивилизация. Если сама цивилизация могла бы быть свергнута, и человечество возвратилось бы к воображаемому невинному естественному состоянию, то все могли бы жить в идиллическом государстве счастья, мира и братства. Это требует отмены цивилизованных учреждений, таких как брак, частная собственность, церковь, государство, и монархия. Карл Маркс обновил ту же самую доктрину приблизительно половину столетия спустя. Этот атавизм иронически провозглашается как «прогрессивный».

В 1895 году французский социолог Гюстав Ле Бон отметил:

«Идея, что учреждения могут исправить дефекты обществ, что национальный прогресс — это последствие усовершенствования учреждений и правительств, и что социальные изменения могут быть осуществлены декретами — эта идея, я говорю, все еще является общепринятой. Это была отправная точка Французской революции, и социальные теории настоящего момента основаны на этом».

Ле Бон позже, после большевистской революции, написал, что тот же самый атавизм, который сокрушил Францию, разворачивался и в России:

«Большевистский менталитет столь же стар как история. У Каина, в Ветхом Завете, был ум большевика. Но только в наши дни этот древний менталитет встретился с политической доктриной, чтобы оправдать его. Это причина его быстрого распространения, которое подрывало старый социальный каркас».

Недочеловеки и маттоиды: Французская революция

Читателю следует воспользоваться историей Несты Х. Вебстер «Французская революция», в которой автор приводит документы того времени как якобинцев, так и роялистов, что ярко показывает развращенность и трусость подонков Франции, во главе с недовольными маттоидными адвокатами и орлеанистскими аристократами, и героизм лояльных королю французов, включая представителей простого народа. Что примечательно здесь, так это способ, которым толпа могла быть приведена в кровавое безумие с помощью алкоголя и наркотиков, оплаченных кузеном короля Герцогом Орлеанским, желавшим узурпировать трон на спине черни и преступного мира, который он спустил с цепи.

Так как к госпоже Вебстер в 1920-е годы прислушивались многие люди на важных постах, такие как Уинстон Черчилль и Лорд Китченер, в качестве эксперта по подрывной деятельности и революции, и она прочитала серию лекций для британской Секретной службы, она также признала значение психологических факторов в социальных переворотах. В своей серии о ведущих фигурах Французской революции, изданной в газете герцога Нортумберлендского «Патриот», Вебстер, вспоминая исследования Нордау, написала следующее:

«Но должен быть учтен еще один очень важный фактор в изучении всех революционных типов, фактор физической или психической ненормальности. Условие может быть только мимолетным; многие молодые люди проходят через период революционной лихорадки и впоследствии успокаиваются, чтобы стать

полезными членами общества. Но хронический революционер обычно будет демонстрировать некоторые особенности ума или тела. В особенности это было так среди лидеров Французской революции... «Сероватая бледность» Сен-Жюста... была описана современником как характеризующая большинство революционеров тех дней. Печень без сомнения играла роль в их свирепости».

В то время как намек Вебстер на очевидные широко распространенные заболевания печени революционеров, как могло бы показаться, вышел из моды, ее комментарий справедлив. Более определенно, заболевание печени может быть признаком психологической физиологической дисфункции. Психологические, и определенно неврологические, отклонения были заметны у Ленина, например.

Из класса «недочеловеков», кто, тем не менее, поднялся до вершины якобинского режима, «класс бандитов» можно «найти в каждой революции». Они — социопаты, которые заполняют ряды большевистской ЧК и НКВД и их якобинского эквивалента во время «Господства террора». Вебстер пишет: «Многие люди, которые пришли к власти в Первой Французской революции, были просто обычными преступниками». Из нескольких примеров революционных светил, приведенных Вебстер, Жан Луи Карра, редактор *Annales Patriotiques*, «был виновен в ограблении вдовы и два года просидел в тюрьме за кражу со взломом». Как мы увидим в отношении Новых левых нашего собственного времени, обычные преступники, такие как Андреас Баадер, приняли революционные теории как дополнительное измерение к своей социопатии.

История Французской революции Ипполита А. Тэна, который, как и Вебстер, привлекал документы того времени, также поучительна относительно патологического характера и якобинских лидеров и их последователей. Весьма примечательно, что портовый город Марсель, который стянул к себе всех подонков средиземноморских портов, был одним из первых, который сдался толпе. Тэн описал характер управляемой якобинцами толпы, который точно соответствует изображению Стоддардом «восстания недочеловеков»:

Их основной город, насчитывавший 120 000 душ, в котором коммерческие и морские риски стимулировали изобретательный и предприимчивый дух; в котором перспектива внезапно приобретенных состояний, израсходованных на чувственные удовольствия постоянно подрывает всю стабильность характера; в котором политика, как и спекуляция, является лотереей, предлагающей свои призы смелости; помимо всего этого, вольный порт и место встречи для не знающих законов кочевников, людей без репутации, без постоянного ремесла, негодяев, и подлецов, кто, как оторванные от корней распадающиеся морские водоросли, дрейфует от побережья до побережья по всей округности Средиземного моря; настоящая сточная канава, заполненная мутью двадцати коррумпированных и полуварварских цивилизаций, где пена преступной касты из тюрем Генуи, Пьемонта, Сицилии, действительно, всей Италии, Испании, Архипелага, и Берберии, накапливается и ферментируется. Неудивительно, что, в такое время господство толпы должно было быть установлено там быстрее, чем в другом месте. ~ После многих взрывов, это господство началось 17 августа 1790 года, с удаления М. Лието, своего рода буржуа, умеренного Лафайета, который командует Национальной гвардией. Вокруг него спланивается большинство населения, все мужчины, «честные или нет, но те, кому есть что терять». После того, как его сняли с должности, затем объявили вне закона, затем посадили в тюрьму, они подчиняются, и Марсель принадлежит низшему классу, 40 000 беднякам и жуликам во главе с [Якобинским] клубом».

Официальное сообщение о населении Марселя подтверждает представления антиякобинских историков, включая их утверждения, что толпе платили. Автор отмечает, что эта толпа состояла из людей, отчужденных от любых корней, лишенных привязанности к стране, семье или ремеслу. Здесь те же самые типы характера, которые заполняют ряды и Старых левых и Новых левых до сегодняшнего дня. Этот чиновник писал:

«Очень много чужаков из Франции и Италии привлечены туда жаждой

выгоды, любовью к удовольствию, желанием найти работу, желанием сбежать от последствий плохого поведения. Люди обоих полов и всякого возраста, без связей со страной или родней, без профессии, без собственных взглядов, под давлением ежедневных потребностей, которые умножены привычкой к распушенности, стремясь потворствовать им без слишком больших усилий, находившие прежде средства для этого в многообразном ручном труде в торговле, утраченной во время Революции и, впоследствии, испуганные правящей партией, приученной, к сожалению, тогда к получению платы за участие в политической борьбе, и теперь оказавшись зависимыми от почти бесплатной раздачи продовольствия, чтобы торговать мелкими изделиями, низкооплачиваемой работы, шансы на которую редко удастся найти — короче, вынуждены переходить к жульничеству. Наблюдатель находит их в такой пропорции в населении Марселя, заметного больше всего, нетерпеливо стремящихся получить прибыль любым путем, легко выигранного, активного из-за своих потребностей, скапливаясь всюду, и кажутся очень многочисленным... Государственные служащие и начальники окружной полиции все еще принадлежат, по большей части, к тому классу людей, которых Революция приучила жить без работы, заставив тех, кто разделял свои принципы с получателями национальной пользы, получать доходы от азартных игр и борделей. Эти специальные уполномоченные заранее предупреждают своих протезе, даже разбойников, когда против них должны быть проведены аресты».

Преступность, высвобожденная Революцией, отмечена в официальных документах, показывающих, что самые низкие элементы населения нажились на обычном рабочем народе. Не было никакого чувства «братства» между «равными гражданами». Простой народ страдал в руках сорвавшихся с цепи социопатов, в то время как посредственные адвокаты и журналисты, которые теперь управляли Францией, благополучно устроились на вершине кучи, и опасность их жизням угрожала только тогда, когда они сами начинали бороться друг с другом.

«20 марта приблизительно сорок бандитов, назвавшихся патриотами и друзьями конституции, вынуждают честных и достойных, но очень бедных граждан в девяти или десяти домах Капель-Викамп отдать им деньги, как правило, по пять франков с каждого человека, и иногда по десять, двадцать, и сорок франков. Другие врываются или грабят шато в Руске, Роде, Марколе и Витраке и забирают с собой муниципальных чиновников... Национальная гвардия Буассе, объедаясь и выпивая без ограничений, вошла в шато и вела себя в самой зверской манере; они забирали с собой все, что попадалось на их пути, часы, зеркала, двери, туалеты, и, наконец, документы. Они даже отослали сорок человек в одну патриотическую деревню поблизости. Они вынудили обитателей каждого дома дать им деньги, и тем, кто отказался, угрожали смертью. Помимо этого национальная гвардия Буассе забрала мебель из шато...»

В монастыре кармелиток, на улице Вожирар, до двухсот священников были заключены в тюрьму. Здесь собралась пьяная толпа и из пистолетов и саблями убили незащитных священников. Архиепископу Арльскому почти раскололи лицо надвое, поскольку он предложил свою жизнь в надежде на успокоение жажды крови и сохранение жизни других священников. Смерть старика только еще больше взволновала толпу, и они стреляли в священников, становящихся на колени в молитве в часовне. Другая такая резня была осуществлена против священников, заключенных в тюрьму в Аббе в Париже. Однако, среди «народа» было больше жертв, чем среди аристократов и духовенства. Революционные лидеры стремились «ампутировать» Францию, и радикально уменьшить ее население, что напоминает о Пол Поте.

В провинции Вандея была предпринята политика массового истребления, чтобы ликвидировать народ, который оставался верным королю и церкви.

Неста Вебстер отметила любопытное преобразование Франции в течение этой эры,

которое показывает, что Революция была победой «недочеловеков» и возвращением к атавистическому на руинах цивилизации. Она писала, что посредственные адвокаты, такие как Робеспьер, которые теперь держали власть, дали волю своей неудовлетворенности за годы личных неудач, пытаясь устранить талантливое и интеллектуальное. Все те, кто посвятил себя науке, стали мишенями. «Война с образованием была перенесена даже на сокровища науки, искусства и литературы». Одно революционное светило предложило убить коллекцию редких животных в Музее Естествознания. Широко распространенным представлением революционеров было сжечь все библиотеки и сохранить только книги, имеющие отношение к Революции и к закону. Тысячи книг и ценных картин были украдены или уничтожены. «Не только образование, но и вежливость во всех формах должна была быть разрушена». Стало необходимым принять «грубую и невоспитанную манеру» и представлять «некультурный внешний вид». «Тонкое самообладание, руки без признаков ручного труда, хорошо причесанные волосы, чистые и приличные предметы одежды расценивались с подозрением — чтобы сохранить голову, было желательно быть неопрятным». Советовали взъерошить волосы, отрастить толстые бакенбарды, испачкать руки...» «Одним словом, это была война не только с благородством, с богатством, с промышленностью, с искусством, с интеллектом; это была война с цивилизацией». Сегодня можно было бы заметить, что культ грязного и неопрятного стал общим аспектом общества.

4. «Политика зависти»

Следует тщательно отличать тех, кто действует для действительно необходимых реформ, даже радикальной природы, от тех, кто стремится к революции ради полностью разрушительных целей, хотя и за масками «равенства» и «свободы» — согласно своим социопатическим характерам. Например, этот автор утверждает, что международная система долговых финансов и торговли нуждается в радикальном преобразовании. Такое радикальное изменение служило бы творческим, созидательным, а не разрушительным целям, и подчинило бы роль богатства, всепроникающей этики денег, более высокому человеческому предназначению, например, целям культуры. Такое изменение поощрило бы частное предпринимательство и право на частную собственность, а не разрушило бы их в большевистской манере, и позволило бы сократить наносящие вред налоги, панацеею социалистов для того, чтобы «огрбить богатых, чтобы [якобы] дать бедным». Это причина того, почему великие фигуры культуры двадцатого века, такие как Эзра Паунд, Хилэр Беллок, Г. К. Честертон, и др. выступали за альтернативы и марксизму и долговым финансам, такие как социальный кредит и дистрибутизм. Такие реформы, конечно, не требуют разрушения семьи и религии, главных целей Старых левых и Новых левых. Определенно существовали и другие, даже поддержанные левыми, варианты социализма, которые были предназначены, чтобы быть творческими и духовными, в противоположность марксизму, который является разрушительным и материалистичным. Среди этих эстетических социалистов были Оскар Уайльд и Уильям Моррис, который объединил социальную реформу с Движением искусств и ремесел, и социалист и литературный покровитель А. Р. Орейдж.

Различие между творческой социальной реформой и социопатическим разрушением, за которое выступают левые, как можно было бы сказать, это различие между реформами, основанными на традиции, и реформами, основанными на разрушении традиции.

Уинстон Черчилль осознал внутренние мотивы социализма, который в то время принес России массовую смерть и разрушение, когда писал: «Социализм — это философия несостоятельности, кредо невежества, и евангелие зависти, его врожденное достоинство — равное разделение страданий».

Концепция «аристоцида» Натаниэля Вайля

Завистливое разрушение путем социалистического «равенства», что называли «выравниванием», просто уничтожая тех, кто достиг какой-то значимости — и не обязательно просто финансового богатства — ниже самого низкого знаменателя, было идентифицировано Нордау, Стоддардом, и др. как мотив социального восстания. Позже бывший член коммунистической партии США, выдающийся экономист доктор Натаниэль Вайль, развил это как теорию «зависти и аристоцида». Под «аристократией» Вайль понимал не обязательно унаследованные привилегии, но привилегии врожденно благородного характера и известных способностей, независимо от рождения. Вайль также отличал «зависть» от «стремления»:

«Зависть нужно отличать от стремления. Зависть это не желание выделиться, превзойти, а злобное убеждение сбросить вниз более одаренных. Кристофер Марлоу написал в «Докторе Фаусте»: «Я — Зависть. Я не умею читать и поэтому хочу, чтобы все книги были сожжены»».

Вайль объяснял:

... Я выдвину гипотезу, что зависть не достигших успеха в адрес творческих меньшинств — вот главная движущая сила современных революционных движений, что эта зависть подстрекается и эксплуатируется отчужденными интеллектуалами, и что результат ее — аристоцид — убийство плодотворных, одаренных и добившихся высоких достижений людей — наряду с последовательным генетическим падением».

Следует отметить, что Вайль упомянул революционные толпы, которых агитируют и возглавляют «отчужденные интеллектуалы». Они — люмпенизированный слой неуравновешенной интеллигенции, которую в предыдущем столетии Нордау называл маттоидами. О них Вайль пишет: «Руководящий элемент революций редко состоит из возмущенных крестьян или разгневанных люмпен-пролетариев. В основном он состоит из неудовлетворенных, отчужденных и дезинформированных интеллектуалов, без которых зависть масс оставалась бы бесцельной, ничем иным как угрюмым и тихим негодованием. Отчужденные интеллектуалы служат катализаторами, подстрекая и приводя в действие распространенное чувство зависти, придавая этой зависти якобы законную цель, даже украшая ее идеологией и показным видом морального оправдания...»

5. Психология большевизма

Наблюдения Джона Спарго

Известно, что даже до Лотропа Стоддарда один бывший американский социалист после большевистской революции в России писал о «психологии большевизма». Джон Спарго заявил в своем «Предисловии»:

«В этом небольшом томе я попытался объяснить психологию того великого движения полной страстного недовольства и насилия революции, которую из-за ее быстрого развития в России, и из-за толчка, который она получила от своего ужасного преимущества в той несчастной стране, мы называем большевизмом. Революционный коммунизм — угроза цивилизации. Иронический факт, дающий пищу для глубоких и серьезных размышлений, состоит в том, что конец большой мировой войны принес человечеству не мир, но только еще более тяжелый и серьезный конфликт...

Каждая организованная страна, с ее культурой, ее законами, ее искусствами, и ее учреждениями, ее цивилизацией... находится под угрозой новой формы деспотизма и терроризма. В одной стране за другой мы находим большие массы людей, готовые восстать против существующего общественного строя, и с помощью неустанный и беспощадный использования грубой силы установить

деспотизм, превосходящий все, что когда-либо предпринимали Габсбурги, Гогенцоллерны или Романовы. Как они и все их предшественники, создатели новой тирании делают красивые обещания полной свободы, благосостояния и счастья. Но в своем эксперименте на живом организме человеческого общества они разрушили бы учреждения и механизмы, которые одни могут сделать возможным правильное развитие человечества к выбранному им самим идеалу».

Спарго, как и Стоддард, был обеспокоен исследованием большевизма и подобных движений не просто как политических проявлений, но как форм психического отклонения, «не только программы, но духа и умственной деятельности, которая разработала эту программу». Спарго, непосредственно наблюдавший видных большевиков и других социалистических лидеров, наряду с их богатыми спонсорами и последователями, заявлял:

«В анализе различных типов мужчин и женщин, которые становятся наполненными духом большевизма, у меня было преимущество обширного знакомства с очень большим количеством мужчин и женщин, принадлежащих к сильно отличающимся социальным группам, которые или являются убежденными активными большевиками или принадлежат к большому классу почти большевиков».

Спарго отнюдь не был защитником статус-кво, но полагал, что лучшее общество не может возникнуть, если оно будет основано на дефективных людях с некорректными доктринами:

«Антиобщественное поведение, будь то со стороны отдельных людей или масс, никогда не может продвинуться к подлинному социализму. Никакое социальное государство не может быть более сильным, чем его человеческие основания. Только мужчины и женщины, жизнями которых управляет социальное сознание, могут построить и поддержать действительно социализированное общество. Большевизм является неправильным, потому что он является антиобщественным, потому что его идеалы и его методы столь же эгоистичные и тиранические, как и методы неограниченного капитализма».

Спарго, будучи тесно связанным с ведущими социалистами в Англии и США, наблюдал несколько первичных расстройств личности среди них. Спарго заметил *истеричную гиперестезию* среди многих левых:

«...Их мыслительные процессы являются спазматическими и яростно эмоциональными. Они одержимы некоей навязчивой идеей, которая проистекает из эмоций, а не из разума. Этот тип ума был предметом большого обширного наблюдения и исследования, особенно в связи с религиозными формами истерии. Никто из тех, кто посетил много большевистских митингов, или познакомился со многими из людей, к которым больше всего взывает большевизм, не станет всерьез ставить под сомнение то заявление, что поразительно много тех, кто утверждает, что является большевиком, представляют собой поразительное сходство с крайними религиозными фанатиками, не только в способе проявления их энтузиазма, но также и в их методах изображения и аргументов. Так же, как в религиозной истерии один единственный текст становится целым кредо, исключая любой другой текст, и вместо того, чтобы самому стать объектом разумной проверки, оказывается единственным тестом для рациональности всего остального, так и в случае среднего большевика этого типа единственная фраза, попавшая в его ум в эмоциональной судороге, никогда не проверяемая обычными критериями разума, становится не только самой сущностью правды, но также и стандартом, по которому должны определяться правда или неправда всего остального. У большинства проповедников, которые становятся пробольшевицкими, как раз этот тип».

Несмотря на интеллект, которым мог бы обладать левый фанатик, расстройство в форме истеричной гиперестезии означает, что политические идеи были инициированы эмоционализмом, и не склонны к изменению под воздействием доказательств противоположного. «Они очень легко становятся жертвами религиозной истерии и всех форм пропаганды и возбуждения, в которых присутствуют главные черты истерии». Спарго отметил другие черты истеричной гиперестезии, «сильно выделяющиеся среди средних большевиков» и других «социалистов»:

«Есть другие признанные особенности этого типа ненормальности, все из которых ярко проявляются в менталитете среднего большевика. Жестокая нетерпимость — одна из них. Конечно, нетерпимость сама по себе еще не признак истерии. Иногда нетерпимость действительно результат чистой рациональности. Но когда аудитория радикальных протестующих против ограничений на право на свободу слова и свободу печати с воем и свистом заглушают всех, кто пытается высказать мнение, с которым они не согласны, то их поведение истерично, то есть, чрезмерно эмоционально, а не рационально: у них нет логически последовательного отношения к любому идеалу свободы. В момент требования свободы они отрицают свободу, уже существующую. Не раз я видел большевистские аудитории, так же как аудитории социалистов, с яростью выкрикивающие обвинения в подавлении свободы слова в адрес полицейских властей, а затем столь же неистово кричащие, пока они криками или террором не заставляли замолчать тех выступающих, с представлениями которого они не были согласны; таким было подавление ими, наиболее эффективное, выражения мнений, которые они не одобряли. Так они одновременно делали что-то и осуждали других за то, что те делали то же самое. Конечно, полностью рациональные умы не будут настолько непоследовательны. Разумеется, эмоциональная инфекционность и массовая суггестия присутствуют в таких случаях. Психология толпы отличается от психологии отдельного человека. Однако остается фактом, что люди, составляющие толпу, странным образом сверхэмоциональны».

Эту нетерпимость левых к любому инакомыслию можно в настоящее время заметить среди Новых левых, и в преобладающих анархистских и троцкистских фракциях среди левых в западном мире. Мешают ли они сорвать лекцию некоего ученого в университете или пытаются физически помешать действиям «крайне правых» и впоследствии выражают возмущение, когда полиция во время бунта пытается поддерживать порядок, левые во время таких действий как правило предаются напыщенной наигранности и истерии. Это часто сопровождается трусливыми нападениями на противников, если может собраться толпа, достаточно превосходящая численностью своих противников. То, что пишет Спарго об истеричной гиперестезии, лежащей в основе религиозной истерии, объясняет страстность, с которой левые рассматривают любое услышанное ими несогласие в манере религиозного фанатика, пытающегося ликвидировать «ересь». Как и в случае религиозной истерии, оппозиция, стоит лишь левым услышать о ней, также вполне буквально ими демонизируется. Следовательно, для кого-то с консервативными взглядами уже одного этого достаточно, чтобы оказаться для левых и словесной и физической мишенью как «неонацист», «расист», или «фашист».

О лидерах большевиков Спарго писал, что их менталитет «отмечен следующими истерическими особенностями:

... преувеличенный эгоизм, чрезвычайная нетерпимость, интеллектуальное тщеславие, гиперкритика, снисходительность к себе, жажда психического и эмоционального возбуждения, чрезмерный догматизм, гиперболический язык, импульсивные суждения, эмоциональная неустойчивость, интенсивное поклонение культу героев, склонность к интригам и заговорам, быстрое чередование крайностей возбуждения и депрессии, сильные противоречия к стойко проводимым мнениям и верованиям, периодические, быстрые, и

несистематические изменения духовной позиции. Не каждый человек неизменно показывает все эти особенности, конечно, и при этом они не единственные особенности, вообще являющиеся симптомами истерии, которые можно наблюдать в этом типе.

Это зашло бы слишком далеко, если сказать, что все эти люди истерики в патологическом смысле, но строго правильно было бы сказать, что этот класс отмечен истеричными особенностями, и что он близко напоминает большой класс слишком эмоциональных религиозных энтузиастов, среди которых очень много настоящих истериков. Вероятно, что столкновения с окружающей их средой способствуют тому факту, что их эмоционализм принимает социологические, а не религиозные формы. Если бы социологический толчок отсутствовал, то у большинства из них был бы религиозный мотив, который привел бы их в состояние, ничуть не менее ненормальное».

Приглашаем читателя понаблюдать за поведением, языком тела и словесными излияниями левых, будь-то в дискуссиях между отдельными людьми, или в группе, митингующей на улицах. Если они сталкиваются с разногласиями, то встречают их истерией, и если у левых достаточный перевес в силах, то даже насилием.

Неврастения

Значительное количество черт, которые Спарго наблюдал в связи с «истерией» среди Левых его времени, теперь перечисляются как черты нарциссического расстройства личности (NPD). NPD, кажется, наиболее часто встречается среди лидеров левых прошлого и настоящего.

Другая категория душевных расстройств, которые Спарго наблюдал среди левых, это неврастения:

«Наконец, существуют и неврастеники, психические нервы которых требуют постоянного возбуждения новизной, точно как другие требуют возбуждения алкоголем, и те, кто так же жаждет стимула, полученного из славы. Эти последние самым легким способом находят свои контакты с революционными возбуждениями в заголовках ежедневной прессы».

6. «Патократия»

Польский клинический психолог доктор Эндрю (Анджей) Лобачевский принял греческий термин «понерология» (ропегос = зло) для названия своего психоисторического исследования о воздействии психопатии на общество, историю и политику. В этом смысле понерология похожа на психоисторию, развившуюся в США. Лобачевский вместе с командой психологов тайно изучал роль психопатов в коммунистической Польше.

Политическая понерология Лобачевского

Рукопись Лобачевского для его книги «Политическая понерология» прошла окольный процесс, прежде чем была издана в 1980-х годах в Канаде. Лобачевский уничтожил первый вариант рукописи после того, как его предупредили об обыске органами польской госбезопасности за несколько минут до начала обыска. Второй вариант рукописи был передан американскому туристу с просьбой вручить его одному ватиканскому сановнику, но впоследствии Лобачевский так и не смог обнаружить следов рукописи. Статистический материал и примеры были, таким образом, потеряны, и Лобачевскому пришлось писать третий проект по памяти в общих чертах, когда он прибыл в США. Затем были проблемы с поиском издателя в США, и Лобачевский был удивлен степенью влияния американских левых.

Лобачевский пришел к тем же самым заключениям, что и Макс Нордау и Лотроп

Стоддард: «Людам с различными психологическими отклонениями общественная структура, где доминируют нормальные люди, и их концептуальный мир кажутся «системой силы и притеснения». Психопаты сделали такой вывод как правило. Если, в то же самое время, большая несправедливость действительно фактически существует в данном обществе, то патологические чувства несправедливости и суггестивные заявления, исходящие от людей с отклонениями от нормы, могут тогда быть легко распространены среди обеих групп, хотя причины одобрения таких идей у каждой группы абсолютно различны».

Левые политические доктрины служат средством восстановления мира в соответствии с представлениями психопата, во имя «справедливости», свержая те нормальные социальные законы, правила и нравы, которые психопат расценивает как невыносимое притеснение.

«У психопатов появляется мечта как некоторая утопия «счастливого» мира и социальной системы, которая не отвергает их и не вынуждает их подчиняться законам и обычаям, значение которых для них непостижимо. Они мечтают о мире, в котором доминировал бы их простой и радикальный способ испытывать и чувствовать мир, где им, конечно, будут гарантированы безопасность и процветание. В этой утопической мечте они представляют, что те «другие», отличающиеся, но также и технически более квалифицированные, чем они сами, должны быть привлечены к работе, чтобы достичь этой цели для психопатов и других из их рода».

Лобачевский указывает, что психопаты быстро понимают воздействия своих личностей в травмировании нормальных людей, и они в состоянии использовать это в качестве средства для достижения своих целей через террор. Это объясняет, почему такие небольшие группы психопатов могут руководить такими большими коллективами нормальных людей посредством использования террора. «Подчинение нормального человека психологически ненормальным людям имеет серьезные и деформирующие эффекты на его или ее индивидуальность: это порождает травму и неврозы».

«На индивидуальной основе можно было бы наблюдать воздействия на нормального человека, живущего с социопатическим супругом: этот нормальный человек, вероятно, в конечном счете, пострадает от синдрома посттравматического стресса, или других форм невроза, который может быть серьезным. Когда психопаты берут в свои руки полное правление над всей страной, или даже над небольшой группой, отрицательное влияние психопатов, таким образом, расширяется, с использованием политики или религии как механизма управления. Это влияние с готовностью замечают в каком-либо культе, но те же самые факторы действуют и в политике».

Среди категорий, которые описывает Лобачевский, патологическое самомнение, в котором человек подавляет все самокритичной природы. Лобачевский связывает это с уродствами или повреждениями мозга, как признак предлобной характеропатии. Он приписал это свойство Ленину. Как мы увидим, это условие имеет отношение также к Жан-Жаку Руссо, Карлу Марксу, Мао Цзэду, Льву Троцкому и другим.

Понерогенические ассоциации

Лобачевский описывал воздействия индивидуального психоза на группы и целые государства, с идеологиями, используемыми в качестве маски для психотических целей. Это включает формирование движений и брожение восстаний или беспорядков во имя какого-то якобы высокого идеала. Лобачевский пишет так:

«Общее явление для понерогенической ассоциации или группы — это поддержка особой идеологии, которая всегда оправдывает ее действия и дает ей мотивационную

пропаганду. Даже у мелкой банды хулиганов есть своя собственная мелодраматическая идеология и патологический романтизм. Человеческая натура требует, чтобы мерзкие вопросы были заглушены сверхкомпенсационной мистикой, чтобы заставить замолчать сознание и критические способности, будь-то свои собственные или других людей.

Если бы такой понерогенический союз можно было бы лишит его идеологии, то не осталось бы ничего, кроме психологической и моральной патологии, голой и непривлекательной».

Понерогеническая ассоциация и доктрина, которая разработана, чтобы оправдать ее, были сформулированы и поддержаны людьми, которые сублимируют свои собственные психологические недостатки и освобождают самих себя от потребности соблюдать нормальные моральные принципы. Этот процесс действовал в случае терроризма Банды Баадера-Майнхоф в Германии и «Уэзерменов» в США, предпринимавших преступные деяния во имя идеологии. Андреас Баадер был обычным преступником, прежде чем принял коммунистическую доктрину, чтобы увеличить значимость своей жизни как социопат. Дональд Дефриз, основатель террористов-коммунистов 1970-х годов в США, т. н. Symbionese Liberation Army («Симбионистской армии освобождения», SLA), был жестоким преступником, прежде чем интеллектуализировал свою преступность коммунистической доктриной. Он начал свою преступную карьеру в возрасте четырнадцати лет как член банды в Нью-Йорке, и отбывал срок в тюрьме Соледад, Калифорния, за вооруженное ограбление, когда он принял левую доктрину. Он когда-то отнял у проститутки десять долларов и сдал друга в полицию. Те, кто знал его в тюрьме, видели в нем просто заурядного головореза. В 1973 году Дефриз сбежал из тюрьмы Вакавилль, и, пребывая в бегах, основал SLA.

Несмотря на свои идеологические претензии, SLA продолжала быть немногим больше, чем бандой грабителей банков и похитителей людей за маской борьбы за «равенство». Одним из первых действий SLA стало убийство директора школы в Окленде Маркуса Фостера в ноябре 1973 года, после того как он ввел использование учениками удостоверений личности, чтобы справиться с молодежной преступностью. Социопату, такому как Дефриз, такие меры действительно кажутся «несправедливостью», и убийство авторитетной фигуры могло быть рационализировано как устранение угнетателя.

С учетом предпосылок, установленных Лобачевским, Нордау и Стоддардом, и методами как понерологии, так и психоистории, большинство форм левых идеологий за несколько последних веков может рассматриваться как сублимационные маски для людей, которые при других обстоятельствах стали бы ворами, насильниками, садистами, и убийцами. С экстремистским принципом, что «цель оправдывает средства», и, например, что ложь и любой тип обмана оправданы для достижения идеала, психопату дают героическую и благородную санкцию. Такие документы как «Коммунистический манифест» и «Капитал», или «Маленькая красная книжица» Мао Цзэдуна и множество звучных манифестов, выпущенных Бандой Баадера-Майнхоф или Подпольем «Уэзерменов» являются объявлениями психопатической войны против общества, или тем, что Лотроп Стоддард назвал «восстанием против цивилизации». В этом кредо левых этика, религия и правда расценивается как не что иное, как опоры буржуазии. Лобачевский утверждал, что банды, мафии и преступные группировки имеют тот же тип, что и коммунистические группы.

Явлением, характерным для таких групп, является утрата отдельным участником способности почувствовать психотические черты в их лидерах; или «атрофия естественных критических способностей». Психотическое поведение интерпретируется как героизм. Можно было бы немедленно подумать о героических качествах, которыми награждали харизматических психопатов, таких как Джим Джонс или Чарльз Мэнсон, но тот же самый процесс работает в прославлении действий определенных политических лидеров и понерогенических ассоциаций.

Патократия

Лобачевский избрал слово патократия, чтобы описать государство, которым управляют психопаты: «Я выбрал наименование патократия для системы правительства, созданного так, чтобы малочисленное патологическое меньшинство взяло в нем на себя управление обществом нормальных людей. Это подобранное имя, прежде всего, подчеркивает основное качество этого макросоциального психопатологического явления, и отличает его от многих возможных социальных систем, где доминируют структуры нормальных людей, обычаи и законы».

Лобачевский приписывает происхождение патократии «болезни больших общественных движений», которая заражает «все общества, страны, и империи». Происхождение патократических и понерогенических ассоциаций среди таковых из общего психопатического менталитета объясняет их подобие на протяжении истории.

Понерогеническая доктрина толкует «цель как оправдание средств», и такие рационалистические обоснования для чрезвычайных действий психопатического характера открывают для психопатов способ использовать свои тенденции во имя идеалов. Идеология, таким образом, становится «полезной в целях» освобождения психопата «от неудобного давления нормального человеческого обычая». Каждое большое общественное движение может, таким образом, стать «хозяином, на котором некая патократия начинает свою паразитную жизнь». Потому большое общественное движение, возможно, было отмечено психопатическими чертами с самого своего начала, или, возможно, было впоследствии взято под контроль психопатами. Пример этого — первоначальное рабочее движение, которое начиналось с благородных и необходимых целей, но затем было захвачено марксистами и другими понерогеническими доктринами и ассоциациями.

7. Личности левых

Чтобы понять, как такие вспышки массового психоза проявляются с целью свержения цивилизации и всплеска примитива — как атавистические импульсы, поучительно исследовать типы личности некоторых из революционных лидеров и теоретиков. Это люди, которые воспринимают цивилизацию как бремя; как социальную и культурную тюрьму. Их страсть к разрушению рационализирована идеологией и осуществлена возбуждением толп; их жажда крови рационализирована лозунгами о правосудии и свободе. Они предписывают в массовом масштабе то же, что серийные убийцы как Джеффри Дамер и Эдвард Гейн предписывают в ограниченной мере, по подобным же причинам, но за фасадом идеологии. Потому их в общем история называет «революционными лидерами», а не «психотическими убийцами». Мы все еще часто можем видеть ту же самую мразь на улицах в западных обществах, бунтующую и грабящую, называющую себя «анархистами», культивирующую грязный внешний вид, глумящуюся, жестокую, скучную, всегда готовую к драке, «храбрую» в толпе, но трусливую, когда ей противостоят.

Карл Юнг, основатель аналитической психологии, признал атавистический характер таких доктрин, заявляя: «Коммунистическая или социалистическая демократия — это восстание негодных против попыток порядка...»

Левые типы личности могли бы быть поняты на примерах ведущих фигур в левом движении на протяжении нескольких столетий. Типы личности являются постоянными.

Отсутствие подлинного сочувствия

В то время как левак расхваливает «человечество», его межличностные отношения часто дисфункциональны. Люди для него существуют в абстрактных понятиях, как идеологические конструкции. Левый бросит и предаст своего левого «друга» и «товарища»,

как только этого потребует «дело», без всяких сантиментов.

Дуглас Хайд, который служил редактором «Дэйли Уоркер», газеты коммунистической партии Великобритании, и был ведущим британским коммунистическим функционером с 1928 по 1948 годы, написал об одном инциденте, указывающем на отсутствие личного сочувствия среди коммунистических кадров. Хайд упомянул, как однажды во время войны у редакции «Дэйли Уоркер» не было подходящей истории, достаточно сенсационной для первой полосы. Их проблема была решена, когда «в последний момент» первый заместитель главного редактора представил редактору историю, которую он назвал «абсолютной удачей». Это была изумительная история. Серия бомб упала на школу в Кенте. Множество детей погибли. Это спасло выпуск, и если это не заставит читателей с яростью бороться за этот номер, я съем свою шляпу». Гарри Поллит, Генеральный секретарь коммунистической партии, «много раз использовал инцидент в своей пропаганде...» вызывая слезы у множества людей во время митингов, ссылаясь на «маленькие бархатные тела» детей. Хайд вспоминал:

«Это был тип демагогической фразы, которая столь полезна в коммунистической пропаганде, но закаленные партийцы стали совершенно циничными в связи с этим. «Маленькие бархатные тела» Поллита стали шуткой в партии. Когда группы коммунистов двигались на очередную демонстрацию..., кто-то принимался стонать: «Мне кажется, нам придется вынести еще одну порцию этих маленьких бархатных тел Гарри».

Левые обычно выражают свои эмоции через лозунги, демонстрации, вандализм, беспорядки и насилие; их ненависть проявляется за фасадом «любви». Их ненависть и гнев рационализированы как «любовь к человечеству» против несправедливости системы и ее представителей и учреждений. Левые в состоянии доктринально спроецировать свою ненависть на своих врагов, потому что в теории левые представляют «свободу, равенство, братство», которые могли бы потребовать от них совершить большое кровопролитие.

Комментируя некоторых из лиц, которых он наблюдал в коммунистической партии, Хайд заявил, что Уильям Раст, редактор «Дэйли Уоркер», был «не очень доступен. Он завел немного друзей, и очень немногие установили какие-то теплые отношения с ним. Он был холодным по своей природе. Он был почти неспособен к теплоте даже при том, что он мог излучать большое тепло». Он был «хорошо проинформирован, но не обладал большой культурой. В некоторых моментах он курьезным образом напоминал подростка». Мотивом Раста была власть, как внутри коммунистической партии, так и с перспективой на революцию, которая должна была привести его к настоящей власти в Великобритании под «диктатурой пролетариата».

«Поэтому если он останется в руководстве, для него мало значило, какие оскорбления, какие жертвы могли бы потребовать от него. Рано или поздно коммунизм одержал бы победу, и он стал бы одним из могущественных. У него была бы власть. У него был бы шанс на возмездие».

Раджани Палм Датт, вице-председатель коммунистической партии Великобритании (наполовину индус, наполовину швед — прим. перев.), был самым влиятельным человеком в партии. Хайд заметил, что как и Расту, ему недоставало теплоты, но в отличие от него он был почти полностью лишен юмора, «кроме его «плеч, дрожащих от тихого смеха» над неудачами его политических противников, включая тех, кто думал, что они были его друзьями. «Человеческое сочувствие и идеализм, казалось, совсем не были частью его характера». Его переход в коммунизм был чисто интеллектуальным, и в нем не было никакого «реального гуманизма».

Гарри Поллит, Генеральный секретарь коммунистической партии, был, как заявлял Хайд, «способен к ужасающей ненависти, особенность, которую как большинство марксистов, он сознательно культивировал в себе как необходимую и желательную».

Говоря о женщинах — членах партии, Хайд утверждал: «Пойдите на любой конгресс коммунистической партии и понаблюдайте за суровыми женщинами, которые выходят на трибуну. Тогда ненависть, которую разжигает и использует партия, часто становится

настолько же отвратительно очевидной в их глазах, как в глазах проституток из Сохо, а губы их сжаты столь же твердо, как у ростовщика из трущоб. Вам не нужно ехать в Румынию, чтобы увидеть Анну Паукер». Один член Политического бюро, руководящего органа коммунистической партии, прокомментировал Хайду, что «в течение двенадцати месяцев» вступившие в партию женщины, становящиеся марксистками, становятся также «почти столь же привлекательными как лошади». Но Хайд заявляет, что немного женщин, которые вступили в партию, оставались в ней долгое время, и партийное руководство было довольно сильно обеспокоено тем, что они были неспособны завербовать достаточное число средних домохозяек, жен представителей рабочего класса».

«Аналогичными были проблемы с молодежью, которая вступала в партию. Эти молодые люди становились «высокомерными, чрезмерно напористыми и самоуверенными». Они присоединились к партии в ожидании, что когда-то скоро они возглавят миллионы. «Партия культивировала подростковые слабости молодых».

Недостаточность сочувствия на межличностном уровне, вместо этого рационализированного как сочувствие к «человечеству», или, по крайней мере, частям его, возможно, лучше всего была объяснена актрисой Ванессой Редгрейв, которая много лет была светилом британского троцкизма:

«Мой парадокс состоит в том, что, хотя я много забочусь о массах — сиротах во Вьетнаме, голодающих в Индии — я, кажется, мало забочусь о людях вокруг меня. Я сопротивлялась этому обвинению. Но, если сказать совершенно откровенно, то такова я и есть».

Используя теорию психоистории как базу для нашего исследования, мы теперь рассмотрим некоторых ведущих теоретиков и организаторов левых на протяжении нескольких столетий.

8. Жан-Жак Руссо

Одним из оригинальных интеллектуалов революционного фермента в Европе, который проложил путь к Французской революции, был Жан-Жак Руссо. Руссо — один из отцов либерализма, и, следовательно, его наследие продолжает существовать даже дольше чем наследие Карла Маркса.

Отец якобинства и либерализма

Доктрина Руссо об «общей воле», выраженная в его фундаментальной работе «Общественный договор», все еще является основанием для любого, кто утверждает, что говорит от имени «демократического большинства» в оправдании его правления. Эта «общая воля», однажды установленная, оправданно поддерживается насилием. Доктрина Руссо об «общей воле» оказала главное влияние на якобинских революционеров во Франции, и особенно на Робеспьера и Сен-Жюста, отцов Господства террора, предшественника большевистского «Красного террора» в России приблизительно 130 лет спустя. «Общая воля» либерализма стала «диктатурой пролетариата» коммунизма, и «рациональным оправданием» для тоталитарных государств, называвших самих себя «народными демократиями» и «народными республиками». Стоило лишь однажды заявить о мандате

«большинства» граждан — «общей воле», как любой метод насилия оказывался оправданным для поддержания режима.

Духовной базой идеальной республики Руссо была «гражданская религия», и за нее тоже с рвением схватились якобинцы, чей Культ природы и Культ богини разума соперничали за доминирующий статус в якобинской Франции на руинах католической церкви и после массового уничтожения духовенства. В 1793 году, когда на месте уничтоженной Бастилии была проведена квазирелигиозная церемония, чтобы отпраздновать инаугурацию новой конституции кантата, там была провозглашена кантата, основанная на четвертой книге «Эмиля» Руссо.

Другая предпосылка Руссо, которая больше всего повлияла на представления о государстве и законе — и либерально-демократическом и коммунистическом, состоит в том, что политический режим может изменить человечество в соответствии с избранной им идеологией. Руссо вспоминал о начале своих собственных политических идей:

«Я чувствовал, что все было радикально связано с политикой, и что, на каких бы принципах они не основывались, люди никогда не стали бы большим, чем тем, какими сделала их природа правительства; поэтому большой вопрос о наилучшем возможном правительстве показался мне сокращенным до этого: Какая природа правительства является самой подходящей, чтобы сформировать самый добродетельный и просвещенный, самый мудрый и лучший народ, беря последний эпитет в его самом обширном значении? Я думал, что этот вопрос в очень большой степени, если не полностью, был аналогичен следующему вопросу: Что за правительство, которое по своему характеру всегда само наиболее близко придерживается законов, или меньше всего отклоняется от законов».

Эта идея, что «люди никогда не стали бы большим, чем тем, какими сделала их природа правительства», практически означает, что так далеко от той идеальной «свободы», достигаемой при либерализме, которую Руссо, и либералы вообще продолжают воображать, государство стало бы все более и более безжалостным и тираническим, поскольку оно не смогло бы реалистически учесть факторы, которые действительно формируют человечество поверх и вне изменений в политических, экономических или социальных структурах. Руссо и другие философы эры Просвещения верили, что человек якобы бесконечно покорен. Они полагали, что «идеальные» законы и правительства могли бы переделать все человечество в счастливое, свободное, равное и мирное. Когда первый современный эксперимент как в либерализме, так и в коммунизме, якобинская Французская революция, вдохновленная этими философами Просвещения, не смогла воплотить в жизнь их лозунг о «свободе, равенстве, братстве», последовало окончательное обращение за помощью к гильотине и к массовым убийствам, и к сети шпионов и информаторов под контролем самых энергичных поклонников Руссо среди якобинцев: Максимилиана Робеспьера и Луи Антуана де Сен-Жюста. Якобинцы буквально отрезали Франции голову ради достижения «равенства».

Та же самая доктрина мотивировала большевизм и Красный террор приблизительно 130 лет спустя, и продолжает мотивировать левых вообще, будь то Старые левые, Новые левые, или Будущие левые. Еще менее понято, что доктрина о том, что природа человека может быть сформирована законами, продолжает быть основанием всех западных правительств, все равно, как они сами себя называют — «левые», «правые» или «центристы». Весь этот нынче в значительной степени бессмысленный политический спектр в той или иной степени принял доктрину Просвещения о человечестве. В западных либеральных демократических государствах такие законы, в наиболее явном виде, принимают форму законодательства о «правах человека» и «межрасовых отношениях», разработанного, чтобы насильственно навязать доктрину «равенства», взятую прямо из восемнадцатого века. Чем больше равенства пытаются достичь, тем больше требуется законов. Так происходит во всех государствах, которые называют себя либеральными, демократичными, социалистическими, или коммунистическими. Философ Алексис де Токвиль писал об этом: «...Но каждый находит в

человеческом сердце также развращенный вкус к равенству, который побуждает слабых желать понизить сильных до своего уровня, и который ослабляет людей до предпочтения равенства в рабстве в сравнении с неравенством в свободе».

Эдмунд Бёрк так писал о влиянии Руссо на революционную Францию:

«[Французское] собрание рекомендует своей молодежи исследование смелых экспериментаторов в этике. Все знают, что среди их лидеров идет большой спор, кто из них является лучшим подобием Руссо. На самом деле, они все напоминают его. Его кровь они переливают в свои умы и в свои манеры. Они изучают его; они размышляют о нем; к нему они обращаются во все то время, которое они могут уделить, отвлекаясь от трудоемкого вреда дня или дебоши ночи. Руссо — это их канон Священного Писания; в его жизни он — их канон Polycletus, он — их стандарт совершенства. Этому человеку и этому писателю, как образцу для авторов и французов, литейные заводы Парижа теперь изготавливают статуи, используя для этого материал от котлов их бедняков и колоколов их церквей. Если бы какой-то автор писал как великий гений о геометрии, хотя его практические и спекулятивные нравы были крайне порочны, могло бы оказаться, что голосуя за статуи, они чествовали бы только геометра. Но Руссо — моралист, или он ничто. Поэтому невозможно, сочетая обстоятельства, неправильно понять их цель в выборе автора, с которого они начали рекомендовать курс исследований».

Руссо заявлял, что, чтобы прийти к своей доктрине о достижении совершенства человечества, он должен был наблюдать за изменениями в себе и в людях вокруг него:

«Исследуя самого себя, и ища в других, что могло быть причиной этих различных манер существования, я обнаружил, что они в большой мере зависели от предшествующих впечатлений от внешних объектов; и это, непрерывно изменяемое нашими чувствами и органами, мы, не зная этого, переносили на наши идеи, чувства, и даже воздействия этих изменений. Поразительные и многочисленные наблюдения, которые я собрал, были совершенно бесспорными, и по их естественному принципу казались подходящими, чтобы снабдить внешнюю форму правления, который изменялся согласно обстоятельствам, мог бы поместить и поддержать разум в государстве, самом благоприятном в отношении достоинств. Сколько ошибок можно было бы избежать, сколько грехов были бы задушены в зародыше, если бы было возможно вынудить животную экономику помочь моральному порядку, который она так часто нарушает! Климат, времена года, звуки, цвета, свет, темнота, стихии, болезни, шум, тишина, движение, отдых, все воздействует на животную машину, и, следовательно, на ум: все предлагает тысячу средств, почти уверенных в направлении в их происхождении чувств, которые мы переносим, чтобы быть управляемыми».

Эта доктрина, которую Руссо формулировал на основе его собственных обстоятельств, была доктриной «энвайронментализма», состоящей в том, что люди сформированы окружающей их средой. Измените окружающую среду, и можно изменить человеческий характер. Уже Руссо установил доктрину как безошибочную догму: «наблюдения, которые я собрал, были бесспорны...» Энвайронментализм в свою очередь является основанием этих двух систем, которые, как предполагает большинство людей, были враждебны друг другу, но они все же происходят из одних и тех же источников: либерализм и коммунизм. В СССР подавляли генетику Менделя, потому что законы генетической наследственности, утверждающие, что человеческие черты, как и черты всех организмов, генетически наследуются, а не изменяются вприхоти вследствие изменений политической, экономической или социальной структуры, не согласуются с догмой. Либеральный Запад, хотя и ведет себя тоньше, чем советские государства, продолжает ту же самую позицию, когда подавляет или клеветает на результаты исследований генетического наследования, которые показывают, почему люди не «равны» — и не могут быть «равны».

Наблюдения Руссо в отношении его собственных недостатков и способа, которым он чувствовал других, были спроецированы им на общество, и вся его доктрина была сформулирована неуравновешенным умом.

В характере Руссо был один самоубийственный недостаток, который гарантировал его неудачу. Он был параноиком и нарциссистом. Он рационализировал свои недостатки, обвиняя других в своих проблемах. Руссо мог рассматривать себя только как жертву с рождения. Он саботировал все отношения с параноидальным недоверием, которое заканчивало дружбу горьким ожесточением.

Расстройства личности Руссо

Помощь, которую шотландский философ Дэвид Юм пытался предоставить Руссо, является одним из примеров такого самосаботажа. В 1766 году Юм приплыл в Кале, чтобы вернуть Руссо в безопасную Великобританию, поскольку ему во Франции угрожал арест за агитацию против церкви. Доктор Дэвид Берчелл, который в университете Западного Сиднея читает лекции о политической и моральной мысли семнадцатого и восемнадцатого веков, комментирует Руссо и проецирование им на общество его собственных недостатков:

«... Это Руссо, в конце концов, первым объединил то горение и искреннюю любовь к людям вообще с полным отвращением ко всем людям в отдельности; и чьи причудливо изгибающиеся надежды на некоторое отдаленное предполагаемое будущее превосходились только его неудовлетворенностью каждой отдельной деталью настоящего. Как выразился Юм, чрезвычайная чувствительность Руссо принудила его испытывать боль намного более остро, чем удовольствие: «Он походит на человека, лишенного не только одежды, но и кожи». И вся эта великая несчастье характера перешла — как это часто бывает с философами — в отлично сформулированную мировую философию великой несчастья. Руссо был счастлив только под преследованием, и он был бесконечно изобретателен в создании этого. Осторожные попытки Юма щедро помочь Руссо деньгами, были неизбежно прочитаны Руссо как оскорбления; его усилия по обеспечению Руссо доходом были поняты тем как предательство. Когда Юм спас письма Руссо, Руссо обвинил его в том, что он открыл их при помощи пары. Вскоре великая паранойя Руссо соткала вместе эти воображаемые мелкие предательства в ткань его собственной великой теории мира, в котором поток современной жизни неуклонно идет вниз курсом атомизации, фрагментации, эгоизма и обмана. Если, как предположил Юм, большая часть философии — просто индивидуальность автора, наложенная на ландшафт мира, у нас есть больше чем наша доля миниатюрных Руссо, порхающих вокруг нас сегодня». [Выделение добавлено].

Здесь в Руссо, как описано доктором Берчеллом, виден основной элемент характера левака: притворная любовь к человечеству объединилась в нем с отвращением к людям на межличностной основе. Ненависть и зависть рационализированы как «любовь к людям». Отсюда нарциссизм Руссо в его отказе от пяти детей, которых родила от него его любовница Тереза Левассёр, глупая швея и прачка. То, что их сдали в приют, получило «разумное обоснование» — мол, это было сделано ради блага детей, так как сам Руссо был неспособен должным образом заботиться о них. Руссо свалил главную вину на семью Терезы, которую, как он заявлял, восстановили против него его бывшие друзья и коллеги, философы Просвещения Дидро и Гримм. Следовательно, Руссо так смог избежать противостояния своим собственным дефектам. Он повсюду вокруг себя видел заговоры, направленные на то, чтобы помешать его счастью:

«Хотя я видел многочисленные заговоры, сформированные со всех сторон, все, на что я жалуюсь, было тиранией людей, которые называли себя моими

друзьями, и которые, как казалось, хотели заставить меня быть счастливым в том виде, в каком они должны были указывать, а не в том, какой я выбрал для себя сам».

В то время как Юм видел в нем только хорошее, вопреки предупреждениям Дидро и других, он очень скоро рассорился с Руссо, когда тот обвинил его в перехвате его писем и уничтожении его бумаг. 23 июня 1766 года Руссо бросил вызов Юму, человеку с хорошими манерами и добродушным мягким характером: «Вы плохо замаскировались. Я понимаю вас, сэр, и вы хорошо знаете это. Вы привезли меня в Англию, якобы чтобы обеспечить мне убежище, а в действительности, чтобы опозорить меня. Вы посвятили себя этой благородной попытке с рвением, достойным вашего сердца, и с искусством, достойным ваших талантов».

Юм, смертельно обиженный, обратился к Джону Дэвенпорту, который стал богатым покровителем Руссо в Англии, ссылаясь на «чудовищную неблагодарность, свирепость, и безумство этого человека». Юм, как и многие другие, очень быстро обнаружил, что знаменитый мыслитель был сумасшедшим, и писал: «Он явно просто безумен, после того, как долгое время был несколько ненормальным».

Руссо видел в своих друзьях людей, которые стремились управлять его жизнью и устраивали заговоры против него, вспоминая:

«...Все же эта дружба была для меня более мучительной, чем приятной, из-за их упрямой настойчивости и даже их аффектации, в противопоставлении моему вкусу, склонностям и образу жизни; и это до такой степени, что в тот момент, когда я, казалось, желал чего-то, что интересовало только меня, и не полагался на них, они немедленно объединяли свои усилия, чтобы заставить меня отказаться от этого. Это длительное желание управлять мной во всех моих пожеланиях, тем более несправедливое, поскольку я не столько стремился познакомиться с ними, стало столь безжалостно репрессивным, что я никогда не получал ни одного из их писем, не чувствуя определенного ужаса, когда я раскрывал их, и который был более чем оправдан их содержанием».

Руссо жаловался, он так никогда и не нашел «настоящего друга», несмотря на то, что «сердце его полностью состояло из любви». Он не мог понять своего затруднительного положения. И при этом он не мог также понять, почему он не преуспел в том, чтобы удовлетворительно выразить те «замечательные способности», с которыми он родился, «которые заставили меня считать себя страдающим от несправедливости, что было некоторой компенсацией, и заставило меня проливать слезы, которым я с удовольствием позволял течь».

Руссо видел себя жертвой, начиная со своего зачатия в материнском лоне. В своей автобиографии он склонен видеть своего отца как сердитого на него из-за смерти его матери спустя неделю после его рождения. Руссо проецировал свое собственное чувство вины на своего отца и интерпретировал это как негодование его отца, но судя по тому, что можно прочесть в «Признаниях» Руссо, его отец был полон только любви и открытой нежности к своему сыну. Руссо, однако, был вынужден интерпретировать это по-другому, чтобы расценить это как начало иллюзорной виктимизации, которую он распространял до конца жизни, самолично саботируя все свои отношения с друзьями и сторонниками.

Эдмунд Бёрк, который взял интервью у Руссо, когда тот приехал в Англию, полагал, что основной его особенностью было «тщеславие». Действительно, уже в первых фразах его автобиографии Руссо заявляет о своей экстраординарной личности, стоящей выше и вне всех других смертных:

«Я приступил к делу, которое беспрецедентно, у воплощения которого не будет никакого имитатора. Я хочу представить своим товарищам-смертным человека во всей целостности природы; и этим человеком должен быть я.

Я знаю мое сердце, и изучил род людской; я сделан не так, как кто-то другой,

с кем я познакомился, возможно, не так как кто-то другой из живущих; если я и не лучше, то, по крайней мере, я могу утверждать о своей оригинальности, и поступила ли Природа мудро, сломав ту форму, в которой она отлила меня, можно определить, лишь прочитав этот труд.

Когда же зазвучит последняя труба, я предстану перед верховным судьей с этой книгой в руке, и громко объявлю: вот так я поступал; вот такие были мои мысли; таков был я».

О своем рождении Руссо пишет, что «мое рождение стоило моей матери ее жизни, и было первым из моих несчастий», и его отец оставался «с тех пор безутешным».

«Он все еще думал, что видел ее во мне, он так нежно причитал, но никогда не мог забыть, что я был невинной причиной его несчастья, и он никогда не обнимал меня, но его вздохи, конвульсивное давление его рук, свидетельствовали об этом, горькое сожаление смешивалось с его нежностью, тем не менее, как можно предположить, они не были в этом отношении менее горячими. Когда он говорил мне, «Жан-Жак, давай поговорим о твоей матери», мой обычный ответ был, «Да, отец, но ты же знаешь, потом мы будем плакать», и немедленно слезы начинали течь из его глаз. «Ах!» воскликнул он с возбуждением, «Верни мне мою жену; по крайней мере, утешь меня за ее потерю; заполни, дорогой мальчик, ту пустоту, которую она оставила в моей душе.

Мог бы я тебя любить так, если бы ты был только моим сыном?»

Таковы были авторы моего существа: из всех даров, которые Небесам угодно было даровать им, чувствительное сердце было единственным, что опустилось ко мне; это было источником их счастья, это было основанием всех моих несчастий».

Вина детства

Но Руссо также вспоминает о «чрезвычайной привязанности», которая «расточалась» на него его отцом и старшим братом, и о близости к тете и няне. Руссо пишет о своем воспитании: «...с детьми короля, возможно, не обращались с большим вниманием и нежностью, чем было даровано моему младенчеству, когда я был любимцем семьи». И далее: «Мой отец, моя тетя, моя няня, мои родственники, наши друзья, наши соседи, все, с чем у меня была любая связь, не повиновались мне, это верно, но любили меня нежно, и я отвечал им своей привязанностью». Так что в его детстве, кажется, не было ничего, что могло бы оправдать распространяющееся чувство «несчастья», но Руссо был полон решимости найти это несчастье так или иначе, несмотря на то, что его всюду по Европе чествовали как романиста и философа.

Руссо затем ссылался на то, что он родился с «расстройством, которое набирало силу с годами, и от которого я теперь освобожден с промежутками, только чтобы страдать от другого, даже более невыносимого зла». Руссо заявляет, что он ничего не помнит о своей жизни до пятилетнего возраста, но он действительно знает, что испытал больше чем свою долю «страданий». Руссо завуалировано пишет, что он, еще будучи ребенком, испытал «слишком близкое знакомство со страстями», и пишет это в связи с его воспитанием его няней Жаклин.

Еще в ранней юности Руссо начал испытывать припадки, которые он описывал как «внезапную и почти невообразимую революцию всюду по моей целой структуре»:

«Я не знаю, как описать это лучше чем как своего рода бурю, которая внезапно поднялась в моей крови, и через мгновение распространилась по каждой части моего тела. Мои артерии начали биться настолько яростно, что я не только чувствовал их движение, но и даже слышал это, особенно в сонной артерии, что

сопровождалось громким шумом в моих ушах, у которого было три, или скорее четыре, различных вида звучания. Например, сначала угрожающее глухое гудение; затем отличающийся от него шелест, как журчание воды; потом чрезвычайно резкое шипение, сопровождаемое биением, о котором я упоминал выше, и пульсации которого я мог легко рассчитать, не щупая мой пульс или положив руку на любую часть моего тела. Этот внутренний шум был настолько силен, что он ранил мои слуховые органы, и сделал меня с того времени не совсем глухим, но плохо слышащим».

Пассивно-агрессивный, биполярный и нарциссический

Интересно, что говорил Руссо относительно болезней, которые очень ослабляли его:

«Бесспорно, что мое расстройство было в большой мере ипохондрией». Руссо затем долго ссылается на черты пассивно-агрессивного расстройства личности, что уверило его, что он не должен наслаждаться жизнью независимо от обстоятельств, но что из-за в равной степени преобладающего нарциссического расстройства личности означало, что — несмотря на его способность признать свои собственные недостатки — он был, в конечном счете, вынужден обвинять других в своем бесконечном недовольстве и в ощущениях предательства и преследования:

«Состояние депрессии это болезнь, характерная для людей в счастливых ситуациях: слезы, которые я часто проливал без причины; живые тревоги, которые я чувствовал при падении листа или порхании птицы; непостоянство настроения в спокойствии самой приятной жизни; усталость, которая заставила меня уставать даже от счастья, и чувствительность, переходившая в сумасбродство, были сущностью этого. Мы так плохо сформированы для счастья, что, когда душа и тело не страдают вместе, они должны обязательно страдать по отдельности, хорошее состояние одного почти всегда является вредным для счастья другого. Если бы все удовольствия жизни окружали меня, моя ослабленная структура не позволяла бы чувствовать удовольствие от них, чтобы я при этом не мог определить реальное место моей жалобы; все же на склоне жизни, столкнувшись с очень серьезным и реальным злом, мое тело, казалось, вернуло себе свою силу, как будто нарочно чтобы столкнуться с дополнительными несчастьями; и, в настоящее время я пишу это, хотя и ослабленный, в возрасте около шестидесяти лет, и разбитый горем самого разного вида, я чувствую себя более способным вынести страдания, чем я когда-либо был способен вынести удовольствия в самом расцвете моих лет, и в лоне настоящего счастья».

Вышеупомянутое самоописание также указывает на симптомы биполярного расстройства, с колебанием капризов, сопровождаемых «частыми слезами без причины». Чтение Руссо книг по физиологии способствовало усилению его ипохондрии:

«Чтобы сделать меня совершенным, я добавил к кругу моего чтения немного трудов по физиологии: Я приступил к изучению анатомии и рассмотрению многообразия, движения, и замечательной конструкции различных частей, которые составляли машину человека; мои опасения немедленно возросли, я ожидал чувствовать себя больным по двадцать раз в день, и далекий от того, чтобы удивиться, обнаружив себя умирающим, я был удивлен, что я все же оставался жив! Я не мог прочесть описания любой болезни, не думая, что я болен именно ею, и, если бы я уже не был нездоровым, то я уверен, что должен был стать нездоровым от этого исследования. Находя в описании каждой болезни симптомы, подобные моим, мне казалось, что у меня были они все...»

Руссо был противоречивой, расколотой личностью. Он упоминал эти противоречия:

«Таковы были мои привязанности при вступлении в эту жизнь. Так начали

формироваться и демонстрировать себя, сердце, сначала надменное и нежное, характер женоподобный, но все же неукротимый; который, колеблясь между слабостью и храбростью, роскошью и достоинством, все время порождает противоречия внутри меня; вызывая воздержание и удовольствие, удовольствие и благоразумие, которые в равной мере подстерегали меня».

Даже здесь, в собственном самоанализе, Руссо жаловался, что он не мог найти удовлетворенности ни в гедонистическом либертинаже, ни в строгости, и что он должен был постоянно оставаться недовольным своей жизнью. Он утверждал, что приветствовал смерть как побег от горя своего существования, но с сожалением, что его конец лишит человечество в полной мере его гения и достоинства, когда писал: «Далекий от боязни смерти, я радостно видел, что она приближалась; но я чувствовал некоторое сожаление от того, что я оставлял окружающих меня людей без того, чтобы они почувствовали мою реальную заслугу, и были убеждены, насколько я должен был заслужить их уважение, если бы они знали меня лучше».

Если «Признания» мало выходили за рамки хроники его отношений с женщинами и предательств и преследований его со стороны друзей, то «Прогулки одинокого мечтателя» Руссо — это пространные размышления о незаслуженных страданиях, причиненных жестоким миром самому добродетельному из людей. Его уединенные прогулки в сельской местности, предположительно, дали ему время, чтобы рассмотреть глубокие вопросы жизни, но они были не большим, чем дальнейшими раздумьями с жалобами на свою судьбу. Несмотря на множество богатых и властных людей, которые стремились помочь ему, включая даже короля Людовика, и женщин из высшего общества, которые считали, что модно покровительствовать философам «Просвещения», несмотря на свой успех романиста, философа и музыкального критика, Руссо был полон решимости вести жизнь мученика. Возникает вопрос о том, вел ли он свою жизнь как самонаказание за смерть своей матери вскоре после его рождения? Во вступительных строчках «Прогулок» Руссо характерно пишет: «Так теперь я один в мире, без брата, соседа или друга, и мне не осталось никакой другой компании, кроме самого себя. Самый общительный и любящий из людей был единократно выброшен всеми остальными. Со всей изобретательностью ненависти они искали самую жестокую пытку для моей чувствительной души, и порвали все нити, которые связывали меня с ними. Я любил бы своих собратьев — вопреки им самим. Только прекратив быть людьми, они могли бы утратить мою привязанность».

Руссо предполагал, что он «стал ужасом рода человеческого», «оплеванным» «прохожими», и что «целое поколение» «единодушно» получило бы удовольствие, похоронив его живо. То, что он рассматривал как кошмарный сон, погрузило его в «лихорадку» на десять лет, и «шатало» его от «ошибки к ошибке, от заблуждения к заблуждению, и от безумия к безумию», что давало оружие тем, кто стремился управлять им, и разрушить его. Он понимал, что обладал «лихорадочным воображением», но никак не хотел признать, что его паранойя была причиной его мучения, и думал, что лучшим курсом должно было теперь принять свою судьбу как самого добродетельного в мире и все же оскорбляемого человека. С возрастом к нему пришла не мудрость, но просто более острый смысл «страдания», в которое он был погружен. Его верования с возрастом ожесточились, превратившись в догмы, и его «душевная летаргия» заставила его забывать аргументы, на которых основывались его взгляды, но которые теперь были зафиксированы. Это Руссо расценивал как силу, которая пришла с возрастом и в результате преследований. В его собственном уме он создал свой собственный мир мечтаний и кошмаров.

Пассивно-агрессивный нарциссист

Пассивно-агрессивные черты, которые демонстрировал Руссо, включали:

- Жалобы на то, что другие его неправильно понимали и недооценивали;
- Мог быть угрюмым, раздражительным, нетерпеливым, спорным, циничным,

скептическим, и противоречивым;

- Необоснованно критиковал и презирал власть;
- Выражал зависть и негодование в адрес очевидно более удачливых людей;
- Высказывал преувеличенные и постоянные жалобы на личные несчастья;
- Колебался между враждебным вызовом и раскаянием.

Пассивно-агрессивный человек предпринимает саботажи, чтобы гарантировать свою собственную неудачу, как форму самозлоупотребления за чувства неадекватности или вины, вообще происходящей из событий его детства. В случае Руссо мы видели, как он связал чувство ответственности за смерть своей матери во время его рождения и спроецировал это чувство на своего отца.

Руссо был также нарциссистом. Человек может быть и пассивно-агрессивным и нарциссическим. Руссо заявлял о себе, что он значительно выше других людей, обладая при этом чувствами вины и неадекватности, начиная с детства. Важным примером была отправка его пяти детей в приют на основании, что там, мол, о них будут лучше заботиться. Руссо сам саботировал все свои отношения с теми, кто стремился помочь ему, возлагая вину за это на других.

9. Садизм и де Сад

Примечательно, что человек, давший свое имя садизму, Донасьен Альфонс Франсуа Маркиз де Сад, расценивался как образец французской революционной добродетели.

Садистское расстройство личности включает использование жестокости или насилия, чтобы установить господство; оскорбление других; получения наслаждения от страданий других, использовании лжи для причинения боли другим; использование запугивания или террора как механизма управления; ограничение свобод других людей, привлекательность насилия, пыток или ранений. Как обозначено выше, характер насилия, совершенного во время большевистской и якобинской революций, является явным проявлением садизма, и идеологи и преступники «терроров», кажется, обладают чертами «садистского расстройства личности».

Маркиз де Сад находился под арестом и при Старом режиме и при правлении Наполеона Бонапарта. Якобинское междуцарствие предоставило ему не только свободу, но также и признание как революционного философа и как государственного функционера. Во время Революции он сидел за решеткой за физическое насилие и сексуальное насилие над многочисленными жертвами, но был выпущен из сумасшедшего дома в Шарантоне, около Парижа, в 1790 году. В том же году он был избран в Национальное собрание, где он представлял крайне левых, и идентифицировал себя с фракцией Марата. Его самоидентификация с крайне левыми включала коммунистические взгляды в пользу отмены частной собственности, и он выражал доктрину классовой борьбы «пролетариата», враждующего с другими классами. В 1793 году он написал хвалебную речь Марату, но столкнулся с Робеспьером, у которого была власть в течение нескольких лет. Де Сад был впоследствии заключен в тюрьму на один год (1793–1794), в то время как многие другие революционеры оказались не столь удачливыми, поскольку Революция пожирала своих собственных детей. В 1803 году, при Наполеоне, он был снова объявлен сумасшедшим за продолжающуюся публикацию своих развращенных романов, и возвратился в психиатрическую больницу в Шарантоне.

Секс и восстание: предшественник Франкфуртской школы

Де Сад был предшественником Франкфуртской школы и гуру Новых левых, которые объединили секс и восстание; синтез Фрейда и Маркса. Его идеи предвосхитили идеи Фрейда и фрейдистских марксистов, таких как Вильгельм Райх, и гуру Новых левых как Маркузе и Фромм. Де Сад объединил секс с революцией, писав в «120 днях Содома»: «Сексуальное удовольствие, я соглашусь, это страсть, которой подчинены все другие, но в которой они все объединяются». Его коммунистическая доктрина, как и доктрина Руссо, это атактистический всплеск во имя «свободы», это восстановление «примитива» под маской возвращения к «природе» во имя «прогресса». Он писал об этом в «Алине и Валькуре». «Мы не более виновны в следовании примитивным импульсам, которые управляют нами, чем Нил виновен в своих наводнениях или море в своих волнах». Де Сад выступал за ниспровержение любой морали во имя «Природы», где цивилизованная сдержанность станет устаревшей так, чтобы хищники, такие как он сам, могли бы свободно преследовать весь мир, так же, как он мучил бедных девушек и оправдывал себя тем, что платил им за это, утверждая, что был защитником «народа» во имя «свободы, равенства, братства». Секс был, таким образом, средством получения власти: «Чего хочет кто-то, когда занят половым актом? Того, чтобы все вокруг вас уделили вам свое чрезвычайное внимание, думали только о вас, заботились только о вас... каждый человек хочет быть тираном, когда он прелюбодействует». Секс и политика стали фундаментом Новых левых приблизительно 180 лет спустя, и все еще называются «прогрессивными». Можно было бы также отметить нарциссическую основу этого комментария де Сада.

В «Философии в будуаре» де Сад осудил «безвкусных моралистов» от имени «Природы». Он назвал девичью честь «абсурдом» и продуктом «опасных оков», навязанных «отвратительной религией» и «слабоумными родителями». Адорно и его команда социологов придумала что-то подобное более ста пятидесяти лет спустя, расценивая такие «репрессивные» отношения как скрытый «фашизм». Во имя «законов природы» оправдывались разрушения и убийства: «Разрушение является одним из главных законов природы, ничто, что разрушает, не может быть преступным... убийство это не разрушение; тот, кто совершает его, делает только изменение формы». Рождение ребенка это бремя, а отнюдь не закон природы. С точки зрения законов природы предпочтительнее отказ от размножения. Даже детоубийство является согласно законам природы правом матери. Де Сад в 1795 году использовал аргументы феминисток и сторонников абортс нашего времени: высмеивая идею, что «эмбрион начинает немедленно созревать, маленькая душа, излучение Бога, прибывает сразу, чтобы оживить его». Согласно де Саду такой ребенок не имеет никакого значения, и никто не должен быть обязан стать матерью или отцом.

Предвосхищая Маркса, де Сад связал религию с роялизмом и призывал к разрушению обоих. Утверждения де Сада, что религия поддерживает монархию, были просто как эхо повторены Марксом в следующем столетии, когда он назвал религию «опиумом для народа». В «свободном, республиканском государстве» останется лишь немного действий, которые будут расцениваться как наказуемые преступления: «есть очень немного преступных деяний в обществе, основы которого — свобода и равенство». Прирост населения должен быть ограничен, и детей можно убивать при рождении, чтобы гарантировать ограничение численности населения. Истребление населения стало важной политикой якобинского режима, также, как и «ампутация гангрены» определенных нежелательных элементов. Де Сад закончил свой либеральнокоммунистический трактат словами: «Я никогда не ем с таким удовольствием, я никогда не сплю так спокойно, как тогда, когда я в течение дня достаточно осквернил себя тем, что наши дураки называют преступлениями».

В 1960-х и 1970-х годах де Сад дал идеологическое вдохновение Новым левым, и его часто цитировали наряду с Маркузе, Че Геварой и Мао Цзэдуном.

10. Жан-Поль Марат

Описанное выше было идеологической атмосферой среди интеллигенции Европы, которая положила начало Французской революции. Как показала британский историк Неста Х. Вебстер, светила ее были как раз теми, кого доктор Нордау описал как маттоидов. Среди самых видных из них был Жан Поль Марат, с которым де Сада связывала особая близость. После того, как Марат был убит, де Сад написал о нем хвалебную речь.

Марат во время якобинского режима едва ли не был причислен к лику «революционных святых», увековечен художником Жаком-Луи Дэвидом на картине «Смерть Марата», и его сердце было забальзамировано. Его наследство также почитали большевики, которые в 1921 году переименовали его именем советский линкор (бывший «Петропавловск»). Улицу в центре Севастополя тоже назвали в честь него (Улица Марата).

Почитаемый якобинцами и большевиками

Используя документы того времени, Вебстер описала Марата, как «злобного карлика», с чудовищной головой, деформированным носом, и болезненножелтой кожей. Арман де ла Мёз, член Национального Конвента, заметил, что у Марата были горящие и дикие глаза гиены, глядящие украдкой, его движения были порывисты. У него был комплекс преследования, и он пребывал в состоянии бесконечного волнения. Другие замечали, что он впадал в ярость при малейшем несогласии, и у него даже шла пена изо рта. Черты, описанные его современниками, указывают, что у Марата была неврастения, отмеченная Спарго среди большевиков.

Как многие из лидеров левых, Марат соответствует описанию Нордау маттоида, неуравновешенного гения, который чувствует себя отчужденным от общества. Сегодня мы наблюдаем подобное явление в молодом серийном убийце, который часто является блестящим, но отстающим учеником, занимающимся хуже, чем позволяют ему его способности, но отчужденным от своих современников. Положение Марата в якобинской Франции позволило ему дать выход своей мстительной озлобленности, такой же, что и у любого отдельного серийного убийцы, но в гораздо более обширном масштабе.

Марат происходил из гугенотской семьи, отец ограничил его возможности, несмотря на его образование, из-за своей религиозной привязанности. Следовательно, как многие еврейские интеллектуалы, которые стали самыми свирепыми большевиками, Марат происходил из отчужденной среды другого типа. Марат также столкнулся с отторжением. Он стал человеком, «поглощенным ненавистью и завистью». Тем не менее, он достиг успеха как врач-самоучка в Англии, и французская аристократия искала его услуг. Однако он также занялся революционной политической журналистикой. Негодование, которое он испытывал ко всем богатым или успешным, которое он развил в себе еще в молодости, оставалось у него на всю жизнь, и, как очень многие другие левые, он рационализировал это чувство как политическую доктрину.

Господство террора

Марат, больше чем любой другой якобинец, был самым ярким сторонником Террора, увеличивая число тех, кого он желал убить, с 600 человек в 1790 году до 260 000 в 1792 году, которых убивали каждый день, иногда расширяя это число до 300 000. Однако, те, кого Марат хотел видеть «повешенными у их дверей» сначала были «пекари, бакалейщики и все торговцы». Хотя Марат умер до того, как началось «Господство террора», он вдохновил эту систему. Даже Робеспьер сначала отверг кровожадность Марата. Марат, которого в революционном идолопоклонстве называли «другом народа», хоть и выглядел «грязным и

неухоженным», жил в большом комфорте и, как известно, никогда ничего не жертвовал из своих личных средств беднякам Парижа. Для публики его персона была воплощением бережливости, и говорили, что он питался только хлебом и водой, но в действительности его ежедневное питание включало восемь блюд.

11. Карл Маркс

Карл Маркс, отец современного коммунизма и социал-демократии, основывался на идеях якобинцев. Дэвид Макколден в своем психоисторическом исследовании описал мать Маркса как «собственническую, манипулятивную, стереотипную еврейскую мать», которая оказала «глубокое впечатление на Маркса». Как показали Ротмэн и Лихтер в своем психоисторическом анализе евреев в среде Новых левых, этот поиск идентичности и свободы от объятий еврейского матриарха был значимым фактором в формировании революционеров еврейского происхождения. Фойер заявляет, что Маркс со времен юности бунтовал в поиске уверенности в себе, «всегда предчувствуя отторжение». «Его мир всегда должен был быть миром борьбы, потому что он никогда не был уверен в любви». Аналогично, его ранняя враждебность к еврейскости была отторжением еврейской идентичности, которую его мать сохраняла даже после того, как отец перешел в христианство. Фойер считает, что восстание было «жизненным планом Маркса». Ротмэн и Лихтер отметили, что многие из еврейских радикалов, которых они изучили, «считали себя неспособными развить в себе твердую приверженность какому-либо жизненному плану. Все же они боялись критики своей матери из-за этого отсутствия достаточно четкого направления».

Мать Маркса была предана ему, обращалась к нему в письмах «мой самый любимый дорогой Карл» или «дорогой любимый Карл», и подписывала их «твоя вечно любящая мать». Маркс в ответ называл ее своей «ангельской матерью». Когда он был студентом университета, мать писала ему, напоминая, чтобы он «ежедневно тщательно мылся мылом и водой», совет, которым он, кажется, пренебрегал в течение своей жизни. После смерти его отца, когда Карлу было 23 года, его мать убеждала его заняться работой, чтобы заботиться о своей семье; просьба, которую он с негодованием отклонил. В то время как она, несмотря на нехватку образования, продолжала делать инвестиции, которые увеличивали ее состояние, Маркс держал свою семью в бедности и долгах, и, если не считать субсидий от Энгельса, все время мечтал о том дне, когда его мать и другие родственники, включая его жену, умрут, и он унаследует их деньги. С учетом сумм, которые он получал от Энгельса и в других местах, его продолжающаяся бедность, вероятно, была результатом его дорогостоящих вкусов, что вызывало бесконечные долги. Его письмо Энгельсу в 1851 году показывает его позицию в этом отношении:

«Дорогой Энгельс,

Пока ты сам занимаешься военной историей, я провожу небольшую кампанию, в которой я, вероятно, буду побежден вскоре, и из которой ни Наполеон, ни даже Виллих — коммунистический Кромвель — не смогли бы выпутаться.

Ты должен знать, что я должен был заплатить три фунта и десять шиллингов старому Бамбергеру 23 марта, и десять фунтов еврею Штибелю шестнадцатого, все на текущих чеках. Я сначала заставил Женни спросить напрямую мою тещу. Ответом на это было то, что г-на Эдгара [фон Вестфалена] отослали назад в Мексику с остатком денег Женни, и я не мог получить ни одного сентима.

Тогда я написал своей матери, угрожая переписать чеки на нее, и, в случае неуплаты, поехать в Пруссию и сесть там в тюрьму. Я действительно намеревался взять последний курс, если такое должно было иметь место, но этот метод перестал быть осуществимым с того момента, как эти ослы начали заполнять прессу своими

горестными повестями о рабочих, бросающих меня, о моей падающей популярности и т. п... Как бы то ни было, дело стало бы похоже на часть политического спектакля, более или менее преднамеренную имитацию Иисуса-Христа-Кинкеля. Сроком, который я установил для своей матери, было 20 марта.

10 марта она написала и сказала мне, что они намеревались написать нашим родственникам; 18 марта она написала, чтобы сказать, что родственники не написали, что должно было означать, что вопрос был закрыт. Я сразу ответил, говоря, что я настаиваю на моем первом письме.

16 марта, с помощью Пипера, я заплатил Штибелю его десять фунтов. 23 марта, после того, как я сделал много бесплодных шагов, чек для старика Бамбергера был неизбежно опротестован. У меня была ужасная сцена со стариком, который, кроме того, он ужасно бранил меня за достойного Зайлера. Через своего банкира в Трире этот идиот попросил информацию обо мне от банкира, Лауца. Этот тип, банкир моей матери и мой личный враг, естественно написал и рассказал ему самые абсурдные вещи обо мне и, вдобавок ко всему, полностью настроил мою мать против меня.

Что касается старого [Симона] Бамбергера, то у меня не было никакой альтернативы, кроме как выписать два чека для него, один на него в Лондоне, подлежащий оплате в течение четырех недель с 24 марта, другой, подлежащий оплате в Трире через три недели, на мою мать, чтобы покрыть первый. Я сразу советовал своей матери относительно этого. Сегодня, одновременно с твоим письмом, пришло письмо от моей матери, в котором она, полная морального негодования, обращается ко мне с самыми дерзкими словами, недвусмысленно заявляя, что она опротестует любой чек, который я выпишу на нее.

Так, когда придет 21 апреля, я должен буду ожидать самого худшего от совсем разгневанного старого Симона Бамбергера.

В то же самое время мою жену положили в постель 28 марта. Хотя ее роды были легкими, она теперь очень больна, и лежит в кровати, причины этого скорее домашние, а не физические. И таким образом у меня буквально нет ни гроша в доме, так что счета торговцев — мясника, пекаря и т. д. — продолжают увеличиваться.

Через 7 или 8 дней у меня будет копия завещания из Шотландии. Если что-то можно сделать из этого, маленький [Луи] Бамбергер это тот, кто сможет сделать так, если только в его собственном интересе. Но я не могу на это положиться.

Ты согласишься, что это настоящий беспорядок, и что я по горло в дерьме мелкой буржуазии. И в то же самое время я тот, как также говорят, кто эксплуатировал рабочих! и стремился к диктатуре! *Quelle horreur!*

Mais ce n'est pas tout. Промышленник, который в Брюсселе, дал мне займы деньги из Трира, напоминает мне о возврате долга, потому что его металлургические заводы имеют проблемы. *Tant pis pour lui*, я не могу сделать, как он просит.

Но, наконец, чтобы придать этому вопросу трагикомический поворот, есть, кроме того, *mystere*, который я теперь раскрою тебе *en tres peu de mots*. Однако меня только что прервали, и я должен пойти и помочь нянчить мою жену. Остальное, потом, в котором ты также фигурируешь, в моем следующем...»

Нарциссическое расстройство личности

В этом письме мы можем видеть основные черты самовлюбленной, нарциссической личности, лишенной чувств к другим людям, включая свою мать, заботящуюся только о самом себе и обвиняющую в своей безответственности с деньгами своих родственников, торговцев и банкиров, которые ожидали, что Маркс оплатит свои счета и долги как все нормальные люди. Как Руссо и другие левые светила, Маркс полагал, что мир существовал, чтобы служить его неотложным потребностям, и проклинал всех до одного, когда его

собственные недостатки и неудачи догоняли его.

Была ли ненависть Маркса к «мелкой буржуазии» проекцией его личной финансовой безответственности и его задолженности торговцам? Действительно ли еврейская ненависть к себе Маркса была проецированием его собственной навязчивой идеи с денежными делами и его задолженности еврейским бизнесменам, таким как банкир «старик Бамбергер»? Маркса писал о «каждодневном, действительном мирском еврее», одним из которых был он сам: «Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги». В «каждодневном еврее» он видел себя, спроецировал эти черты на «общество буржуазии» и выразил свою ненависть к ней. Но, в конечном счете, это была ненависть к самому себе и поиски самоуничтожения.

Кроме того, было ли неприятие Марксом традиционной семьи как «буржуазного института», основанного на торговле, его собственным проецированием того, как он расценивал свои семейные отношения? Маркс и Энгельс писали в основополагающем документе современных левых: «На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции».

Поскольку семейные отношения Маркса были основаны на продолжающихся усилиях вымогать деньги от родственников через моральный шантаж, он спроецировал свой собственный менталитет стяжательства на весь институт семьи. Это антисемейное мировоззрение было одним из основных воззваний к лидерам и последователям и Старых левых и Новых левых, среди которых, как мы увидим, было непропорционально много случаев семейной дисфункции. Но когда дошло до брака его дочерей, Маркс стал таким же буржуазным отцом, как и любой зажиточный джентльмен Викторианской эпохи.

Женни фон Вестфален

Несмотря на напряженные экономические обстоятельства жены Маркса Женни, письма которой Карлу во время их ухаживания указывают на биполярное расстройство (безумная депрессия), как и у ее мужа, она стремилась поддерживать внешний вид достатка перед «высшим обществом», в котором она родилась. После рассказа о том, что она является украшением «общества» и ведет себя в «обществе» в надменной манере, она упоминает тех, кто спрашивает, когда ее муж собирается получить работу, чтобы содержать свою семью и дорогие вкусы и Женни и его самого:

«Я сама тоже думаю о том, была ли бы польза от скромного поведения; это никому не поможет выбраться из трудностей, и люди настолько счастливы, если они могут выразить свое сожаление. Несмотря на то, что все мое существо выражает удовлетворение и достаток, все они всё еще надеются, что ты решишь, в конце концов, получить постоянное место работы. О, ослы, как будто вы все сами стоите на твердой почве. Я знаю, что мы точно не стоим на твердой поверхности, но разве сейчас есть хоть где-то какой-то устойчивый фундамент?»

Женни рационализирует отвращение своего мужа к регулярному труду, заявляя, что, так как экономическая ситуация сомнительна для всех, никто не должен быть настолько дерзким, чтобы расспрашивать ее о делах Карла. Возможно, эта рационализация была попыткой замаскировать ее собственное чувство неловкости из-за безответственности ее мужа? Во всяком случае, Женни фон Вестфален вела себя в надменной манере, которая выдает ее подспудное чувство неуверенности и самоуничижения. Отец Карла, Генрих, который писал о Женни своему сыну, заметил то, что, кажется, было неопределенным предчувствием:

«Но я отмечаю поразительное явление в Женни. Она, которая так полностью

предана тебе с ее искренним, чистым расположением, время от времени, непреднамеренно и против своего желания выдает своего рода страх, страх, заряженный предчувствием, который не избегает моего внимания, который я не знаю, как объяснить, и все следы которого она попыталась стереть из моего сердца, как только я указал ей на это. Что это означает, что это может быть? Я не могу объяснить это самому себе, но, к сожалению, мой опыт не позволяет мне так легко обмануться».

Марксы были явно высокомерны по отношению ко всем людям вокруг них, включая буржуазное «высшее общество». Но они определенно отвергали простую жизнь, чтобы «соблюсти приличия» перед теми, которых они презирали. Действительно, можно было бы спросить, была ли хоть какая-то часть человечества, какой-то «класс», к которому они не чувствовали бы презрения? Здесь, похоже, была рационализация чувств отчуждения от любого класса общества; чувства неадекватности, спроецированного, как это часто бывает, с маской превосходства и надменности.

Женни и Карл были уверены, что эти дураки из «общества», которые спрашивают, когда Карл получит работу, чтобы оплатить свои счета и содержать свою семью, сами скоро падут с крахом капитализма. Женни пишет, заверяя Карла:

«Разве нельзя повсюду видеть признаки землетрясения и подрыва основ, на которых общество построило свои храмы и лавки? Я думаю, что время, этот старый крот, скоро прекратит рыться под землей — действительно в Бреслау снова были грозы. Если бы мы только смогли протянуть какое-то время, пока наш младший ребенок вырастет».

Ожидая революции, Женни должна была поддерживать внешний вид достатка перед высшим обществом, отговорка, чтобы смягчить отказ Карла получить работу:

«Мой дорогой, я часто очень волнуюсь по поводу нашего будущего, и ближайшего и более отдаленного, и я думаю, что я понесу наказание за мое богатство и чванство здесь. Если ты можешь, успокой мои мысли насчет этого. Здесь слишком много говорят со всех сторон об устойчивом доходе. На это я отвечаю просто с помощью моих розовых щек, моей чистой кожи, моего бархатного плаща, шляпы с пером и утонченной причёски. Это имеет самый лучший и самый глубокий эффект, и если в результате я и становлюсь подавленной, то никто не видит этого».

Родственники как источник денег

Долги владельцам лавок и ремесленникам ради стереотипно буржуазного тщеславия, похоже, были постоянной особенностью жизни обоих. Женни пишет Карлу: «Только один большой жизненный вопрос, о счетах портного и портнихи, все еще ждет благоприятного решения, которое я надеюсь, скоро будет принято».

В письме к Энгельсу в 1848 году Маркс предложил средство извлечения большего количества денег от отца Энгельса: «Я составил верный план, как раздобыть деньги от твоего старика, поскольку у нас теперь нет ничего. Напиши мне письмо о просьбе (насколько возможно грубой), в котором ты перескажешь свои прошлые превратности, но таким способом, чтобы я мог передать это твоей матери. Старик начинает о чем-то догадываться».

В письме к Энгельсу в 1852 году Маркс был полон надежд на смерть дяди Женни: «Единственные хорошие новости, которые мы получили, пришли от моей властной невестки, новости о болезни несокрушимого дяди моей жены. Если этот пес теперь умрет, я выпутаюсь из трудностей». Маркс рассказывал Энгельсу об «очень счастливом случае» — смерти дяди

Женни:

«Вчера нам сообщили об очень счастливом случае, смерти дяди моей жены, в возрасте 90 лет. В результате моя теща сохранит ежегодный доход в двести талеров, и моя жена получит почти сто фунтов; может быть и больше, если старый пес не оставил своей экономке часть своих денег, не включив их в завещание».

Отметьте, что этот защитник интересов пролетариата надеется, что ни одна часть наследства Женни не будет потрачена впустую на экономку покойного дяди.

Маркс написал Энгельсу в 1861 году, поздравляя себя с получением денег от дяди:

«Сначала, о деле. Для начала я выжал 160 фунтов из моего дяди так, что мы смогли заплатить большую часть наших долгов. Моя мать, с которой нельзя даже и говорить о наличных деньгах, но кто быстро приближается к своему концу, уничтожила несколько долговых расписок, которые я дал ей в прошлом. Это было явно приятным результатом этих двух дней, которые я провел с нею».

Тут примечательно, что помимо денег, которые Маркс «выжал» у своего дяди, он совершенно не заботился о своей матери, «быстро приближающейся к концу», (конечно кроме того, каким будет его наследство), но зато получил некоторое удовлетворение от того, что его посещение привело к тому, что мать списала кое-что из его долгов.

Маркс в письме Энгельсу в 1861 году показывает явное отсутствие заботы и внимания к своей матери и ее здоровью, отмахиваясь от ее «нежных выражений» и благоденствия как бессмысленных явлений в сравнении с его потребностями. Самовлюбленность тут выражена особенно ярко:

«Я получил вчера ответ от старой леди. Только «нежные» выражения, но никаких наличных денег. Она также рассказывает мне что-то, что я и так уже знал, что ей 75 лет, и что она сильно ощущает старческую немощь».

В следующем (1862) году Маркс писал Энгельсу о том, что Женни непрерывно чувствовала в себе склонность к самоубийству, и о тяжелой депрессии его жены из-за нехватки денег и постоянных долгов, и о беспокойстве детей, что их друзья могли бы обнаружить, что они живут в бедности. Маркс закончил, однако, письмо на положительной ноте, снова с эгоцентризмом самовлюбленного человека, что в сравнении с планами его писаний беды его жены и детей были лишь второстепенным вопросом:

«...Каждый день моя жена говорит, что она хотела бы вместе с детьми найти упокоевание в могиле, и я нисколько не виню ее за это, поскольку унижения, страдания и хаос, через которые приходится проходить, поистине не поддаются описанию. Мне еще больше жаль детей, потому что все это происходит во время выставки, когда их друзья всюду веселятся, а сами они живут в страхе, как бы кто-нибудь не пришел, не увидел их и не понял, в каком кошмаре они живут.... В остальном я сам, кстати, продолжаю много работать и, странно сказать, мое серое вещество функционирует посреди бедственного окружения лучше, чем оно это делало в течение многих лет».

Энгельс, когда писал Марксу, демонстрировал те же самые нарциссические черты в отношении родственников, которые были для него лишь источником денег: «Но все это чепуха, и, если мы не сможем открыть искусство дерьмового золота, похоже, нет никакой альтернативы твоему извлечению чего-то от твоих родственников тем или иным способом».

Когда мать Маркса в 1863 году умерла, большое наследство мало что изменило для Маркса, так как большая часть наследства пошла на погашение ссуды его дяди-банкира, а оставшееся он сам быстро потратил на развлечения и отдых.

Тщеславный, нетерпимый, мстительный

Одежда и тело Маркса, как правило, выглядели грязными. По словам его конкурента в «Интернационале» анархиста Михаила Бакунина, Маркс был «нервным... на грани трусости». Действительно, в отличие от Бакунина, Маркс никогда не выходил на баррикады. «Чрезвычайно честолюбивый и тщеславный, склочный, нетерпимый и абсолютно... мстительный на грани безумия. Нет никакой лжи или клеветы, которую он не смог бы выдумать против любого, у кого было несчастье возбудить в нем ревность... или ненависть».

Отец Маркса Генрих считал своего сына эгоцентричным и «небрежным» по отношению к своей безумно любящей его матери, о чем свидетельствует его письмо Карлу в 1835 году:

«Дорогой Карл,

Больше чем три недели прошло, как ты уехал, и у нас все еще нет никакой весточки от тебя! Ты знаешь свою мать и то, как она беспокоится, и все же ты демонстрируешь эту безграничную небрежность! Это, к сожалению, слишком подтверждает мнение, которого я придерживаюсь, несмотря на многие твои хорошие качества, что в твоей душе преобладает эгоизм. Твоя мать ничего не знает об этом письме. Я не хочу усиливать еще больше ее беспокойство, но я повторяюсь, это безответственно с твоей стороны. С моей стороны, я могу ждать — но я ожидаю, что ты успокоишь настроение своей матери своим ответным письмом.

Твой отец,
Маркс».

Второе письмо Генриха Маркса было сердечным, после получения едва четкого ответа от своего сына. Его мать добавила постскрипtum, напоминающий «Карлу» о гигиене:

«Позволь мне здесь отметить, дорогой Карл, что ты никогда не должен расценивать чистоту и порядок как что-то вторичное, ибо здоровье и жизнерадостность зависят от них. Настаивай строго, чтобы твои комнаты чистили и мыли часто и установи определенное время для этого ~ и ты, мой дорогой Карл, еженедельно тщательно мойся губкой и мылом».

В студенческие годы Карла его отец задался вопросом, не держался ли его сын на плаву с помощью «попрошайничества», надеялся, что это было не так, и отправил ему 50 талеров. Эти студенческие дни были началом протянувшегося на всю жизнь Карла попрошайничества и его финансовой безответственности. Генрих очень надеялся, что его сын выберет себе профессию юриста. Однако у Маркса не было никакого намерения вести такое буржуазное существование, даже если это означало унижить свою жену и детей, отправив их жить в трущобы Лондона, в то время как он проклинал мир, своих родственников, своих товарищей и лавочников за свои собственные неудачи. Генрих жаловался, что Карл не мог точно сказать относительно того, как он тратил деньги, которые ему посылали, несмотря на собственные тяжелые семейные обязанности Генриха:

«Я только что получил твое письмо, и я должен признаться, что несколько удивлен им. Что касается твоего письма, содержащего счета, я уже сказал тебе в то время, то тут я ничего не могу понять. Насколько я вижу, тебе нужны деньги, и поэтому я послал тебе 50 талеров. С теми деньгами, которые ты взял с собой, это составляет 160 талеров. Ты отсутствовал всего пять месяцев, и теперь ты даже не говоришь, что тебе нужно. Это, во всяком случае, странно. Дорогой Карл, я повторяю, что я охотно сделаю все, но что как отец нескольких детей — и ты очень хорошо знаешь, что я не богат — я не готов сделать больше, чем необходимо для твоего благосостояния и развития».

В письме от 19 марта Генрих пояснил, что он считает, что Карл выбрасывал деньги на ветер, и что он не может позволить себе послать ему больше денег. Однако в следующем письме Генрих очевидно передумал и послал сыну еще 100 талеров, с надеждой, что Карл потратит их более мудро, с обещанием, что в течение нескольких дней он отправит еще 20 талеров.

Корреспонденция Генриха с Карлом колеблется между отеческой привязанностью, с одной стороны, с его убежденностью относительно того, насколько мир будет восхищаться его сыном, как только они поймут его таланты, его разумность характера и чувствительность, и, с другой стороны, глубоким беспокойством относительно истинного характера Карла. В то время как письма от Женни фон Вестфален Карлу в течение его студенческих дней показывают, что она была психически хрупкой, они указывают также, что Карл был полон решимости контролировать ее, и держать ее в состоянии неустойчивости. Генрих и остальная часть семьи Маркса были близки к Женни, и Генрих пытался мягко наказать Карла за его обращение с ней, даже еще до их брака. Генрих спрашивает Карла относительно Женни:

«Будешь ли ты когда-либо — и это не наименее болезненное сомнение в моем сердце — будешь ли ты когда-либо способен к настоящему человеческому, внутреннему счастью? Будешь ли ты — и это сомнения не меньше мучило меня с недавних пор, так как я полюбил определенное лицо как своего собственного ребенка — будешь ли ты когда-либо способен передать счастье тем, кто рядом с тобой?»

Карл никогда не смог «передать счастье тем, кто рядом с ним». Он никогда не пытался исполнить надежды своего отца заняться профессиональной работой, и хотел, несмотря на все преимущества своего воспитания и образования, «попрошайничать» всю свою жизнь, довел свою семью до бедности, плохого здоровья и самоубийства, и предал всегда преданную ему Женни, когда ее тоже преданная горничная родила от него ребенка.

Во время ухудшения своего собственного здоровья, серьезного ухудшения здоровья сына Эдуарда, болезни дочери Софи, и забот о Женни Генрих спросил Карла, не заставили ли все эти заботы его время от времени писать слишком резко своему «чувствительному» сыну? Очевидно, что Карл думал только о себе, независимо от проблем своей родителей и невесты. Генрих, задал, наконец, некоторые уместные вопросы своему сыну:

«Хотя я люблю тебя больше всего — кроме твоей матери, я не слеп, и еще меньше хочу быть слепым. Я воздаю тебе должное во многих вопросах, но я не могу полностью избавиться от мысли, что ты не избавлен от несколько большей доли эгоизма, чем нужно для самосохранения, и я не всегда могу отогнать от себя мысль, что если бы я был на твоем месте, то я бы показывал больше забот и больше самоотверженной любви к своим родителям. Я ничего не получил от своих родителей кроме моего существования — хотя, чтобы не быть несправедливым, и любви моей матери — и как я боролся и страдал, чтобы как можно дольше не причинять им боль.

Не выдвигай свой характер как оправдание. Не обвиняй природу. Она, конечно, обходилась с тобой как мать. Природа дала тебе достаточно силы, но воля остается за человеком. Но предаваться горю при малейшей буре, раскрывать разрушенное сердце и разбивать сердце наших любимых при каждом страдании, разве ты назовешь это поэзией? Бог защищает нас от самого прекрасного из всех даров природы, если это — ее непосредственный эффект. Нет, это только слабость, баловство, себялюбие и тщеславие, которые так уменьшают все до своей собственной меры и вынуждают даже тех, кого мы любим больше всего, отходить на задний план!»

Неспособный к сочувствию

Молодой Маркс использовал рутину страдающего поэта как средство морального шантажа своих родителей ради денег, в то время как его родители даровали ему только свою привязанность. Родственные и прочие отношения нужны были Карлу только для того, чтобы ими пользоваться: основная особенность социопата. Эти черты Маркса как студента были больше чем просто юношеской его фазой: эти черты оставались с Марксом на протяжении всей его жизни. Несмотря на его лучшие надежды, глубоко убежденный христианин Генрих, кажется, признал в душе и уже достаточно редко выражал предчувствия, что в его сыне не было никакой любви, никакой нормальной человечности, никакого сочувствия:

«Первое из всех человеческих достоинств — сила и воля жертвовать собой, отложить в сторону свое эго, если долг, если любовь призывают к этому, и в действительности это не те очаровательные, романтические или подобные героическим жертвы, акт момента странной мечтательности или героического чувства. Даже самый великий эгоист способен к этому, поскольку как раз эго занимает тогда почетное место. Нет, именно те ежедневно и ежечасно повторяющиеся жертвы, приходящие из чистого сердца хорошего человека, любящего отца, добросердечной матери, любящего супруга, благодарного ребенка, придают жизни собственное очарование и делают ее прекрасной, несмотря на все неприятности.

Ты сам так красиво описал жизнь твоей замечательной матери, так глубоко прочувствовал, что вся ее жизнь — это непрерывная жертва во имя любви и лояльности, и тут ты действительно не преувеличил. Но что проку от красивых примеров, если они не вдохновляют копировать их? Но можешь ли ты, положив руку на сердце, гордиться тем, что ты сделал это до сих пор?»

Это излияние честного мнения, даже при том, что даже теперь Генрих был обеспокоен, что Карл будет «оскорблен», было вызвано предстоящим браком Карла с Женни. Генрих признал, что его сын, с характером, который он тогда выражал, не предложит утешения своей жене или детям:

«Я не хочу слишком давить на тебя, конечно, я не хочу оскорблять тебя, потому что фактически я достаточно слаб, чтобы сожалеть об оскорблении тебя. Но будь это просто так, что я и твоя добрая мать страдаем от этого, возможно, я и не уделил бы этому внимания. Ни в чьем сердце есть так мало эгоизма как в сердце хороших родителей. Но для твоей собственной пользы я не должен и никогда не оставляю этот текст, пока я не буду уверен, что это пятно на твоём во всем прочем столь благородном характере исчезло. Очень скоро ты будешь и должен стать отцом семьи. Но ни честь, ни богатство, ни известность не сделают твою жену и детей счастливыми; ты один можешь сделать это, твое лучшее «я», твоя любовь, твое нежное поведение, сдерживание твоих бурных особенностей, сильных вспышек страсти, болезненной чувствительности, и т. д., и т. д., и т. д. Я тут едва говорю уже больше от своего собственного имени, я призываю твое внимание к узам, которые должны быть крепки».

Генрих иногда ссылался на то, что он расценивал как капризность Карла — как мы могли бы это назвать, его досаду и возмущение самыми незначительными недостатками или воображаемыми недостатками. Это и есть нарциссизм — классическая самовлюбленность. Характер Карла в этом отношении также не изменился с возрастом. Разве мы не могли бы увидеть здесь, как и в случае с Руссо и другими, происхождение обид Карла против мира, против общества, против всех и каждого, которые, как ему казалось, действовали против него? Вкратце: разве мы не могли бы увидеть здесь происхождение «марксизма» как доктрины маттоидной мести? Генрих писал Карлу, с возрастающей ясностью показывая свои

предчувствия о характере своего сына: «Откровенно говоря, мой дорогой Карл, мне не нравится этот современный мир, который все слабаки используют, чтобы скрыть свои чувства, когда они ссорятся со всем миром, потому что они не владеют, без труда или хлопот, набитыми добром дворцами с большими денежными суммами и изящными каретами. Эта озлобленность вызывает во мне отвращение, и ты последний человек, от которого я ожидал бы этого. Какие причины могут быть у тебя для этого? Разве не все улыбалось тебе, начиная с колыбели? Разве природа не одарила тебя великолепными талантами? Разве твои родители не расточали свою привязанность на тебя? Разве ты когда-либо до сих пор не мог удовлетворить свои разумные желания? И разве ты не похитил самым непостижимым способом сердце девушки, из-за которой тысячи завидуют тебе? И все же первый неблагоприятный случай, первое разочарованное желание, вызывает озлобленность! Разве это сила? Разве это мужественный характер?»

Последние письма Генриха Карлу становятся все более и более откровенными. Это, кажется, происходило, прежде всего, из-за его беспокойства, что его все никак не преуспевший сын собирался жениться на женщине из аристократического семейства, которую он затащил бы в пропасть. Генрих в конце 1837 года спросил: «Каковы до сих пор были плоды твоих великолепных естественных даров, что касается твоих родителей? Каковы были эти плоды, что касается тебя самого?» Генрих, снова возвращаясь к своему беспокойству о Женни, спросил Карла, что тот может предложить женщине благородного происхождения, которая готова пожертвовать столь многим: «Простое и практическое решение состоит в том, чтобы обеспечить ей будущее, достойное ее, в реальном мире, не в заполненной дымом комнате с сильно пахнущей масляной лампой, рядом с одичавшим ученым». Генрих даже спрашивал сына, будет ли Женни состоятельна, если ее родители откажутся дать свое согласие на ее бракосочетание с Карлом. Генрих надеялся, что новые обязанности Карла превратят его из «нецивилизованного подростка в правильного, уважающего порядок человека, из гения отрицания в подлинного мыслителя, из дикого главаря диких молодых соратников в человека, пригодного для общества...»; «чтобы изгнать всех злых духов». «Нецивилизованный подросток», «гений отрицания, «дикий главарь»; все это Генрих видел в своем сыне: типичные черты маттоида или социопата, черты, которые снова и снова возникают в лидерах левых.

Генрих, указывая на дисфункциональные ответные реакции своего сына, предвидел курс, который выбрал для себя Карл:

«Такой, короче говоря, была проблема. Как же она была решена?

Боже мой!!! Беспорядок, банальные экскурсы во все отрасли знаний, банальные размышления под тусклой масляной лампой; одичание в халате ученого — и с неопрятными волосами вместо того, чтобы одичать со стаканом пива; необщительный уход с пренебрежением всем этикетом и даже любым уважением к отцу. — Искусство связи с миром ограничилось грязным кабинетом, в классическом беспорядке которого, возможно, любовные письма от Женни и увещевания отца, написанные им из лучших побуждений, возможно, со слезами, используются для разжигания трубки, что, во всяком случае, было бы лучше, чем если бы они попали в руки третьих лиц вследствие еще более безответственного беспорядка. — И это здесь, в этой мастерской бессмысленной и бесцельной эрудиции, должны созреть плоды, которые дадут пищу тебе и твоей любимой, и должен быть собран урожай, который будет служить, чтобы выполнить твои священные обязательства!»

Наконец, Генрих был честен со своим сыном. Он сказал Карлу то, что мы могли бы назвать неоспоримыми фактами, что он держал в себе, или на что только мимоходом ссылался из опасений ненароком обидеть своего сына:

«Я не стану мягкосердечным, поскольку я чувствую, что я был слишком снисходительным, слишком мало выражал свои обиды, и таким образом до

некоторой степени стал твоим сообщником. Я должен сказать и я скажу, что ты вызвал у своих родителей много досады и мало или совсем никакой радости».

Генрих ссылаясь на «отчуждение» Карла от своей семьи, его отказ поддерживать с нею связь через письма или предпринимать хоть какие-то усилия, чтобы посетить своих родителей во время каникул, и отсутствие реального содержания в тех письмах, которые он действительно писал. Далее Генрих возвращается к недостаточному чувству семейной связи у Карла. Даже о Женни он думает только при необходимости:

«Я должен добавить также о жалобах твоих братьев и сестер. Из твоих писем едва можно увидеть, что у тебя есть братья или сестры; что касается доброй Софи, которая так страдала ради тебя и Женни, и настолько щедра в своей преданности тебе, то ты не думаешь о ней, когда она тебе не нужна».

Следующий пассаж указывает на дальнейшие черты социопатии, на полное отсутствие у Карла человеческого отношения даже к его родителям и родным братьям. Недостаток сочувствия оставался у Маркса даже в его отношениях с Женни, чего боялся Генрих, как и того ада, в который Карл отправит ее и своих детей: «Несколько раз мы не получали от тебя ни одного письма в течение многих месяцев, и в последний раз это было тогда, когда ты знал, что Эдуард был болен, мать страдала, и я сам чувствовал себя не хорошо, и кроме того в Берлине бушевала холера; и как будто даже это не призывало к извинению, твое следующее письмо не содержало ни слова об этом, но просто несколько плохо написанных строчек и отрывок из дневника под названием «Посещение», который я вполне откровенно предпочту выбросить, а не прочитать, сумасшедшая халтура, которая просто показывает, как ты тратишь свои таланты и проводишь свои ночи, рождая монстров; что ты идешь по стопам новых антиморалистов, которые извращают свои слова, пока они сами уже не слышат их; кто называет поток слов продуктом гения, потому что это лишено идей или содержит только искаженные идеи».

Презрение, которое Маркс испытывал к массам, было небрежно выражено им в его корреспонденции. Адольфу Клуссу он писал: «Нет больших ослов, чем эти рабочие... Посмотрите на наших «мастеров». Печально, что мировую историю приходится делать с такими людьми». И своему самому близкому другу и покровителю Фридриху Энгельсу он писал: «Когда этим утром мы искали номер в отеле «Европа», к счастью произошло так, что 60 французов готовились уезжать, в то время как с другой стороны пароходы, загруженные новым человеческим мусором, еще не прибыли». Это презрение к человечеству, которое было выражено в стихах его юности, тех самых, что так беспокоили его отца, никогда не покидало Маркса, даже тогда, когда он лживо пытался выдать себя за самого известного защитника «народа». Это было разрушительное презрение, выражавшее характерный для социопата недостаток сочувствия.

Генрих видел безумие в своем сыне и в разрушительности его глупой прозы. Несмотря на недостаточное благосостояние семьи, семья Маркс давала Карлу 700 талеров в год. Генриху спрашивал, почему это было необходимо, если даже сыновья богатых семей живут на 500 талеров? Генрих спрашивал, что сделал Карл, кроме того, что он в один день построил, а на следующий день разрушил, даже свои собственные работы, не поглощая и не используя при этом идеи других. «В конце болеет тело, и разум приходит в расстройство». Не достигнуто ничего осязаемого, «в то время как обычные маленькие люди» продолжают двигаться к более достойной жизни. После всего этого Генрих уверил Карла, что вышлет ему 160 талеров, и что он надеется, что сын посетит его на Пасху. В 1838 году Генрих Маркс умер. В феврале, уже болея, он написал Карлу, и уверил его в том, что все еще любит его. Он умер три месяца спустя. Карл так и не поехал к нему на Пасху.

Прочное беспокойство Генриха, что Карл не мог бы стать хорошим мужем или отцом из-за глубоких недостатков своего характера, оказалось правильным. Прусский полицейский шпион описал Маркса как грязного алкоголика, и его брак и статус отца семейства никак не

изменили в нем те же самые черты, которые его родители замечали в отношении выпивки и небрежного отношения к гигиене в его студенческие годы:

«Он редко моется, чистится и меняет свое белье, и ему нравится напиваться. Хотя он часто очень долго пребывает в праздности, он может с неустанной выносливостью работать день и ночь, когда ему необходимо сделать большую работу. У него нет постоянных часов, когда он ложится спать и когда просыпается. Он часто не ложится спать всю ночь, а затем полностью одетый ложится в полдень на диване и спит до вечера, не беспокоясь ни о чем на свете».

Недостаточная личная гигиена

Условия домашнего хозяйства Маркса были столь же грязными. Пока Маркс был поглощен только самим собой, его жена, дети и горничная пребывали в деградации. Несмотря на плохое здоровье его семьи и депрессии его жены Маркс оставался «не беспокоящимся ни о чем на свете», пока его дорогие вкусы на сигары и вино и требования оплаты счетов от владельцев лавок не возвращали его к действительности достаточно долго для него, чтобы он мог напыщенно разглагольствовать Энгельсу против тех, кто пытался вести скромную жизнь. Уин описывает жилье Маркса как квартиру с двумя комнатами, где вся мебель и оснащение были сломаны и порваны, «с полудюймом пыли поверх всего».

«В середине передней гостиной, выходящей на Дин-Стрит, был большой стол, покрытый клеенкой, на которой лежат рукописи Маркса, книги и газеты, так же как детские игрушки, тряпки и лоскутки из корзины для шитья его жены, несколько чашек со сломанными ободками, ножи, вилки, лампы, чернильница, стаканы, голландские керамические трубки и толстый слой табачного пепла. Даже найти что-то, чтобы сесть, было чревато опасностью. «Этот стул только с тремя ногами, на другом стуле, на котором дети играли в поваров, — у этого стула, оказывается, есть четыре ноги», сообщал один гость. «Этот стул предлагают посетителю, но остатки детской кулинарии не были вытерты; и если вы садитесь, то рискуете парой брюк».

Дети Маркса Фредди Демут

Отцовство Фредди Демута, сына Маркса, которого родила от него служанка его жены Ленхен, было приписано Энгельсу, чтобы сохранить брак Маркса. Фредди отослали жить в рабочую семью Восточного Лондона. Были попытки вызвать сомнения в отцовстве Маркса. Фрэнсис Уин пишет, что Женни Маркс согласилась с тем, что такие новости дадут врагам Маркса смертельное оружие, если они когда-либо выйдут наружу. Так началось одно из первых и самых успешных прикрытий, когда-либо организованных для большей пользы коммунистическому делу. Было много слухов о том, что Маркс родил внебрачного ребенка, но первое публичное упоминание истинного отцовства Фредди появилось только в 1962 году, когда немецкий историк Вальтер Блюменберг издал документ, найденный им в обширном марксистском архиве в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Это письмо, написанное 2 сентября 1898 года Луизой Фрайбергер, подругой Хелен Демут и экономкой Энгельса, описывает предсмертную исповедь ее работодателя:

«Я знаю от самого Генерала [Энгельса], что Фредди Демут — сын Маркса. Тусси [младшая дочь Маркса, Элеонора] так настаивала, что я прямо спросила старика. Генерал был очень удивлен, что Тусси так упрямо цеплялась за ее мнение. И он сказал мне, что в

случае необходимости я должна была лгать в ответ на сплетни, будто он отрицал своего сына. Вы помните, что я сказала вам об этом задолго до смерти Генерала.

«Кроме того тот факт, что Фредерик Демут был сыном Карла Маркса и Хелен Демут, был снова подтвержден Генералом за несколько дней до его смерти в заявлении г-ну Муру [Сэмюель Мур, переводчик «Коммунистического Манифеста» и «Капитала»], который затем отправился к Тусси в Орпингтон и рассказал ей все. Тусси продолжала утверждать, что Генерал солгал, и что сам он всегда признавал, что был отцом. Мур возвратился из Орпингтона и снова детально расспросил Генерала. Но старик придерживался своего заявления, что Фредди был сыном Маркса, и сказал Муру: «Тусси хочет сделать идола из своего отца».

«В воскресенье, то есть за день до смерти, Генерал сам написал это для Тусси на грифельной доске, и Тусси вышла настолько расстроенной, что она полностью забыла о своей ненависти ко мне и горько плакала на моем плече.

«Генерал дал нам... разрешение использовать эту информацию, только если его обвинят в том, что он плохо обходился с Фредди. Он сказал, что не хочет, чтобы его имя порочили, тем более что теперь это уже не могло принести никому никакой пользы. Взяв на себя вину Маркса, он спас его от серьезного домашнего конфликта. Кроме нас самих и г-на Мура и детей г-на Маркса (я думаю, Лаура знала об этой истории даже при том, что, возможно, она не слышала ее в точных деталях), о том, что у Маркса был сын, знали еще только два человека — Лесснер и Пфандер. После того, как письма Фредди были изданы, Лесснер сказал мне, «Конечно, Фредди — брат Тусси, мы все знали об этом, но мы никогда не могли узнать, где воспитывался ребенок».

«Я как раз снова перечитываю те несколько строк, которые вы написали мне об этом вопросе. Маркс постоянно знал о возможности развода, так как его жена была отчаянно ревнива. Он не любил этого ребенка, и скандал был бы слишком большим, если бы он осмелился сделать что-то для него».

Возникали сомнения, сохранила ли бы Женни тесную связь со своей горничной Ленхен Демут, если бы та забеременела от Маркса. Однако Женни перенесла много страданий, и она простила бы Ленхен и Карлу все. Характерно, что она действительно, однако, впала в глубокую депрессию во время беременности Демут.

Мы знаем из биографии Женни, что она была подавлена в течение начала лета 1851 года, и письмо Маркса от 31 марта подтверждает это: «В то же самое время мою жену положили в постель 28 марта. Хотя ее роды были легкими, она теперь очень больна, и лежит в кровати, причины этого скорее домашние, а не физические». К началу августа, с двумя кормящими матерями, разделяющими тесную квартирку на Дин-Стрит, другие эмигранты начали сплетничать о старом отце Марксе. «Мои обстоятельства очень мрачны», признавался он своему другу Вайдемайеру. «Моя жена погибнет, если такое положение продлится долго. Постоянные заботы, малейшая каждодневная борьба изматывает ее; и к этому добавляется клевета моих противников, которые никогда еще не пытались атаковать меня в такой степени, которые стремятся мстить за свое бессилие, бросая подозрения на мой гражданский характер, и распространяя самые отвратительные сплетни обо мне».

«Я, конечно, обернул бы все это грязное дело в шутку», писал Маркс. «Ни на секунду я не позволяю этому мешать моей работе, но, как ты понимаешь, моя жена, которая чувствует себя плохо и с утра до ночи находится в самом неприятном из домашних затруднительных положений, и чья нервная система ослаблена, не может восстановиться из-за испарений зловонной демократической клоаки, которые ежедневно передают ей глупые болтуны. Бестактность некоторых людей в этом отношении может быть колоссальной». О чем это все могло быть, если не о таинственном происхождении маленького Фредди Демута? Примечательно, что Маркс фактически не отрицает «отвратительные» слухи, сожалея лишь о бестактности тех, кто передавал их.

Однако признанные дети Маркса тоже не преуспели. Трое из шести детей умерли в младенчестве, в то время как Фредди, к его счастью порученный заботам лондонской

рабочей семьи, прожил долгую и удовлетворительную жизнь.

Элеонора (и Эвелинг)

Элеонора, младшая дочь Маркса, была эмоционально угнетенной из-за чрезмерного господства личности Маркса. Она писала: «Это слишком иметь такого отца как Карл. У меня нет своей собственной жизни». Хотя она активно занималась политикой и театром, у нее не было эмоциональной стабильности, чтобы довести свои желания до осуществления. После смерти ее отца она сформировала подобную эмоциональную зависимость от своего неофициального мужа, нравственно недобросовестного видного социалиста, доктора Эдварда Эвелинга.

Об Элеоноре Генри М. Хайндмен, основатель Социал-демократической федерации, который хорошо знал семью Маркса и был знаком с Элеонорой с ее детства, писал, что она была неустанным сторонником и пропагандистом своего отца. Хайндмен пишет об Эвелинге, что до того, как он пришел к социализму в 1884 году, он был одним из ведущих секуляристов в Англии. Эвелинг стал членом руководства Социал-демократической Федерации, но ему никто не доверял, включая тех его коллег-секуляристов, которые тоже присоединились к Федерации. Хайндмен заявлял:

«Я должен сказать, что этот человек мне сначала не понравился. «Никто не может быть столь плохим, как выглядит Эвелинг» было замечанием, которое в моем случае перешло в действие. Несмотря на самые неприятные слухи о его личном характере, как и в отношении денег и сексуальных отношений, я заставил себя поверить, что во мне неоправданно вызвал предубеждение его внешний вид, и что его неприятное лицо не могло на самом деле быть показателем его реального характера. Таким образом, он стал влиятельным членом нашей организации и получил место в ее руководстве, хотя несколько старых секуляристов, которые тогда были с нами, совсем ему не доверяли. Когда именно он и Элеонора Маркс решили жить вместе как муж и жена, без неудобных ограничений, поскольку они оба считали их санкционированными современным буржуазным обществом и его доминирующим кредо, я точно не знаю; но с уверенностью можно сказать, что широко было распространено сильное ощущение того, что друзья и родственники Элеоноры должны были приложить все усилия, чтобы предотвратить союз, который закончился для нее так ужасно».

У Эвелинга была способность социопата говорить убедительно.

Он был недобросовестным в отношении денег и доверия его коллег. Хайндмен пишет об этих чертах:

«Относительно его влияния на Элеонору Маркс, можно только сказать, что Эвелинг был одним из тех мужчин, которые обладают привлекательностью для женщин, довольно необъяснимой для мужского пола. Как Уилкс, уродливый, и даже отталкивающий до некоторой степени, так он выглядел, но ему нужно было только полчаса, чтобы опередить самого красивого человека в Лондоне. И об Элеоноре, способной и блестящей, какой она была, никак нельзя говорить как о единственном привлекательном человеке, который попал под его обаяние. Некоторые из скандалов, являющихся результатом этой его способности, были очень серьезны. Его действия относительно денег, порученных ему, аналогично были очень нежелательны. Особенно в случае с суммой, собранной для телеграммы губернатору Иллинойса, подписанной многими очень известными людьми из различных сфер политики и литературы, где этого чиновника просили в последний момент помиловать анархиста Альберта Парсонса и других подсудимых по его делу. Эвелинг присвоил деньги, а телеграмму вообще так и не послали!»

Как и Карл Маркс, Эвелинг был неустанным агитатором за социализм, но пренебрегал Элеонорой, обеспечивая себе собственные удобства: «их существование стало чрезвычайно тяжелым из-за его расточительности». Несмотря на попытки руководства Социал-демократической Федерации предотвратить его воссоединение с организацией после того, как он и Элеонора на короткое время вышли из нее, чтобы присоединиться к недолго просуществовавшей (1884–1885) Социалистической лиге, ему разрешили возвратиться из-за поддержки социалистических светил, таких как «Либкнехт, Каутский, Бернштейн, Моттелер, Лесснер, Лафарг, Жюль Гед», которые свидетельствовали о хорошем характере Эвелинга. На конференции Федерации в 1886 году при выборах кандидатов в руководство организации за него проголосовали больше всех. Это, кажется, указывает на то, насколько безразличны были лидеры и кадры социалистов в отношении прочности и здравости характера, учитывая то, что Хайндмен называл Эвелинга «откровенным мерзавцем». Хайндмен со своей стороны был очень озлоблен, что заставило его даже заявить: «Весь этот эпизод увеличил мое собственное презрение к необразованной и недисциплинированной демократии».

Старый наставник Карла Маркса Энгельс завещал Элеоноре «существенное наследство», но Эвелинг «продолжал свою свободную жизнь, расточительность, и склонность к крепким напиткам, и постепенно, что вполне естественно, его здоровье серьезно пошатнулось». Пока он сам выздоравливал после тяжелой операции, Хайндмен попросил свою жену посетить Эвелингов. Элеонора доверила г-же Хайндмен «историю, которую она рассказала о страданиях и оскорблениях». Хайндмены пытались убедить Элеонору бросить Эвелинга, но «она держалась за своего супруга; перевезла его в Маргейт, нянчила его, ухаживала за ним, читала ему, баловала его — и все это время она отлично знала, что он только ждал своего выздоровления, чтобы уйти к другой женщине!», актрисе Еве Фрай, на которой он тайно женился в 1897 году. Однако Эвелинг убедил Элеонору, что его «заставили жениться на другой женщине», и что единственным выходом было бы самоубийство. Хайндмен вспоминал:

«Эвелинг сказал Элеоноре, что брак с другой женщиной, о котором она услышала, был насильственно навязан ему. Не было другого выхода, кроме как если бы им обоим пришлось вместе совершить самоубийство. Как Эвелинг убедил Элеонору согласиться с этой безумной идеей, никто так никогда и не смог понять. У нее было прекрасное здоровье, и, как доказало вскрытие, ее тело со всеми его органами было настолько здоровым, что она, возможно, вполне могла бы дожить до девяноста или ста лет. Не только так, но и в самое последнее время, когда я говорил с нею, прежде чем я увидел ее труп, на первый взгляд спящий и совершенно непохожий на мертвое тело, лежащий на ее кровати, она с энтузиазмом говорила о ближайшем времени, в котором она надеялась стать более полезной для движения, чем она была когда-либо прежде. Она, должно быть, была поработана каким-то странным гипнотическим влиянием. Как бы то ни было, конец таким трагическим способом был совершенно ненужным.

Эвелинг, можно добавить, в это время научился писать в точности так же как его жена, поэтому даже для того, кто знал их почерк, было чрезвычайно трудно отличить написанное им от написанного Элеонорой. Лично я не смог различить их почерка. Кто фактически написал заказ на яд, поэтому никто теперь не может сказать. Эвелинг всегда заявлял, что он этого не делал. Но не может быть сомнений в том, что сам Эвелинг принес аптекарю заказ на синильную кислоту и хлороформ, который, как думала бедная Элеонора, она и он должны были принять оба. Во всяком случае, яд был куплен. Элеонора проглотила свою смертельную дозу и немедленно умерла. А Эвелинг не прикоснулся к яду. Он немедленно умчался к поезду, пошел прямо в офис Социал-демократической Федерации в Болт-Корт на Флит-Стрит, и привлек внимание Секретаря Ли к точному времени его визита.

Похороны, на которых было много людей, дали Эвелингу возможность продемонстрировать много наигранного горя и реальной грубости, к которой все чувствовали отвращение; и никто не был более зол на него — ведь обстоятельства самоубийства Элеоноры стали теперь общеизвестны — чем иностранные

социалисты, которые считали его человеком самых высоких моральных качеств.

... Эвелинг унаследовал то, что осталось от наследства Энгельса, и в течение приблизительно одного месяца, после того как он зажил со своей новой женой, он тоже был мертв».

Эвелинг, по всем рассказам блестящий человек, переводчик (с Энгельсом) главного произведения Карла Маркса «Капитал» и других работ, быстро стал известной личностью в социалистическом движении благодаря своей связи с Элеонорой Маркс. Он был исполнительным членом Социал-демократической Федерации. Отколовшись от Федерации, он и Элеонора с Уильямом Моррисом основали Социалистическую лигу, от которой он и Элеонора откололись, чтобы сформировать Социалистическое общество Блумсбери. Эвелинг был также основателем Независимой лейбористской партии, и аудитором профсоюза стеклодувов. Он и Элеонора совершили поездку по США в 1886 году от имени Социалистической лейбористской партии. Несмотря на то, что было сказано теми, кто знал его, относительно его физической внешности, он обладал той бойкой легкостью, типичной для социопата, которая позволяла ему легко управлять женщинами.

Другой его известной особенностью была привычка к заимствованию скромных сумм от всех без исключения, независимо от их собственных обстоятельств, не возвращая долги. Первый брак Эвелинга был с богатой наследницей Изабель Кэмпбелл Фрэнк в 1872 году, этот брак продлился до 1874 года. Элеонора была, возможно, самой трагической из его жертв, он убедил ее совершить самоубийство, чтобы он смог уйти к своей тайной жене, также унаследовав остаток от наследства Энгельса, которое получила Элеонора. Такие черты его характера мало интересовали большинство видных социалистов во всем мире, вплоть до рокового конца Элеоноры.

Лаура (и Лафарг)

У Лауры Маркс было три ребенка от Поля Лафарга, французского креола, которого Маркс терпеть не мог из-за его негроидных черт, впрочем, это отвращение на короткое время было обуздано, когда появилась возможность получения наследства от богатых родителей Лафарга. Как отец Маркс был таким же пуританином, как и любой буржуазный джентльмен Викторианской эры. В письме к этому восторженному почитателю Маркс, с намеком на расовые вопросы, что было характерно для него, советовал:

«Мой дорогой Лафарг,

Позвольте мне сделать следующие наблюдения:

Если вы хотите продолжать свои отношения с моей дочерью, вам придется оставить свою нынешнюю манеру «ухаживания». Вы очень хорошо знаете, что нет еще никаких обязательств, что пока еще ничего не решено. И даже если бы она и была формально обручена с вами, то вы не должны забывать, что это вопрос долгого времени. Практика чрезмерной близости является особенно несоответствующей, если двое возлюбленных будут жить в одном и том же месте в течение обязательно длительного периода серьезной проверки и чистилища... По моему мнению, настоящая любовь выражается в умалчивании, скромности и даже застенчивости любящего к его объекту почитания, и конечно не в предоставлении свободы действий страсти и в преждевременных демонстрациях дружественных отношений. Если вы хотите предъявить ваш креольский темперамент для вашей защиты, то мой долг поставить мой здравый смысл между вашим темпераментом и моей дочерью. Если в ее присутствии вы неспособны любить ее в манере, соответствующей широте Лондона, то вы должны будете смириться с любовью к ней на расстоянии».

У пары было три ребенка, которые все умерли в младенчестве. В 1911 году, в возрасте

шестидесяти пяти лет, «она и ее муж согласились с тем, что у них не осталось ничего, ради чего следовало бы жить, и совершили самоубийство».

О смерти Лауры и Поля Лафарга Хайндмен писал:

«Странно сказать, но несколько лет спустя, в 1911 году, сестра [Элеоноры] Лаура, жена Поля Лафарга, умерла при обстоятельствах, почти одинаково трагичных. Когда мадам Лафарг унаследовала свою долю от состояния Энгельса, приблизительно 7000 фунтов, Лафарг, уже старик, разделил эти деньги на десять равных частей — идея купить хорошую ренту очевидно никогда не приходила в его голову — и решил, что когда они закончатся, достигнув возраста семидесяти лет, он совершит самоубийство. Его жена была настроена на то, что не переживет его. Таким образом, эта пара ушла из этого мира по своей собственной воле, и они оба были найдены мертвыми в своих спальнях, лежащие полностью одетые. Лафарг умер, потому что, как он говорил, он не мог вынести столкнуться лицом к лицу с наступающим периодом ветхости и старости. Но он действительно, кажется, совершенно зря приготовил бедность себе и своей жене, и не хотел жить в ней. Достаточно любопытно, что Лафарг, при всех его очень значительных способностях, никогда не производил глубокого впечатления в Париже».

Несмотря на несчастное существование, которому Маркс подверг свою семью, это был отец, к которому дочери были очень привязаны, и его отказ искать работу не препятствовал тому, чтобы он жил не по средствам и высасывал деньги из Энгельса. Он подробно рассказывал Энгельсу, как он жил слишком роскошно для своего финансового положения, но это был единственный способ, благодаря которому его дочери могли бы «сделать связи и вступить в отношения, которые гарантируют их будущее». «Ты сам согласишься с тем», писал Маркс Энгельсу, «что даже с чисто деловой точки зрения заключение брака с настоящим пролетарием будет неподходящим». Чтобы заплатить за уроки игры на фортепиано для его дочерей, он заложил обувь многострадальной Ленхен Демут. Но зато у него находились деньги на самые дорогие вина, вкус, который унаследовали и его дочери.

Что касается характера Энгельса, то Хайндмен отмечал, что «Фридрих Энгельс был очень деспотичным и зlostным человеком, и госпожа Маркс, женщина больших способностей и очаровательного характера, сама говорила моей жене, что она горько жаловалась на то влияние, которое Энгельс имел на ее мужа».

Некрофилическое расстройство личности

С раннего возраста Маркс показывал симптомы некрофилического расстройства личности. Среди черт такого расстройства: неспособность поддерживать связи с живыми людьми, язык, который включает многочисленные связанные со смертью слова, вера, что решение конфликта требует силы или насилия, и нечувствительность к трагедии, касающейся человеческих жертв.

Другим признаком его расстройства было частое использование Марксом «скатологических слов» в переписке с Энгельсом. Доктор Натаниэль Вайль, американский экономист и бывший коммунист, говоря о Марксе, заявляет, что «его любимое выражение в его письмах Энгельсу — «дерьмо»». Его типичное описание тех, кого он не любил, было «это дерьмо». Его юношеская поэзия, которая так встревожила его отца, характеризуется смертью, распадом и разрушением:

Так Бог вырвал из меня всё моё
В проклятии и мучении судьбы
Все миры Его невозвратно исчезли!
Мне не осталось ничего, кроме мести!

Я высоко воздвигну мой престол,
Холодной и ужасной будет его вершина.
Основание его — суеверная дрожь,
Церемониймейстер — сама чёрная агония.
Кто посмотрит здоровым взором,
Отвернётся, смертельно побледнев и онемев,
Схваченный слепой и холодной смертностью,
Да приготовит его радость себе могилу.
Ибо он отбивает время и даёт знамения.
Всё смелее и смелее я играю танец смерти.
И они тоже: Оуланем, Оуланем!
Это имя звучит, как смерть.
Звучит, пока не замрёт в жалких корчах.
Стой! Теперь я понял.
Оно поднимается из моей души
Ясное, как воздух, прочное, как мои кости...
И всё же тебя, олицетворённое человечество,
Силою моих могучих рук
Я могу схватить и раздавить с яростной силой
В то время как бездна сияет предо мной и тобой в темноте,
Ты провалишься в неё, и я последую за тобой
Смеясь и шепча на ухо:
«Спускайся со мною, мой друг!».
Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг,
Пока не сойду с ума и моё сердце в корне не переменится.
Видишь этот меч?
Князь тьмы продал его мне.
Мир должен быть разрушен с проклятиями.
Я сдавлю руками его упрямое бытие.
И, обнимая меня, он должен безмолвно угаснуть
И затем вниз — погрузиться в ничто,
Совершенно исчезнуть, не быть, — вот это была бы жизнь.
Слова, которые я учу, смешались в дьявольскую смесь.
Так что каждый может думать, что ему угодно!
С презреньем я швырну мою перчатку
Прямо в лицо миру.
И увижу падение пигмея — гиганта,
Которое охладит мою ненависть.
Тогда богоподобный и победоносный я буду бродить По
руинам мира,
И вливая в мои слова могучую силу,
Я почувствую себя равным Творцу.
Я утратил небо И прекрасно знаю это.
Моя душа, некогда верная Богу,
Предопределена теперь для ада.
Мне не осталось ничего, кроме мести,
Я высоко воздвигну мой престол,
Холодной и ужасной будет его вершина,
Основание его — суеверная дрожь.
Церемониймейстер! Самая чёрная агония!
Кто посмотрит здравым взором —
Отвернётся, смертельно побледнев и онемев,

Охваченный слепой и холодной смертью.
Всё сильнее и смелее я играю танец смерти,
И он тоже, Оуланем, Оуланем Это имя звучит как смерть.
Звучит, пока не замрёт в жалких корчах.
Скоро я прижму вечность к моей груди
И диким воплем изреку проклятие всему человечеству.
Мои стихи, необузданные и дерзновенные,
Да вознесутся к тебе о, сатана, царь пира.
Прочь с твоим краплением, священник,
И твоим заунывным пением.
Ибо никогда о, священник,
Сатана не будет стоять за тобой.
Твоё дыхание о, сатана,
Вдохновляет мои стихи;
Твоя молния потрясает умы.
Сатана милостив;
Подобно урагану,
С распростёртыми крыльями он проносится.
О, народы! О, великий сатана!

«Мир должен быть разрушен с проклятиями» — такой была цель молодого Маркса в отношении мира и человечества. Его идеологическая рационализация этого разрушительного принуждения была проявлена в форме большевизма спустя несколько десятилетий после его смерти.

Что касается характера Маркса, то относительно этого были согласны все, кто знал его, от отца Маркса до тех, кто вблизи наблюдал за ним в политике, как, например, лидер анархистов в «Интернационале» Михаил Бакунин, который так писал о Марксе:

«Мы виделись довольно часто, так как я весьма уважал его за науку и страстную и серьезную приверженность делу пролетариата, хотя и постоянно смешанную с личным тщеславием. Я с жадностью искал разговоров с ним, всегда поучительных и возвышенных, когда они не вдохновлялись мелочной злобой, то, что случалось, увы, слишком часто. Однако никогда между нами не было полной откровенности. Наши темпераменты не выносили друг друга. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и он был прав; я называл его вероломным и скрытным тщеславцем; и я был тоже прав».

Наблюдая за Энгельсом и сравнивая его с Марксом, Бакунин утверждал, что Энгельс «не меньше владел мастерством политической клеветы, лжи, и интриги».

В ситуации, когда подобное привлекает подобных, Маркс, очевидно, сформировал вокруг себя кружок, который обладал теми же самыми чертами, как и он сам. Бакунин писал о грязной атмосфере социалистических организаций везде, куда входили Маркс и его последователи:

«Немецкие рабочие, Борнштедт, Маркс, Энгельс — особенно Маркс, отравляют атмосферу. Тщеславие, недоброжелательность, сплетня, претенциозность и хвастовство в теории, и трусость на практике. Диссертации о жизни, действии и чувствах — и полное отсутствие жизни, действия и чувств — и полное отсутствие жизни. Отвратительная лесть более передовых рабочих — и пустой разговор. Согласно им, Фейербах — «буржуа», и эпитет БУРЖУА! бесконечно выкрикивают люди, которые с головы до пят являются большими буржуа, чем любой в провинциальном городе — короче говоря, глупость и ложь, ложь и глупость. В такой атмосфере никто не может даже дышать свободно. Я избегаю их, и я открыто объявил, что не пойду в их Kommunistischer

Handwerkerverein [коммунистическое профсоюзное общество] и не буду иметь никакого отношения к этой организации».

12. Лев Троцкий

Некрофильская драма Маркса была сыграна в России в 1917 году. Одним из первоначальных лидеров и теоретиков ее был Лев Троцкий, энтузиазм которого по поводу террора делает его Маратом большевизма, несмотря на то, что вину за это широкая публика обычно возлагает на его Немезиду, Сталина. Именно Троцкий, как Марат, заложил идеологическую основу для Красного террора, и как Марата (которого называли «другом народа»), Троцкого тоже многие рассматривают как фигуру доброго дедушки, который смог бы избежать тех эксцессов, ответственным за которые считается Сталин.

Нарциссическая личность

Из характера Троцкого «холодность» была чертой, отмеченной его ранними марксистскими товарищами, «холодная вспышка его глаз... холодный тембр его голоса; холодная правильность и точность его голоса». Он говорил не в диалоговой манере, но как будто провозглашал декларации. Его манера отчуждала; она придавала «пафос дистанции». Его высокомерие не давало простора для самоанализа или признания собственной ошибки. «Он был сильно убежден в своей правоте. И он спокойно обходился без людей, как только они переставали быть полезными для него или его дела». Он не проявлял сентиментальности или сочувствия, и когда один его товарищ был заключен в тюрьму, он сказал, что никогда не мог чувствовать душевных страданий. Григорий Зив, его ранний товарищ, заметил, что любовь Троцкого к его друзьям не выходила за рамки любви крестьянина к своей лошади. Он может любить свою лошадь и заботиться о ней, но как только она больше не может работать, «он без промедления и без каких-либо угрызений совести отправит ее на скотобойню».

Недостаточное межличностное сочувствие Троцкого, что, как мы уже видели, является общей чертой среди социалистов, «человечество» которых полностью абстрактно, распространилось и на его собственную семью. Действительно, учитывая веру Троцкого, что одна из основных целей коммунизма — устранение семьи, его идеология и его личная жизнь совпадали. Узнав об ухудшении психического состояния его дочери Зины, и о диагнозе «шизофрения», он угрожал ей «полным и заключительным разрывом», пока она лечилась в Германии. Зина боготворила своего отца и стремилась быть его товарищем в борьбе. Когда она совершила самоубийство в 1933 году, отравившись газом, Троцкий возложил ответственность за все на Сталина и пытался политизировать ее смерть. Зина писала своей матери, первой жене Троцкого Александре, которую он оставил в Сибири в 1902 году, обвиняя в своей психической болезни отчуждение ее от отца, которого она «обожала». По мнению Александры, Троцкий писал в попытке отвести внимание от его собственной вины. У такого человека не будет никакого раскаяния, когда он пошлет на смерть любого, кто мешает его делу.

Психологические черты Троцкого были чертами нарциссического расстройства личности: высокомерие, тщеславие, надменность, и вера, что критика — личное нападение, эксплуатация других для личной выгоды, представление о самом себе, как о человеке, превосходящим всех остальных.

Уже находясь в изгнании в Мексике с немногими последователями в мире, не говоря уже о СССР, Троцкий стремился изобразить себя как спасителя СССР, без которого советское

здание ожидает сокрушительное падение. Когда американские интеллектуалы профессор Джон Дьюи и Сидни Хук придумали кажущуюся официальной «Комиссию», чтобы изучить обвинения Сталина против Троцкого, с намерением реабилитации Троцкого, один из членов комиссии, Карлтон Билс, который не разделял рвения и симпатии к Троцкому других членов комиссии, наблюдал за ним в Мексике:

«...прежде всего, его умственные способности запятнаны всепоглощающей ненавистью к Сталину, яд ярости, не поддающийся контролю, находящий свой аналог в чем-то граничащем с комплексом преследования — всех, кто не согласен с ним, он связывает в простую формулу об агентах ГПУ, людях, «развращенных золотом Сталина»».

Показательно для бредовой мании величия Троцкого и его подавляющей самовлюбленности то, что когда он уже был лишен власти и сохранил лишь немногих сторонников, он в 1933 году поставил советскому Политбюро ультиматум, требуя, чтобы он и его последователи были восстановлены в партии большевиков как отдельное «течение»:

«Я считаю своей обязанностью сделать еще одну попытку обратиться к чувству ответственности тех, кто руководит в настоящее время советским государством. Обстановка в стране и в партии вам видна ближе, чем мне. Если внутреннее развитие пойдет дальше по тем же рельсам, по которым оно движется сейчас, катастрофа неизбежна...»

Троцкизм, невзирая на немногочисленность своих последователей, пройдя через идеологические завихрения и повороты, продолжил свое существование в среде как Старых, так и Новых левых. На Западе он часто существует рядом с анархизмом как доминирующая фракция левых. Однако из-за распространенного нарциссизма его лидеров, троцкизм представляет собой наиболее расколотое из всех левых движений, что мы увидим в главе о британском троцкисте Джерри Хили.

13. Владимир Ленин

Физиология человеческого мозга представляла существенный интерес для ранних советских лидеров. Была создана и сохранена коллекция мозгов, с основным вниманием на выдающихся русских людей, отличившихся в искусствах и науках. Институт мозга, основной целью создания которого было изучение мозга Ленина, сравнивал его мозг с мозгами русских гениев, с намерением объявить, что Ленин был самым великим гением из их всех. Мозг Ленина сравнивали не с мозгами представителей обычного народа, таких как пролетарии или крестьяне, но с выдающимися людьми из мира культуры и науки.

Мозговые отклонения Ленина

Задача доказать врожденную гениальность Ленина столкнулась с большими трудностями, потому что возглавить экспертизу вначале попросили немца Оскара Фогта, ученого мирового масштаба, и поэтому экспертиза нетипичным образом оказалась не в советских руках.

Предварительным шагом вскоре после смерти Ленина в 1924 году стало создание Института В.И. Ленина. Институт должен был собрать материал для превращения Ленина в советское божество, что должно было символизироваться бальзамированием его тела и его

демонстрацией в Мавзолее, ступенчатой пирамиде на Красной площади.

Так как руководство исследованиями было вверено некоммунистическому немецкому ученому, возникли проблемы, поскольку советский аппарат не мог управлять его результатами и заставить их соответствовать своим политическим требованиям. Отчет о мозге, выпущенный под покровительством Института мозга, не был передан Политбюро до 1936 года, и в нем приводились данные, показывавшие, предположительно, замечательную нейрофизиологию Ленина за его гением. Однако за год до этого Фогт приводил совсем другие выводы.

Первой ошибкой в этом вопросе было то, что Николай Семашко, советский министр здравоохранения, и Иван Товстуха, заместитель директора Института Ленина, вместе предложили отправить мозг Ленина в Берлин для исследований, чтобы доказать гениальность Ленина. Фогт работал с Институтом нейробиологии Института Кайзера Вильгельма в Берлине, и был описан Семашко и Товстухой как «единственный мировой эксперт по этому вопросу». Фогт, который встретился с советскими учеными в феврале 1924 года, заявил, что для таких исследований было возможно «обеспечить материальное основание для того, чтобы оно определило гения Ленина». Но Фогту прислали не весь мозг, а только один вырезанный из него сегмент. Два «коммунистических врача» (!) были отобраны, чтобы учиться под руководством Фогта. Итак, в 1926 году исследования также проходили под руководством обученных Фогтом коммунистических ученых из Института мозга. За несколько лет преобладающая роль в исследованиях медленно переместилась от Фогта к советским ученым, и в 1932 году советский режим заявил о своем антагонизме к Фогту. Стецкий, не ученый или врач, а один из руководителей советской пропаганды, по поручению Центрального комитета коммунистической партии возглавил критику Фогта. В своем докладе от 10 апреля 1932 года Стецкий осудил Фогта, заявив:

«Представления Фогта имеют сомнительную природу; он сравнивает мозг Ленина с мозгами преступников и отсортированных других людей. Профессор Фогт — сторонник механической теории гения, и он использует анатомический анализ, основанный на присутствии большого количества гигантских корковых пирамидальных клеток. В «Немецкой энциклопедии психических болезней» немецкий авторитет (профессор Шпильмайер) утверждает, что такие пирамидальные структуры также характерны для задержки умственного развития. В этой связи много злых замечаний о товарище Ленине попали в буржуазную прессу».

Стецкий рекомендовал разорвать контракт с Фогтом и потребовать вернуть в СССР срез мозга Ленина. Так как у Фогта возникли проблемы с режимом Гитлера, и он больше не занимал свой пост в Институте нейробиологии в Берлине, Фогта отодвинули в сторону.

Клетки Беца

27 мая 1936 года Институт мозга в Москве выпустил для Политбюро свой отчет на 153 страницах, подтверждающий то, что требовала партия, а именно, что мозг Ленина показал «исключительно высокоразвитое функционирование нервной системы», как показано большими пирамидальными клетками третьего слоя мозговой коры.

Что касается этих пирамидальных нейронов, то они были открыты украинским анатомом и гистологом Владимиром Бецем (клетки Беца).

Хотя советские ученые объявили открытие этих клеток в мозге Ленина доказательством гениальности, такие большие нейроны связаны с психическими заболеваниями, такими как шизофрения, где большая плотность клеток происходит на обоих полушариях мозга, и очаговое нарушение развития мозговой коры у эпилептиков.

Польский психиатр Эндрю (Анджей) Лобачевский полагал, что Ленин был

параноидальной личностью, «наиболее вероятно, из-за гипоталамического повреждения головного мозга». Эти черты личности включали жестокость Ленина к противникам, и его неспособность признать свою даже самую незначительную неправоту (патологическое самомнение), пытаясь при этом не убедить его противников, а скорее высмеять их перед другими.

Нейросифилис

Ленина лечили от сифилиса уже в 1895 году, когда ему было 25 лет, хотя все еще идут дискуссии относительно того, был ли нейросифилис причиной его смерти.

В 1923 Ленина лечили сальварсаном, который был тогда единственным лекарством, предназначенным специально для лечения сифилиса. Профессор Вицтум пишет: лечение было успешным, но оно было остановлено из-за серьезных побочных эффектов. Йод калия использовался вместе с сальварсаном; обычный в то время метод лечения сифилиса.

Главному патологоанатому Алексею Абrikосову приказали доказать, что Ленин умер не от сифилиса. Профессор Абrikосов не упоминал сифилис в своем отчете о вскрытии трупа. Однако повреждение кровеносного сосуда, которое он упоминает в отчете о вскрытии, и паралич, являются типичными симптомами сифилиса. Из 27 врачей, которые лечили Ленина, только восемь подписали отчет о вскрытии трупа, несмотря на огромное давление, которое наверняка на них оказывалось. Был сделан второй отчет, в котором не упоминался ни один из органов, главных артерий, или мозговых областей, обычно затрагиваемых сифилисом.

Лертнер и другие указывают:

«Личность Ленина заметно изменилась за годы до более очевидной болезни. Вначале он считал громкий шум невыносимым, симптом, о котором я слышал от многих людей, страдавших болезнью Лайма (или ядовитой почвы). Он также стал вспыльчивым, раздражительным и иногда терял самообладание (норма при инфекции, вызванной спирохетами)».

Посттравматические стрессовые расстройства: смерть брата определила жизнь Ленина

Воспитание Ленина в его семье не предполагает дисфункции, которая часто типична для прошлого социопатов. Однако одна травма в юности Ленина действительно стала катализатором для дальнейшего хода его жизни.

Родившийся как Владимир Ульянов в сплоченной либеральной семье среднего класса, в которой родители не были ни радикалами, ни противниками царя, человек, который стал Лениным, был в юности аполитичным и гордо описывал себя как «сына помещика». Несмотря на близость и чувство поклонения, которые он испытывал к своему старшему брату Александру, ни Владимир, ни кто-либо еще в семье не знал, что Александр был вовлечен в революционные действия, пока он не был повешен в 1887 году за подготовку убийства царя Александра III.

Доктор Джеймс Д. Уайт пишет о воздействии казни Александра на Владимира и его сестру Ольгу:

«Анна Ульянова вспоминает, что арест и казнь Саши послужили революционизации и Ленина и — еще более заметно — Ольги. Действия Ленина и Ольги в период после казни Саши предполагают, что они решили, что смерть их брата не будет напрасной, и что они должны послужить делу, за которое он пожертвовал собой — сразу же, как только они могут обнаружить, каким было это

дело...

Задача, стоящая перед Лениным и Ольгой, состояла в том, чтобы соединить идеи, которые вдохновили Сашу на то, чтобы стать революционером. Некоторый свет мог быть пролит на это другом Саши Марком Елизаровым, который также стал женихом Анны. И Марк Елизаров, и Иван Чеботарев были исключены из университета. Чеботарев вспоминает, что, когда он возвратился в Симбирск в начале июня 1887 году, он отправился посетить семью Ульяновых, и они, особенно Ленин, расспрашивали его о последних днях, которые он провел в обществе Саши. Чеботарев говорит, что Ленину особенно было интересно знать о том, что сделало его брата революционером. Мы знаем, что Чеботарев думал об этом, потому что он написал об этом в мемуарах, изданных в 1927 году. В тех мемуарах он отметил выдающееся положение Саши как члена экономического исследовательского кружка, и он, несомненно, упомянул об этом и в разговоре с Ульяновыми сорока годами раньше. К тому, что он сказал, мог что-то добавить и Марк Елизаров, который тоже был членом исследовательского кружка. Из этих источников было бы возможно установить программу чтения Саши, и каким было направление его взглядов. Это были следы, за которыми должны были последовать Ленин и Ольга».

Из материалов того времени, которыми пользовался Уайт, видно, что единственным революционером в семье Ульяновых был Александр, и что только из-за его казни Владимир и Ольга, которые раньше ничего не знали о радикальной политике, пришли к поиску этих радикальных идей с намерением искупить смерть их брата. Далее Уайт пишет:

«Ульяновы были семьей, процветавшей при царском режиме, и детей Ульянова могла ожидать хорошая карьера, основывавшаяся на успехе их отца. После смерти Александра Ульянова его сестра Анна много лет размышляла о том, что такое могло произойти в молодые годы Саши, что склонило бы его к терроризму, но не смогла найти ничего важного. Ни Саша, ни Ленин не стали революционерами из-за какой-то личной обиды. Саша стал революционером из-за чувства лояльности своим друзьям, а Ленин стал революционером из-за своей лояльности брату. После смерти Саши Ленин пытался во всем следовать своему брату как примеру. Он связался с теми же людьми, что и Саша, читал те же книги, что и Саша, присоединился к тем же революционным организациям, что и Саша. Он не мог стать террористом как Саша, потому что революционные организации, к которым он присоединился, отвергали терроризм, в значительной степени в результате неудачной попытки Саши. Не могло быть никакого совпадения, что Ленин проявлял тот же подход к будущему российской экономики, что и Саша, как рассказали ему об этом Чеботарев, Елизаров и Бартенев. Он знал, что Саша был под впечатлением от аргументов Плеханова, и что он разделял представления Плеханова о неизбежном распаде крестьянской общины и последующем развитии капитализма в России. Первая главная теоретическая работа Ленина, его исследование о развитии капитализма в России, восприняла эти представления и придала им полемическую остроту».

Ничто не побуждало Ленина стать революционером, ни его семейные обстоятельства, которые были комфортными и стабильными, ни анализ общества царской России. Доктор Фиджес считает, что предположение, будто его либеральный отец повлиял на своих сыновей и дочерей, чтобы те стали революционерами, ошибочно. Анна Ульянова вспоминала, что ее отец был религиозным человеком, который восхищался реформами Александра II 1860-х годов, и, будучи провинциальным школьным инспектором, старался удерживать молодежь от радикализма.

Оставшуюся часть жизни этот когда-то аполитичный молодой человек, который стал «Лениным», фанатично посвятил мести за смерть своего брата, и «Ленин» был личностью, подходящей для этой цели. У Ленина было целое государство, и даже в перспективе весь мир, которому можно было причинить насилие, чтобы осуществить свою кровную месть,

проецируя ответственность за казнь его брата на все социальные классы, которые должны были быть казнены, как был казнен его брат. В марксизме Ленин нашел готовую доктрину мести, ненависти и разрушения, которая была сформулирована точно с этой целью Карлом Марксом как клапан для его собственных личных «демонов» (если использовать термин его отца Генриха).

Ленин был временно исключен из Казанского университета в 1887 году за причастность к студенческому бунту, на короткое время попал в тюрьму вместе с несколькими другими студентами, и был исключен из университета несколько дней спустя. Он провел следующие несколько лет, пытаясь возвратиться в университет, но был известен как брат Александра Ульянова и оставался под полицейским наблюдением. Однако он смог возобновить учебу в Санкт-Петербургском университете в 1890 году. Такие обстоятельства, возможно, только укрепили во Владимире чувства отчуждения, преследования, мученичества и негодования, и еще больше идентифицировали его с мученичеством его брата.

Ненависть, гнев, месть

То, как эти факторы сформировали личность Ленина, известно от надежного источника, Петра Струве, одного из наиболее видных деятелей раннего российского марксизма, который позже отверг эту доктрину. Струве хорошо знал Ленина и заметил, что самыми яркими чертами личности Ленина были ненависть, гнев и жажда мести. Он писал:

«Ужасным в Ленине была та комбинация в одном человеке самобичевания, которое является сущностью любого реального аскетизма, с бичеванием других людей, что выражалось в абстрактной социальной ненависти и холодной политической жестокости».

Как было замечено на примере других левых идеологов, которых мы рассмотрели ранее, включая Маркса и Троцкого, и здесь у Ленина забота о человечестве была абстрактным понятием. Нет никакого личного сочувствия, и поэтому классы и отдельных людей отправляют на смерть, пытки и голод в интересах идеализированного будущего общества, которое может быть достигнуто только разрушением ненавистных нормативных соглашений, которые, так или иначе, угнетали маттоидную личность. Массам жертв наклеивают безличные ярлыки, вроде «буржуя» и «кулака», и идентифицируют их как болезнетворных микробов, вредящих обществу, которых нужно ликвидировать. Даже страдания тех, кто находится на самом низком уровне социально-экономической шкалы, не следует облегчать, ибо реформизм как таковой только помешал бы диалектическим процессам, необходимым для революции. Потому в связи с голодом крестьянства Поволжья в 1891 году Ленин выступал против любых предложений в социалистическом движении о помощи крестьянам. Фактически, в отличие от своего отца, ему было наплевать на крестьян, и согласно Фиджесу:

«Он однажды даже подписался под полицейским документом как «потомственный дворянин Владимир Ульянов». В частной жизни Ленин был воплощением того самого бессердечного помещика, которого однажды его правительство уничтожит «как класс». В 1891 году, в разгар голода, он предъявил иск своим соседям-крестьянам за нанесение убытков его родовому имению. И хотя в своих ранних работах он осуждал методы «дворянского капитализма», сам он жил красиво на свою ренту, получая почти весь свой доход с арендных плат и выплаты процентов, полученных от продажи поместья его матери».

Это несоответствие между личными взглядами и жизнью Ленина, и его общественной фигурой было чертой, свойственной также Марксу, который, как было показано ранее,

обращался со своей горничной как эксплуататор, и видел в своих родственниках только источники наследства. В соответствии с политической доктриной Ленин рассматривал страдания масс как безличную историческую необходимость, заявляя в отношении крестьянства и голода на Волге в 1891 году:

«Разрушая крестьянское хозяйство и загоняя крестьянина из деревни в город, голод создает пролетариат... Кроме того голод может и должен быть прогрессивным фактором не только для экономики. Он вынудит крестьянина задуматься об основах капиталистической системы, уничтожит его веру в царя и царизм, и, следовательно, сможет облегчить победу революции... В психологическом отношении все эти разговоры о кормлении голодающих и так далее по существу отражает обычную сладкую сентиментальность нашей интеллигенции».

В Ленине мы видим черту, которая часто заметна среди левых: отсутствие личного сочувствия к человечеству, включая даже собственную семью, что позволяет левым причинять массам страдания в безличной манере во имя «человечества».

Посттравматическое расстройство озлобленности

Только в последние годы была идентифицирована еще одна категория ментальной дисфункции, которая обнаруживает озлобленность, вызванную воспринятой принятой личной несправедливостью: посттравматическое расстройство озлобленности (PTED). Доктор М. Дж. С. Вонг пишет:

«Этот тип реакции, как полагают, является универсальным и часто замечается в пациентах, которым приходилось справляться с событиями личной несправедливости, оскорбления, разочарования и беспомощности».

Ощущение озлобленности это длительное эмоциональное состояние ненависти и гнева, вызванное верой в то, что с данным человеком обошлись несправедливо. Эмоциональная озлобленность существует в измерении, подобном депрессии и беспокойству, и поэтому, когда она является самой интенсивной, она может стать патологической и привести к разрушительному личному, социальному, и профессиональному падению.

Это расстройство называют «посттравматическим», потому что его провоцирует один «единственный быстрый стрессор в жизни», вызывающий чувства несправедливого обращения. PTED, в отличие от опасных для жизни стрессоров, которые вызывают посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD), происходит, когда какой-то случай вызывает разрушительные изменения жизни. PTSD вызывает чувства страха, а PTED вызывает чувства мести.

Казнь брата Владимира — тип стрессора, который мог вызвать PTED. В то время как PTED, казалось бы, подходит для описания тех убийц-одиночек, которые, например, совершают серийные убийства в качестве мести за то, что их запугивали и обижали в школе или уволили с работы, Владимир Ульянов нашел в марксизме и рационализацию и метод удовлетворения своего импульса ради мести и разрушения против целого общества, которое он с юношеским лет считал причиной смерти своего брата.

14. Луи Альтюссер

Француз Луи Альтюссер был одним из выдающихся марксистских теоретиков, появившихся в течение 1960-х годов. Вступив во Французскую коммунистическую партию в 1948 году, Луи Альтюссер стремился обновить марксизм. Его теории сформировали фундамент постмодернистского марксизма. Он стал отцом-основателем «структуралистского марксизма» или того, что называли альтюссеррианским марксизмом, опубликовав свои первые эссе о Марксе в «Le Pen» и «La Nouvelle Critique», которые были собраны в его первой книге «За Маркса» (Pour Marx) в 1965 году. «Хотя это влияние не всегда является явным, труды Альтюссера и его учеников продолжают поставлять информацию для исследовательских программ по литературоведению, политической философии, истории, экономике, и социологии».

Дуглас Джонсон, хорошо знавший Альтюссера с его студенческих дней и написавший «Введение» к его мемуарам, описывал его как «самого влиятельного из западных марксистских мыслителей» наряду с итальянским коммунистическим теоретиком Антонио Грамши. Особенно для молодежи Новых левых в 1960-х годах «альтюссеррианство было наивысшей стадией марксизма».

Опыт военнопленного

Альтюссер пришел к коммунизму через потребность в идентичности, когда в годы Второй мировой войны он был в плену у немцев, главным образом в лагере для военнопленных Шталаг ХА в Шлезвиге. В концлагере Альтюссер сошелся с коммунистами. Присоединение к ним можно рассматривать как механизм выживания, который продлился и на оставшуюся его жизнь, отягченную психическими проблемами. До этого кризиса он тяготел не к коммунизму, а к католицизму. Как вопрос чисто личного интереса, его присоединение к коммунистам, которые были лучше всего организованной фракцией среди военнопленных и обитателей концентрационного лагеря, могло показаться лучшим курсом. Очерк биографии Альтюссера так пишет об этом периоде:

«Позже он говорил, что считал свою жизнь легкой, потому что наслаждался товариществом людей, и за колючей проволокой чувствовал себя хорошо защищенным. После войны Альтюссер начал учиться в Высшей нормальной школе, где, с его ощущением того, что он пришел из «другого мира», он чувствовал себя абсолютным чужаком».

Здесь можно заметить чувство отчуждения и неуверенности, ощущаемое настолько глубоко, что Альтюссер чувствовал себя в большей безопасности в закрытой и подчиняющейся строгому порядку жизни немецкого лагеря для военнопленных. Альтюссер нашел в коммунизме средства восстановления чувства идентичности, порядка, уверенности и безопасности, которое он нашел, будучи заключенным. Альтюссер нашел свободу после отчуждения заключения в немецком лагере. Снова, как в лагере для военнопленных, он искал коммунизм как средство сопричастности. Несколько лет спустя он нашел в Элен Ритман женщину, подходящую на роль матери, которая могла бы дать ему безопасность и уверенность в себе через его полную зависимость от нее.

Воспитание

Льюис заявляет, что «циклы глубокой депрессии» мучили Альтюссера с 1938 года. Он родился в католической семье. Луи видел в своем отце Шарле Альтюссере, управляющем банком, «авторитарную, отдаленную фигуру, кошмары, вопли и происходившие время от времени вспышки насилия которого пугали его»; эти кошмары, по-видимому, были последствием Первой мировой войны.

Поскольку преданность Альтюссера коммунизму можно также рассматривать как проецирование конфликта между отцом и сыном, рационализированное в идеологию классовой борьбы: борьба с отцом как типичным буржуа, управляющим банком, сторонником жесткой руки, отчужденным и непостоянным; представителем капитализма. Этот семейный сценарий соответствует марксистской доктрине, которая видит в семье репрессивное по своей сути учреждение. Луи был растоптанной жертвой в бунте против патриархального авторитаризма, символизируемого его отцом. Он вспоминал в автобиографии, что он с детства считал себя «постоянной жертвой», думал, что его работа — это его побег из этой «надгробной плиты отсутствия дела, тишины и публичной смерти». Его марксизм, который был активизирован лишь спустя несколько лет после войны, был его средством проецирования своих страхов и тревог на весь общественный строй. Литературная продукция Альтюссера в периоды безумства была его методом терапии в поиске своего значения и идентичности.

Интересно, что как и у марксистских эмигрантов Франкфуртской школы, которые сбежали из Германии, чтобы занять доминирующее положение в социологии в США во время и после Второй мировой войны, темой неомарксизма Альтюссера была комбинация марксизма с психоанализом Фрейда:

«Его зависимость от психиатрии возросла ввиду его интереса к Фрейду, и когда он предпринял свою текстовую экспертизу Маркса, он был поражен ее подобием работе, которую написал о Фрейде Жак Лакан. Знаменитые семинары, которые проводили эти два человека, подчеркивали этот параллелизм».

Его идеологический биограф Грегори Эллиот пишет об этом фрейдистско-марксистском синтезе, предложенном Альтюссером и Лаканом:

«Альтюссер тогда полагал, что дело марксистского материализма в начале 1960-х лучше всего можно было бы защитить в соединении с аспектами структурализма. То, что он повернулся к современной французской философии, как и к марксистской классике, за помощью в создании постсталинского марксизма, легко можно понять из того, что он заявил о своем присоединении к антигуманному новому прочтению Лаканом Фрейда и особенно к «исторической эпистемологии» Башелара. В то время как Альтюссер предлагал возвращение к Марксу, Лакан проводил возвращение к Фрейду. В эссе, датирующемся 1964 годом, «Фрейд и Лакан», которое вновь открыло диалог между марксизмом и психоанализом, запрещенным во времена «ждановщины», Альтюссер поддержал и истолкование Лаканом Фрейда и его представление об этом истолковании как ответе на ревизионизм».

Сразу после войны Альтюссер встретил Элен Ритман. Она была литовской еврейкой, участвовала во французском Сопротивлении и вступила в коммунистическую партию в 1930-х годах. Позже ее исключили из компартии за троцкистский «уклон».

За первой сексуальной связью Альтюссера с Ритман немедленно последовал первый из депрессивных эпизодов Альтюссера и его отправка в больницу Св. Анны, где с ним впервые провели сеанс лечения электрошоком. Всю его оставшуюся жизнь ему пришлось проходить такое лечение. Альтюссер большую часть жизни подвергался тому, что было описано как «самое агрессивное лечение, которое могла предложить послевоенная французская психиатрия, включая такие методы, как электрошоковая терапия, наркоанализ, и психоанализ».

В 1961 году, в год знаменитого окончательного отказа Хрущева от сталинизма, Альтюссер стал влиятельным коммунистическим философом после публикации его эссе «О молодом Марксе». Он стремился к «десталинизации левых», которая была бы жесткой и бескомпромиссной, а не к тому, что он расценивал как отклонение СССР от левой идеи при Хрущеве. Это очень сблизило его с маоизмом. Он возглавил прокитайскую фракцию во

французской коммунистической партии.

Убийца жены

В 1970-х и 1980-х годах депрессия Альтюссера значительно обострилась, и после того, как его выпустили из больницы, он задушил Ритман, на которой был женат. Льюис пишет об этом:

«Перед тем как он мог быть арестован за убийство, его отправили в психиатрическую больницу. Позже, когда приехал следователь, чтобы сообщить ему о преступлении, в котором он обвинялся, Альтюссер был в столь хрупком психическом состоянии, что он не мог понять обвинений или процесс, который мог ему предстоять, и его оставили в больнице. После экспертизы группа психиатров пришла к заключению, что Альтюссер во время убийства страдал от тяжелой депрессии и ятрогенных галлюцинаций. Прочитывая французский закон (измененный с того времени), где сказано, что «нет ни преступления, ни нарушения закона, если подозреваемый во время своего поступка был в состоянии слабоумия», судья, который вел дело Альтюссера, принял решение, что не было никаких оснований, на которых можно было бы провести обвинение в суде».

Альтюссер задушил Ритман в их комнатах в Высшей нормальной школе, и 16 ноября 1980 в восемь или девять часов утра выбежал во внутренний двор в пижаме и халате, много раз выкрикивая в состоянии замешательства и сумасшествия: «Моя жена мертва». Он задушил ее, массируя ей шею, а затем у него случилось помрачение рассудка. К тому времени, когда прибыла полиция, университетские коллеги уже отвезли его в психиатрическую больницу Св. Анны, где его лечили раньше.

После двухмесячного освидетельствования группой из трех психиатров Альтюссера отправили в больницу Св. Анны, где он испытывал «расстройства», и «галлюцинации». Альтюссер оставался в больнице Св. Анны до 1983 года, когда его выпустили и разрешили жить одному. Он бродил по улицам северного Парижа, бедно одетый, и набрасывался на незнакомых людей со вспышками гнева.

Последние десять лет жизни Альтюссер провел в частной клинике, где его много лечили сильнодействующими лекарствами. Он умер от сердечного приступа в 1990 году в Ла Веррье к западу от Парижа.

Конфликт на базе Эдипова комплекса как фундамент марксизма Альтюссера

Несмотря на его продолжающееся психическое состояние Альтюссера продолжали широко обсуждать как «модного марксиста» с «сильными связями». Он часто был весьма спорной фигурой даже в самой коммунистической партии, частично из-за его приверженности маоизму.

Симптомы Альтюссера, включая его моменты творческой продуктивности вместе с его частыми эпизодами тяжелой депрессии, галлюцинаций и, наконец, убийство его жены, указывают на маниакально-депрессивный (биполярный I) психоз.

В автобиографии «Будущее длится всегда», написанной через несколько лет после того, как его выпустили из больницы Св. Анны, Альтюссер возвратился к теме, которая сформировала его жизнь, чувству деперсонализации. Как отмечалось ранее, Альтюссер вышел после Второй мировой войны из немецкого лагеря для военнопленных с чувством отчуждения и того, что он стал одним из «потерянного» поколения. Его освобождение из больницы Св. Анны оставило его с тем же ощущением, как у «тех жертв мировых войн и бедствий, кого объявляют без вести пропавшими»:

«Если я говорю об этой странной ситуации, это потому что я испытал это и до некоторой степени все еще испытываю. Даже при том, что я был вне психиатрической больницы в течение двух лет, я — все еще без вести пропавший, потерянный для общественности, кто слышал обо мне. Я не жив, не мертв и, хотя я не похоронен, я «бестелесный». Я просто потерял, что было роскошным определением безумия у Фуко».

Это чувство «бестелесности» однако не было симптомом, который был вызван или его опытом военнопленного или выходом из Св. Анны. Альтюссер прослеживает это до своего рождения. Его назвали в честь брата его отца Шарля, Луи, за которого его мать первоначально намеревалась выйти замуж. В отличие от Шарля, Альтюссер говорит о дяде Луи — которого он, возможно, даже не встречал — как о человеке большой душевной теплоты. Однако когда два брата пошли на войну, Луи не вернулся, и она вместо этого вышла замуж за Шарля. Тогда как отношения его матери с Луи были платонической интеллектуальной идиллией, и Альтюссер позже сделал замечание о бремени половых органов, Шарль вернулся на войну, и оставил мать Альтюссера «ограбленной, изнасилованной, и разрушенной; подвергнувшейся физическому насилию и лишенной сбережений, которые она терпеливо копила...» Итак, он всегда расценивал свою мать как «мученицу, кровоточащую как рану». Он также видел свою мать не только как страдающую ради своего мужа и для дома, но также и как «мазохистку» и как «ужасную садистку».

Восприятие Альтюссером матери состояло в том, что она, мол, хотела смерти обоих — как своего мужа — несмотря на то, что Шарль «обожествлял» ее, что вряд ли похоже на того тирана, каким представил его Альтюссер — так и его самого, ибо Шарль был «связан» со смертью своего брата, и «она не могла сдерживать желания видеть меня мертвым, поскольку Луи, которого она любила, был мертв».

Проблема Альтюссера напоминает о Руссо, настаивавшем, будто его отец негодовал на него из-за смерти своей жены вскоре после рождения Руссо, несмотря на привязанность, которую молодой Руссо получил от его отца. Аналогично, Альтюссер безосновательно предполагал, что его мать, должно быть, хотела его смерти, потому что он не был тем «Луи», которого она хотела.

Связанное с Эдиповым комплексом бичевание Альтюссером своего отца как тирана, кажется, основано на том, что Шарль настаивал на общепринятых гендерных ролях мужа и жены, что ставило ее в центр дома и делало ее организатором домашних дел, детей, образования и праздников, во что сам Шарль редко бы вмешивался. Альтюссер ссылается на это как «роль, которой он [Шарль] ограничил ее», хотя это никак не мешало ей играть откровенно позитивную роль даже в акционерной компании своего мужа. «Столкнувшись с ее ужасной болью», Альтюссер расценил свою миссию в жизни как преданность своей матери, «душе и телу», чтобы облегчить свое огромное чувство мучения и вины; «непоколебимое осуждение», которое стало значением его жизни. Для Альтюссера его отец останется невыносимым сторонником жесткой руки, склонным к спонтанным сильным вспышкам ярости. Но Альтюссер «боялся» в своем отце не этих «спонтанных вспышек», но того, что он был немногословным человеком. Тем не менее, он был также остроумным собеседником среди друзей, и, кажется, что для его сына в Шарле было много качеств, ни одно из которых Альтюссер не мог посчитать приемлемым.

Шарль стал большим козлом отпущения за продлившиеся всю жизнь страхи и тревоги Альтюссера. Жак Лакан (который сотрудничал с Альтюссером в формировании марксистско-фрейдистской доктрины) настаивал на первоочередной важности Эдипова комплекса. Идеологически отец становится символом государства, патриархата или капитализма, который должен быть свергнут. Мать же является символом угнетенных, которых должен спасти сын. Это стало бессознательным мотивом некоторых элементов Новых левых, которые приняли комбинацию социализма и психиатрии, тогда как для еврейских элементов мать воспринималась как угнетатель.

Альтюссер терпеть не мог своего имени, Луи, так как оно было слишком коротким, и так как оно предполагало значение «да» («уи»), заканчиваясь резким «и». Луи, будучи также именем мертвого дяди, «прежде всего, содержало звучание местоимения третьего лица («lui» — «он»), которое лишало меня любой моей собственной индивидуальности, принимая, что это сделал кто-то анонимный другой...», это его любила моя мать, а не меня»; «имя мертвеца».

Если своего отца он ненавидел, то его отношение к матери было двойственным: чувство попытки искупить себя перед нею за то, что он был не тем Луи, и все же чувством отвращения, когда его мать с гордостью прокомментировала то, что он достиг возраста мужчины, когда у него в тринадцать лет начались поллюции. Гордое открытие матери наполнило юного Альтюссера «позором», «унижением» и «чувством бунта», и ощущением того, что он был «изнасилован», чувствами, которые остались с ним на всю жизнь:

«Это действительно была форма насилия и кастрации. Я был изнасилован и кастрирован моей матерью, которая чувствовала, что была изнасилована моим отцом (но это было ее делом, не моим). Семейный рок был действительно неизбежен. Но ужас того, что произошло, был усилен тем фактом, что моя мать тараторила эти непристойности и вела себя так противоестественно, полагая, что это ее обязанность (тогда как это должен был бы сделать мой отец)».

Неоднозначное отношение Альтюссера к его матери включало эротические чувства, все же это был мертвый Луи, которого она любила через своего сына.

Альтюссер провел раннее детство в Алжире, где его отец управлял банком. Он жаждал завести друзей, но его мать запрещала ему. Он ходил в школу со своей мавританской горничной, юный Луи одевался «чопорно», но стыдился казаться богатым и привилегированным (несмотря на бедное положение семьи). Однако когда он учился в средней школе в Алжире, он ощущал, что был среди богатых мальчиков, которых возили в школу в машинах с шоферами. Тут снова было чувство наложенной на самого себя изоляции, на сей раз основанной на классе, и восприятие, что он не вписывался ни во что; ни в среду богатых, ни в среду бедных.

Апологет Альтюссера Грегори Эллиот возражал, что философию Альтюссера не следует оценивать, опираясь только на описания ее создателя как сумасшедшего:

«Я одно, мои сочинения другое», заявлял Ницше в своей предполагаемой автобиографии, это справедливо и для Альтюссера, как и для любого другого мыслителя: происхождение, структура, аргументированность, и эффективность тела мысли это аналитически различные проблемы для любого исследования, которое стремится к чему-то другому, чем к изобличению или оправданию идей ad hominem».

Эллиот критикует заголовки западной прессы во время убийства Альтюссером его жены, такие как «Маркс и убийство» и «Марксистский убийца», с общим тоном «Marxism = Madness=Murder» (марксизм=безумие=убийство).

Впрочем, вся школа левой социологической и психоаналитической интерпретации была сформулирована вокруг концепции, которая интерпретировала правые и даже нормальные, «консервативные» ценности, такие как лояльность семье и привязанность к родителям как признаки плохого душевного здоровья и скрытого «фашизма». Термин «сумасшедшие экстремисты» обычно используются, чтобы маркировать что-либо не являющееся левым в самом широком понимании. Нацизм изображается как проявление психопатии, и что-либо «правое» как проявление нацизма, или как являющееся латентно нацистским. Так даже Энох Пауэлл, ученый и член парламента от Консервативной партии, заработал себе «дурную репутацию» за свою речь о «реках крови», в которой он пытался предупредить об опасностях иностранной иммиграции в Великобританию, когда стойкий приверженец Лейбористской партии Тони Бенн сравнил эту речь с нацизмом, заявив: «Флаг расизма, который был поднят в

Вулвергемпtone, начинает быть похожим на тот, который трепетал 25 лет назад над Дахау и Бельзеном».

Такие сравнения — важные составляющие тактики клеветы левых, но Грегори Эллиот в связи с убийством Альтюссером своей жены с негодованием протестовал, когда часть прессы приравнила марксизм к убийству и безумию, хотя приблизительно 100 000 000 жертв коммунизма подтверждают, что марксизм был, по сути, психопатическим учением.

Следует задать вопрос, можно ли отделить личность Альтюссера от его идеологии? Была ли его неокommунистическая доктрина сформулирована посредством эмпирических оценок истории, или как проецирование на мир его Эдиповой борьбы, рационализированной как классовая борьба? Тот факт, что, как и Франкфуртская школа Адорно и других, Альтюссер синтезировал фрейдизм с марксизмом, указывает на то, что он видел в марксизме терапевтическое решение для своих собственных душевных мучений. Удушение Альтюссером своей жены, которая служила как бы заменой его матери, было его индивидуальным актом революционного освобождения, но таким, в котором опоры самого его существования были уничтожены им самим.

15. Мао Цзэдун

Мао Цзэдуна часто сравнительно хорошо изображали в СМИ на Западе, даже во время Холодной войны. Его ранние годы изображались в героических терминах западными журналистами, такими как Эдгар Сноу, «Автобиография Мао Цзэдуна» и «Красная звезда над Китаем» которого стали стандартными текстами на эту тему. Мао считал «Красную звезду над Китаем» одной из своих самых существенных пропагандистских побед.

Когда Мао порвал с Кремлем, он был поднят на щит левыми антисталинистами и особенно опирающимися на молодежь Новыми левыми, увидевшими в нем того романтического революционного героя, которого изобразил в своих книгах Сноу. Его портрет появлялся среди Новых левых рядом с другими романтизированными революционерами, такими как Че Гевара и Хо Ши Мин. Роберт Сервис писал об этом, что «в конце 1960-х, если бы провели опрос общественного мнения среди протестующих [французских студентов], список, вероятно, возглавили бы Лев Троцкий, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин и Че Гевара», тогда как в отношении СССР со времен Сталина было широко распространено отвращение.

Дополнительная привлекательность среди лишенной корней молодежи Новых левых состояла в том, что Мао, как Хо и Че, мог быть изображен как часть восстания Третьего мира против Белого империализма во главе с США, в то время как СССР был «слишком Белым» для этой цели. На самом деле именно таким был образ, который маоистский Китай культивировал среди коммунистов и в Третьем мире после того, как очень немного коммунистов в западных государствах порвали с СССР, чтобы последовать за Мао.

Все же, хотя немногие из западных коммунистических партий оказались готовы отвергнуть СССР и последовать за Мао, было много представителей левого истеблишмента, готовых петь оды Мао, и быть маоистом в научнопреподавательском мире никогда не считалось позорным, в отличие, например, от того, чтобы быть консерватором. Когда Мао умер, австралийские светила Лейбористской партии увековечили его память как великого и гуманного государственного деятеля. Председатель Австралийской лейбористской партии Гоф Уитлэм сказал: «Под руководством Мао китайский народ нашел силу для потрясающего усилия революционной борьбы..., он был подлинным отцом своего народа и нового Китая». Заместитель председателя Австралийской лейбористской партии Том Юрен сказал: «Мао был великим лидером, блестящим революционным мыслителем... выдающимся патриотом... народ Китая не только уважал его, но и любил». Член парламента от Либеральной партии, а позже независимый парламентарий Билли Уэнтуорт, с другой стороны, был более точным в

своей оценке Мао:

«Маоизм навязал китайцам чуждую идеологию и лишил их всей их традиционной жизни и культуры. Он потребовал отказа от всех семейных связей и принятых приличий, что достигло апогея в его атаке на конфуцианство. Религию он заменил ритуальной ерундой «Маленькой красной книжицы»...»

Ранние годы Мао

Каким типом человека был Мао, которого до недавнего времени изображали в сравнительно идеализированном виде? Каковы были черты, которые привели Мао к коммунизму и к истреблению одной десятой части населения Китая за десятилетия голода и чисток?

Мао с юности обладал чертами социопата. Он родился в «относительно богатой» крестьянской семье в 1893 году. В восемь лет он на короткое время переехал жить к своей безумно любящей его бабушке по материнской линии. Он делал «небольшую легкую работу на ферме». Тут в Мао уже проявляется одна его характерная черта: продолжавшееся всю его жизнь отвращение к физическому труду, которого он успешно избегал. Мао дошел до того, что сказал своему отцу Ичану, что старик должен делать больше черной работы, чем его сын, и это был «невероятно наглый аргумент по китайским стандартам».

Ненависть к отцу

Хотя Мао Цзэдун хорошо учился, он с самого раннего школьного возраста постоянно ссорился с учителями, и в возрасте десяти лет убежал из своей первой школы. Всего его выгоняли или просили уйти из четырех школ. Это вызвало большую напряженность в его отношениях с отцом. Мао ненавидел отца, который был трудолюбивым крестьянином, ожидавшим от своего сына усердия в учебе.

Ненависть Мао к отцу была переадресована на садизм, который нужно было причинить его противникам. Чан и Холлидей пишут:

«В 1968 году, когда он приступил к крупномасштабной мести своим политическим противникам, он сказал их мучителям, что он хотел бы, чтобы с его отцом обращались бы так же жестоко: «Мой отец был плохим. Если бы он сегодня был жив, то ему стоило бы сделать "самолет"». Так называлась пытка, когда руки человека выворачивали ему за спину, а голову насильственно нагибали вниз».

Обожание Мао своей матери и ненависть к своему отцу никогда не оставляли его. В то время как плата за обучение Мао была единственным средством, которым старик Ичан пытался влиять на своего сына, Мао использовал более острые методы, чтобы бунтовать против отцовской власти. Мао намного позже рассказывал о ссоре, который возник у него с отцом перед гостями. Его отец назвал его «ленивым и бесполезным». Мао обругал его и покинул дом, отец побежал за ним, требуя, чтобы он вернулся.

«Я подошел к краю пруда и угрожал прыгнуть, если он подойдет ближе... Мой отец отступил». Однажды, когда Мао пересказывал эту историю, он рассмеялся и добавил наблюдение: «Старики вроде него не хотели терять своих сыновей. Это их слабость. Я нащупал их слабое место, и я победил!»

То, что проявляется в юности Мао, это конфликт между отцом и сыном и презрение к фигуре отца, что является особенностью и других левых психопатов. Учитывая, что конфуцианство сделало семью основой китайской социальной структуры, марксизм

обеспечил средства разрушения этой основы, как он сделал это для многих других Старых и Новых левых.

Когда Мао исполнилось шестнадцать, как только его первая жена после устроенного для него его отцом брака, умерла, он уехал из дома, чтобы продолжить свое образование, а не последовать желанию отца, который хотел отдать молодого Мао в учение в рисовую лавку. Как и для многих в западном мире, жизнь вечного студента предоставляла человеку с отвращением к черному труду возможность много лет провести, бездельничая.

Мао позже утверждал, что, когда он был мальчиком в своем родном Шаошане, его потрясло тяжелое положение бедных крестьян. Он сформулировал легенду, что он якобы пришел к социальной ответственности под влиянием мастера мельничных жерновов П'Ана, который был казнен после подавления местного крестьянского восстания. Попытки исследователей коммунистической партии идентифицировать этого П'Ана оказались неудачными. Мао как провозглашенный лидер самого большого крестьянского восстания в истории под знаменами коммунистической партии — это чистая фантазия. Скорее Мао испытывал к крестьянству одно лишь презрение. Чан и Холлидей пишут:

«Нет никаких признаков того, что Мао выводил из своих крестьянских корней какую-либо озабоченность социальными проблемами, еще меньше признаков того, что его мотивом было чувство несправедливости. В документе того времени, дневнике учителя Мао, профессора Ян Чандзичи, профессор 5 апреля 1915 года написал: «Мой студент Мао Цзэдун сказал, что... его клан... — главным образом крестьяне, и для них легко разбогатеть» (курсив наш). Мао не проявлял особого сочувствия к крестьянам».

Мао мало упоминал о крестьянстве, даже став коммунистом. Его ссылка на крестьянство в 1917 года должна была выразить восхищение подавлением Тайпинского восстания 1850–1864 годов, и методов, с помощью которых командующий правительственными войсками Цзэн Гофань «прикончил [восставших]». Здесь, мы видим выражение Мао восхищения властью как таковой. В 1919 году Мао написал студенческое эссе о людях из различных классов, с только одним скептическим упоминанием крестьянства, но с большим вниманием к якобы тяжелому положению студентов, которые якобы жили как в «море горечи». Это типичная юношеская тревога и жалость к самому себе за воображаемые страдания, дающая привилегированной молодежи чувство мученичества, которого вовсе не существовало, черта, типичная также для молодежи, ставшей базой Новых левых на Западе и нынешних движений протеста, состоящих, главным образом, из мелкобуржуазной молодежи, кто «страдает от несправедливости» опосредовано, беря на себя дело других. В тот же год, готовя список для исследования, насчитывающий, по крайней мере, 71 пункт, Мао включил в него только один пункт, касающийся труда, и наряду с ним только один из 15 подзаголовков упоминал крестьянство.

Вхождение в революционную политику

Мао начал упоминать крестьянство и труд как абстрактные понятия только после того, как присоединился к коммунистам в 1920 году. Он не проявлял сочувствия к крестьянам, чернорабочим, или кому-либо еще. В 1921 году, спустя год после того, как он присоединился к коммунистам, Мао был в страдающем от голода округе Чанша. Один его друг описал в своем дневнике нищих, которые были похожи на скелеты, обернутые в желтую кожу. Мао, несмотря на свои утверждения об обеспокоенности судьбой страдающих крестьян, даже не упоминал об этом голоде. Если кто-то, кто живет среди таких условий, никогда не упоминает об этом, как будто это не имело никакого значения, то это указывает на отсутствие сочувствия, типичное для социопата, что мы рассматриваем как существенную черту среди ведущих левых.

Когда ему было 17, студента Мао захватила республиканская революция 1911 года, и в соответствии со студенческой тенденцией он написал свое первое политическое эссе, которое он вывесил в своей школе. Впрочем, его опыт добровольца республиканской армии был коротким, поскольку ему не нравилась муштра или рутинная работа, такая как носить воду, «потому он нанял продавца воды, чтобы тот работал за него».

После нескольких месяцев в армии Мао короткое время учился в другой средней школе. Как Маркс, вместо того, чтобы получить какую-то профессию, он приятно проводил долгие часы в провинциальной библиотеке. Его отец угрожал лишить Мао денежной помощи из дома, если он не возвратится в школу. Мао пошел в педагогическое училище. Именно здесь, в училище, основанном на западных идеях, Мао впервые услышал о коммунизме. Коммунизм мог дать ему средства, которыми он мог разрушить все то, что он терпеть не мог. Его однокурсник вспоминал, что Мао однажды предложил «одним махом» сжечь все сборники прозы и поэзии после династий Тан и Сунн. Чан и Холлидей комментируют: «Это первый известный случай, когда Мао упомянул одну тему, которая должна была символизировать его правление — уничтожение китайской культуры». Это было время, когда все подвергалось сомнению, включая само существование наций, семей, брака и частной собственности.

Социопатическая идеология

В 1917–1918 годах Мао начал изучать немецкого философа Фридриха Паульзена. Пометки Мао на полях его экземпляра книги Паульзена «Система этики» свидетельствуют о безнравственности интеллектуализируемого социопата. Холлидей и Чан пишут:

«Отношение Мао к этике состояло из одной центральной идеи: «Я» сам выше всего остального: «Я не соглашусь с представлением, что быть моральным человеком, мотивами действий должно быть приносить пользу другим. Этика не должна определяться относительно других... Люди как я хотят... удовлетворить наши души в полной мере, и при этом у нас автоматически есть самые ценные моральные кодексы. Конечно, в мире есть люди и объекты, но все они там только для меня».

Мао избегал любых ограничений, которые несут с собой ответственность и долг. «У людей как я есть долг только перед нами самими; у нас нет никакого долга перед другими людьми». «Я ответственен только за действительность, которую я знаю», писал он, «и абсолютно не ответственен за что-то еще. Я не знаю о прошлом, я не знаю о будущем. Они не имеют никакого отношения к морали моего собственного «Я»». Он явно отвергал любую ответственность перед будущими поколениями. «Некоторые говорят, что каждый несет ответственность за историю. Я не верю этому. Я обеспокоен развитием только самого себя... У меня есть мое желание, и я действую ради него. Я не ответственен ни перед кем».

Мао ни во что не верил, если он лично не мог извлечь выгоду из этого. Добрая слава после смерти, говорил он, «не может принести мне радости, потому что это принадлежит будущему, а не моей собственной действительности». «Люди как я не строят достижения, чтобы оставить их будущим поколениям...»

Мао беспокоился только о настоящем моменте, и о том, как он жил в нем. Поэтому он даже не притворялся относительно идеализма и беспокойства о будущих поколениях. Эта видимость достигла колоссального масштаба, когда он возглавил коммунистическую партию и Китай. «Великие герои» истории, писал он, подразумевая, что он сам был одним из них, не были ограничены моралью, которая «должна была быть сметена огромным импульсом в их природе». Власть этих «Великих Героев» подобна урагану, поднимающемуся из глубокого ущелья, и подобна сексуальному маньяку в страсти и в поиске любовной добычи... нет никакого способа остановить их».

Это менталитет социопата, рационализированный как философия, которую Мао

одобрительно сравнивает с волей к власти насильника. В марксизме, который стремится к разрушению всей нормальной морали, Мао и массы других левых нашли кредо навязчивого лгуна, вора, убийцы, и насильника, возвышенное до философского оправдания. В руках таких левых социопатов есть больше чем люди или непосредственные сообщества, на которых они могут охотиться: под их властью были целые страны и многомиллионное население, которые можно было заставить страдать ради собственного удовлетворения этих самых психопатов, во имя «свободы, равенства, братства» или «диктатуры пролетариата».

Отвергая идеал Гармонии («да тон») конфуцианства, Мао рассматривал «гигантские войны» и разрушение как не только естественное, но также и желательное; что-то, чем следует восхищаться. Чтение о войнах делает историю «большой забавой»; периоды мира являются «скучными». Снова коммунизм должен был предоставить Мао средства, чтобы устроить в Китае периоды огромного разрушения и смерти посредством продолжающихся чисток и кампаний, таких как «Большой скачок» и «Культурная революция».

Отвращение к труду

Несмотря на пропагандистские легенды о Мао и его борьбе, он всегда пытался держаться на безопасном расстоянии не только от черной работы, но также и от опасности. Даже в течение «Великого похода» (1934), столь героически восхваленного маоистской пропагандой, Мао большую часть пути несли на носилках. Мао был гедонистом, который ничего не знал о борьбе или страданиях, кроме как восхищался причинением их другим людям.

Гедонизм

Образ жизни Мао, несмотря на скромный внешний вид на публике, был типичен для правителя-мегаломаньяка и демонстрировал черты нарциссического расстройства личности. «Как только он завоевал Китай», он стал вести жизнь «королевского потакания своим слабостям, что стоило стране чудовищных денег». За время его 27-летнего правления для него было построено более пятидесяти резиденций, многие из которых никогда не использовались. Они были размещены в роскошных местах. Целые области, такие как Холмы нефритового ручья под Пекином или Западное озеро в Ханчжоу, и огромный морской курорт в Бэйдайхэ были закрыты для его личного использования. Его бассейны обогревали круглый год при огромных затратах денег и ценного топлива, на случай, если он вдруг решит поплавать.

Часто сносились исторические здания, чтобы создать место для строений, которые были защищены от пуль и обладали бомбоубежищами, некоторые даже с убежищами от атомных бомб. Все здания были одноэтажными, поскольку Мао боялся попасть в ловушку наверху, хотя они иногда строились высотой в 50 футов, отражая чувство величия Мао. Мао так боялся за свою собственную безопасность, что когда он летал самолетом, все другие самолеты в Китае должны были ждать на земле, и когда он садился в свой поезд, все другие поезда в этом районе останавливались. Это свидетельствует об одержимом страхе смерти Мао, который выходил за рамки разумных мер, и явно отличался от его рвения в причинении страданий другим.

Его гастрономические требования тоже достигли царского величия. Для него из отдаленного на тысячу километров Уханя везли особую рыбу живой в полиэтиленовом пакете, заполненном водой, и снабжали ее кислородом. Рисовую мембрану между шелухой и ядром нужно было тщательно сохранять, и однажды, утверждая, что он не мог почувствовать во рту эту мембрану, он подумал, что заболел авитаминозом. Была построена специальная ферма, чтобы выращивать рис для Мао, поскольку он думал, что вода в этой области, которая

снабжала императорский двор, была самой лучшей. Были созданы другие фермы и плантации специально для обеспечения вкуса Мао молоком, домашней птицей и чаем. Всю еду проверяли и пробовали. Пожаренные в масле блюда должны были подаваться немедленно, но так как кухня была расположена на таком расстоянии, чтобы запахи приготовления не доносились к Мао, слуги должны были спешить к его столу из кухни с каждым блюдом.

При этом на протяжении 27-летнего правления Мао крестьянство жило только на уровне прожиточного минимума, Мао заявлял, что крестьяне нуждаются только «в 140 килограммах зерна, а некоторые нуждаются только в 110». Крестьяне голодали независимо от успеха урожая. Крестьянам было предоставлено право выкупать зерно обратно у государства, но Мао постоянно ругал чиновников за то, что они позволяли «слишком много» продавать обратно, и призывал их «значительно» сократить этот объем. Ответом Мао на голодание крестьян было научить их есть меньше, «есть более жидкую кашу», и питаться листьями батата, которые традиционно использовались только для корма свиней. Этот надутый тиран, который настаивал, чтобы рисовая мембрана сохранялась ради его нёба, инструктировал, что «государство должно самым жестким способом добиться..., чтобы крестьяне не ели слишком много». В середине 1950-х годов государственные реквизиции продуктов привели к голоду, сообщалось, что крестьяне ели кору деревьев и бросали своих младенцев, многие совершили самоубийство. Позиция Мао состояла в том, что люди были без еды только «шесть... или четыре месяцев в году», так что их жалобы были не совсем оправданны. Мао потребовал, чтобы государство жестоко ответило на жалобы или сопротивление. Тем коммунистам, которые предложили мягкий подход, Мао заявил, что они проявляют «слишком много милосердия, недостаточно жестокости, что означает, что они не в полной мере соответствуют званию марксиста». «По этому вопросу у нас действительно не должно быть никакой совести. Марксизм жесток».

Мао, несмотря на свою любовь к плаванию, не любил принимать ванну или душ, и не принимал ванну на протяжении четверти века. Вместо этого слуги ежедневно протирали его горячим полотенцем. Он не любил надевать новую одежду и заставлял своих телохранителей разносить его новую обувь. Его купальный халат, полотенце для лица и стеганое одеяло были много раз заштопаны. Но такие причуды символизировали не простую жизнь, а жизнь «гедонистического супервластителя», поскольку штопали эти вещи самые лучшие мастера, и это стоило дороже новых вещей.

Мао установил ультрапуританское государство в сексуальных вопросах. Если кого-то ловили за занятием мастурбацией, он превращался в публично оскорбляемого преступника. Супружеским парам, разделенным ввиду требований их работы, разрешали видеться друг с другом только несколько дней в год. С 1953 года у Мао, однако, была своя собственная элитная охрана женского пола, отобранная из ансамблей Народно-освободительной армии, что министр обороны Пэн Дэхуай называл «отбором императорских любовниц». Волочиться за женщинами Мао начал в 1940-х, что очень огорчало его жену, которая жестоко переадресовывала свой гнев на своих служанок.

Культурная революция: Китай, охваченный массовой социопатией

Отказ Мао от прошлого или будущего только ради настоящего, и только его собственного настоящего, мог быть достигнут через коммунизацию Китая. В этой коммунизации разрушение традиционного конфуцианского идеала с его почитанием предков и семьи могло быть интеллектуализировано как часть некоего великого идеала ради блага человечества. Этот отказ от прошлого и от традиции подразумевает отказ от самой культуры. Это «восстание против цивилизации» в точном смысле. В Китае разрушительный импульс был высвобожден через молодежь «Красной гвардии» (хунвейбинов) в конце 1960х. Снова мотивом была социопатия Мао, перенесенная на весь народ. На руинах китайской культуры,

включая ее основные исторические фигуры, такие как Конфуций, был построен культ Мао, возвышающий его к божественности.

В августе 1966 года недавно созданных хунвейбинов спустили с поводка, чтобы разрушить культуру и верования их родителей. Первым злодеянием было убийство пятидесятилетней матери четырех лет, которая возглавляла школу для девочек в Пекине. Девочки пинали ее и топтались по ней, и вылили на нее кипяток. Она была вынуждена таскать кирпичи, пока ее избивали тяжелыми кожаными армейскими ремнями с медными пряжками, и палками с гвоздями. «Красный август» продолжался в этом духе.

Одну из девочек, которая руководила этим садизмом против директора школы, похвалил сам Мао, посоветовавший девочке: «Будь жестокой», и девочка, имя которой Сон Бинь-бинь частично означало «Нежная», сменила имя на «Быть жестокой». Школу для девочек переименовали в «Школу красного насилия».

В школах началась классовая борьба даже в младших классах. Эта молодежь была армией Мао против своих родителей. 23 августа Мао объявил, что «Пекин слишком цивилизован». Хунвейбины, с их символическим оружием из палок и ремней с пряжками, напали на своих первых жертв: несколько десятков ведущих китайских авторов во внутреннем дворе пекинской организации союза писателей.

Кроме того, хунвейбины использовались как грабители для Мао и его окружения. Здесь мы снова можем видеть, что обычная преступность, хотя и в массовом масштабе, была скрыта за маской идеализма. «Красная гвардия» совершила набег на тысячи зданий, и мучила и убивала их жителей. Тонны награбленного золота, серебра, платины, драгоценностей и миллионы долларов в твердой валюте, бесценные старинные вещи, картины и древние книги были украдены. Окружение Мао могло подбирать себе ценности. «Мадам Мао выбрала 18-каратовые золотые французские часы на цепочке, украшенные жемчугом и алмазами, за которые она заплатила королевскую сумму семь юаней». Кан Шэн, один из главных архитекторов Красного террора, послал некоторых из отобранных хунвейбинов грабить редкие книги, которые потом украсили стены его особняка.

Кроме того, что она стала прикрытием для воровства, «Культурная революция» была предназначена для разрушения всех остатков традиционной культуры. Считалось опасным иметь в доме книги или что-либо еще культурной природы. Много знаменитых памятников, связанных с прошлым Китая, были разрушены, включая 4 922 из 6 843 памятников в Пекине. 24 августа была разбита первая статуя: Будда в Летнем дворце в Пекине. Дом Конфуция в Шаньдуне, который за столетия превратился во внушительный музей, был разрушен хунвейбинами, после того, как местные жители не проявили желания делать это. Чан и Холлидей комментируют, что Мао ненавидел Конфуция, потому что великий мудрец «предписывал, чтобы правитель заботился о своих подданных, и как выразился сам Мао, «Конфуций это гуманизм... то есть сконцентрированный на людях «изм»».

Руководителем этого разрушения культуры была Цзян Цин, жена Мао, которая до смерти Мао в 1976 году гарантировала, чтобы существовало только такое искусство, театр, музыка и книги, которые были пропагандистскими механизмами, расхваливающими Мао.

Мания смерти Мао Цзэдуна

В своих пометках на полях книги Паульзена Мао утверждал, что был безразличен к смерти, поскольку она — часть природы, самое великое приключение, «самая странная вещь», «замечательное, радикальное изменение». Такое мировоззрение, с типичным для социопата отсутствием человеческого сочувствия, привело к смерти приблизительно 70 миллионов человек за время правления Мао. Однако сам Мао питал очень большую антипатию к смерти и пробовал все, что мог, чтобы задержать ее. Поскольку его здоровье было сильно растрачено им всего за несколько лет, он все время думал о своей смертности и готов был жалостливо плакать. Как раз когда его жизнь ослабевала, он все еще боялся своего

свержения в ходе удачного переворота и цеплялся за власть, потому и не назначал себе конкретного преемника. Он еще в 24 года написал о том, что его беспокоило только свое собственное величие в настоящем времени. И то, как он вел себя до самого конца, доказывает, что им всегда управляли человеконенавистнические доктрины, которые он сформулировал в своей юности.

С 1950–1953 годов кадрам в каждой провинции было приказано казнить любого подозреваемого в «контрреволюции». Массовые казни проводились публично, как средство стимулирования массового террора среди населения. В Пекине двести человек были проведены перед толпой, а затем им выстрелили в голову, так что их мозги обрызгали свидетелей.

Особенностью чисток при Мао была публичная демонстрация пыток и казней. Первым министром, которого 21 января 1967 года замучили до смерти, был министр угольной промышленности. Его провели перед толпами, и руки у него были вывернуты назад — «самолет». В другой раз его посадили на скамью, без рубашки, при температуре ниже нуля, пока его били и кололи маленькими ножами. Огромную железную решетку повесили ему на шею, из-за чего его голова опустилась к полу, и «его череп разбивали ремнями с тяжелыми медными пряжками». Во время этих пыток делались фотографии, которые потом показали Чжоу Эньлаю и, «несомненно, Мао».

Мао получал личное удовлетворение от пыток своих врагов, «сердечно смеясь» над описаниями широко используемой пытки «самолет».

Тридцать восемь миллионов китайцев умерли во время «Великого скачка» и голода. Отношение Мао к смертям и страданиям других оставалось постоянным с его студенческих дней. На партийном съезде 1958 года, который дал сигнал «Большому скачку», Мао заявил, что партия должна прославлять смерть. Тогда же он еще сказал, что мировая война не была бы пагубной для Китая, даже если бы половина населения была уничтожена; оставшихся в живых все еще было бы достаточно. Он ранее заявил, что гибель 300 миллионов китайцев (приблизительно половины населения) будет приемлемой. Позже в тот же год Мао сказал, что смерти крестьян оплодотворяют землю, и им был отдан приказ сеять зерновые культуры на местах захоронений, что вызвало глубокое огорчение среди крестьян.

В 1958 Мао заявил, что 50 миллионов могли бы умереть на массовых трудовых проектах, но сказал своему окружению: «Я могу быть уволен, и я могу даже потерять свою голову..., но если вы настаиваете, я должен буду только позволить вам сделать это, и вы не сможете обвинить меня, когда люди умирают». Как всегда, Мао думал только о Мао, и предупреждал, что, если бы возникла реакция против его смертоносной политики, то козлами отпущения стали бы его подчиненные.

16. Троцкизм в Великобритании: сексуальный культ Хили

Троцкизм, хотя он никогда и нигде не добился массовости сторонников, в том числе и в большевистской России, тем не менее, смог закрепиться как постоянный элемент среди и Старых левых и Новых левых благодаря своей приспособляемости к новым тенденциям. Потому левые, вообще долго отказывавшиеся от пролетариата как революционной силы, сосредоточились на том, чтобы агитировать за «права» различных меньшинств, и присоединились к феминизму, политике защиты гомосексуалистов, «зеленым», иммигрантским и «аборигенским» кампаниям, до бесконечности, в том, что называют «политикой идентичности». Их стратегия больше стратегия не «классовой борьбы», а пополнения за счет отчужденных групп.

Троцкизм был, однако, очень сильно ослаблен самовлюбленностью его нынешних лидеров, поскольку и сам Троцкий был неспособен к сотрудничеству с другими

большевистскими лидерами. Поэтому фракционность среди троцкистов весьма остра, и основанные на эго маленькие группки появляются непрерывно, причем каждая из них претендует на то, чтобы быть единственной преемницей настоящего Троцкого. В течение многих десятилетий одним из основных идеологов и организаторов троцкизма был Джерри Хили, который превратил троцкизм в личный культ для удовлетворения своего либидо и своего эго.

Джерри Хили (1913–1989) начал свою политическую карьеру в коммунистической партии Великобритании, бросил ее, чтобы присоединиться к троцкистской «Воинственной группе» в 1937 году, затем оставил и ее, чтобы помочь создать Рабочую международную Лигу. Она слилась с Революционной социалистической лигой, чтобы сформировать Революционную коммунистическую партию (RCP), с поддержкой американской Социалистической рабочей партии. Хили сформировал фракцию внутри Лейбористской партии.

В 1950 году RCP проголосовала за самороспуск, и на ее месте Хили сформировал Клуб. В 1953 году Хили примкнул к американской троцкистской фракции Джеймса Кэннона, и стал лидером Международного комитета Четвертого Интернационала. В 1959 году Клуб был реорганизован как Социалистическая лейбористская Лига, которая стала Рабочей революционной партией (WRP) в 1973 году. В следующем году фракция из нескольких сотен человек во главе с профсоюзным лидером Аланом Торнеттом была исключена из WRP и сформировала Рабочую социалистическую лигу (WSL). Хотя фракция Хили была крохотной, она поддерживала влиятельные контакты в Лейбористской партии, такие как Кен Ливингстон (позже мэр Лондона) и Джордж Гэллоуэй (член парламента, и теперь лидер Партии уважения), и получала субсидии из ближневосточных источников и от богатых сторонников, таких как актеры Корин и Ванесса Редгрейвы.

Карьера троцкиста Джерри Хили

В 1985 году WRP раскололась вследствие разоблачений того, что Хили был серийным насильником, который в течение десятилетий домогался интимных отношений у десятков своих последователей женского пола. Крохотная фракция Хили сформировала марксистскую партию с поддержкой Редгрейвов. Остаток WRP сформировал то, что теперь является Партией социалистического равенства.

Хили поддерживал культ среди своих последователей внутри троцкизма, что кое-что говорит о психологическом гриме троцкистских кадров и о скромном менталитете многих женщин-троцкисток, которые были изнасилованы Хили и ничего об этом не рассказывали, несмотря на всю крикливую поддержку, которую троцкизм оказывает феминизму. Как типично для лидера культа, Хили также вел расточительный образ жизни, требуя финансовых жертв от его последователей. Шон Мэтгэмна пишет: «В центре машины, где никто не мог заставить его принять во внимание то, чего он не хотел знать. Хили медленно сходил с ума — или, если хотите, уходил в такой детский, сконцентрированный на самом себе взгляд на мир, что это было тем же безумием. Например, в конце 1960-х SLL накинута на сотысячную демонстрацию против войны во Вьетнаме с листовками, утверждающими, что эти марши были заговором прессы, чтобы раздуть имидж организаторов марша за счет таких великих марксистов как Хили!...

Хили всегда, даже в свои лучшие дни, страдал от параноидального самомнения и параноидального страха перед государством, и теперь его расстройство полностью вышло из-под контроля. Ужасная паника охватила его во время забастовки шахтеров 1974 года, которая привела к отставке правительства консерваторов после выборов 28 февраля. В один момент членов организации проинструктировали спрятать свои «документы», потому что, мол, до военного переворота оставались считанные дни. Он жил жизнью миллионера, если не паши, в то время как члены SLL/WRP часто бедствовали, но отдавали последние деньги на

финансирование организации, но кадровые работники организации не знали голода, и Хили все больше сконцентрировался на разъяснении псевдомарксистской, псевдогегельянской чепухи...»

«Внешность Хили была примечательной. Невысокий — вероятно, 5 футов и 2 или 3 дюйма — и пухлый, у него была огромная, непропорционально большая (или кажущаяся такой) красноватая голова с тонкими прядями волос, которые производили впечатление, будто их подрисовали косметическим карандашом».

Паранойя и нарциссизм

То, что описывает выше марксистский комментатор, является типичной личностью лидера культа, полной паранойи и нарциссизма. Тактика, используемая Хили, чтобы навязать свою форму коммунистической дисциплины, представляла собой тактику групповой критики и самокритики, технику промывания мозгов, усовершенствованную в особенности в маоистском Китае, чтобы держать группу в покорности, и также широко используемую среди Новых левых, как описано ниже.

Мэтгэмна пишет о культовых механизмах управления, используемых Хили, чтобы поддержать свою власть, которые кажутся немногим отличающимся от методов другого марксиста, Преподобного Джима Джонса:

«[Хили] доминировал над своей организацией с помощью ничем не сдерживаемой грубой силы. «Кадры» группы становились продуктом «селекции»-выживания — после прохождения бесконечного ряда жестоких садомазохистских ритуалов: большую часть членов твердого ядра группы позорили, травили, угрожали, доносили, заставляли доносить на себя и подавлять, унижать самих себя».

Тут мы четко видим то, что фрейдистско-марксистские социологи Франкфуртской школы назвали «авторитарной личностью». Как ни странно, эти фрейдисты-марксисты применили этот термин к людям с консервативной моралью, которых они считали скрытыми «фашистами». Но социолог Джон Рэй сформулировал альтернативную модель, различая «иррациональную авторитарность» и «рациональную авторитарность». Учитывая фарсовую фракционность, которая непрерывно происходит среди левых, особенно среди троцкистов, преобладающими движущими силами тут являются:

1. Нарциссизм лидеров, лишенных способности пойти на компромисс ради единства.
2. «Иррациональные авторитарные личности» рядовых членов организаций. Масштаб невроза в левых движениях демонстрируется тем, что десятки женщин-последовательниц согласились быть изнасилованными Хили, в то время как другие позволили себе быть подвергнутыми его насилию.

Сексуальное насилие над женщинами-соратницами

В 1985 году порочность Хили была, наконец, разоблачена. Это длилось долго. Подробная биография Хили говорит:

«Последним гвоздем в политический гроб Хили стала вырвавшаяся наружу информация о сексуальном скандале вокруг его безнравственных отношений с женщинами-соратницами. Впрочем, в этом тоже не было ничего нового. Еще в начале 1950-х у Хили возникли проблемы после того, как он пытался помогать дочери одного выдающегося деятеля Четвертого Интернационала. В 1964 году была создана контрольная комиссия SLL для расследования отношений Хили с

лидером Молодых социалистов. И одним из второстепенных поводов для раскола WRP в 1974 году стало то, что одна женщина, сторонница Торнетта, отвергла приставания Хили. Все это, однако, скрывалось от членов организации, большинство которых отреагировало с шоком и гневом после того, как порочность Хили была разоблачена в письме его многолетнего секретаря Эйлин Дженнингс».

Особенно интересно здесь признание того, что Хили управлял своей организацией как культом, и что его соратники женского пола чувствовали себя обязанными подчиняться Хили, воспринимая это как свой революционный долг. Это многое говорит о менталитете как самого Хили, так и его сторонников.

Каков был характер этого сексуального насилия? Позже заявляли, что женщины, которых Хили принуждал к сексуальным отношениям с ним, «по ошибке полагали, что революция — в образе «самого великого» лидера — требовала от них всех принести самую личную жертву. Их не принуждали... физически, но использовалось любое давление на них как на революционеров. Ситуация была «не столько изнасилованием, сколько... сексуальным насилием со стороны кого-то, располагающим властью и доверием». Это было, комментирует Дэйв Брюс, «абсолютной сексуальной порочностью в манере, аналогичной всем этим религиозным сектам. Тут есть очень близкие параллели».

Биограф Редгрейв Тим Адлер также прокомментировал культовую природу движения Хили:

«Как все лидеры культов, [Хили] поддерживал свое личное доминирование, изолируя участников от их семей и внешнего мира... В возрасте 73 лет приземистый и непривлекательный Джерри Хили был обвинен в «грубом сексуальном домогательстве» и исключен из партии, которую он основал. Оказалось, что он занимался сексом, по крайней мере, с 26 товарищами, и — по словам филиала партии в Вест-Кройдоне — «превратил женщин в своих сексуальных рабов». Как показал профсоюзный функционер Рой Локкетт: «Он говорил девушкам, что это был их революционный долг»... Также выяснилось, что он спал с дочерью двух его самых близких друзей и затем избил ее, оставив ее почти хромой».

Актрису Ванессу Редгрейв, которая вначале была типичной либералкой среднего класса, привел в троцкизм ее брат Корин, тоже актер. У них обоих, как и у Хили, было параноидально-бредовое представление о политике, и они были убеждены, что Великобритания станет фашистским государством после военного переворота:

«...Актер Саймон Каллоу вспоминал, как Корин кричал, что «аэропорт Хитроу скоро окружат танками, что станет прелюдией к военному перевороту», в то время как Ванесса «предупреждала Великобританию, что дело идет к диктатуре и концентрационным лагерям, и обращалась к рабочим с призывом захватить власть путем вооруженного восстания»... Бывший профсоюзный лидер Рой Локкетт вспоминает, что WRP «думали, что войска мобилизованы. Я помню, что мост Ватерлоо был закрыт для ремонта, и это, как полагали, было первым шагом, чтобы заблокировать Лондон».

Сестра Ванессы Линн полагает, что у Ванессы с юности был комплекс мученика. Она начала читать Ленина по предложению Корина. Он представил ее WRP в то время, когда она болела депрессией после своего разрыва с Франко Неро.

Адлер пишет:

«Тем временем Ванесса стала, возможно, единственным человеком, которого политика отношений между предпринимателями и рабочими заставила пить. В 1972 году, когда Тед Хит ввел правительственным указом контроль заработной платы, она начала пить дешевое вино по утрам. Это «нечеткое стирание из

памяти», как она говорила, помогло ей справиться с отчаянием».

Адлер комментирует другой важный аспект действия психологии в движении Хили: «Кроме ее радикальной политики, частью привлекательности WRP для Редгрейвов был ее лидер, Джерри Хили, который стал своего рода человеком, подходящим на роль отца». Лидер культа, как правило, будет действовать как замена отца. Участники Храма народов звали Джима Джонса «папой». Новый участник культа часто происходит из среды, где родительские отношения дисфункциональны. Но марксистско-фрейдистские социологи Франкфуртской школы уверяют нас, что близкие отношения между родителями и детьми «нездоровы» и приводят к «фашизму». Следовательно, марксистская атака на семью как «буржуазный институт» оставляет марксистское государство или марксистского лидера, чтобы заполнить возникшую пустоту и руководить тотальной эмоциональной зависимостью за рамками просто политического. В этом контексте интересно, что Женская комиссия WRP позже утверждала, что злоупотребления Хили были «формой кровосмешения». «Обвинять Хили в преступном изнасиловании», указала одна из его жертв, означало бы «унижать и свысока относиться к большому количеству кадров женщин..., кто постоянно подвергался сексуальному насилию Хили. Это означало бы, что они согласились быть изнасилованными — некоторые в течение двадцати и более лет».

Пострадавшие женщины настаивали, что Хили злоупотреблял ими как человек, претендовавший на роль отца, в кровосмесительных отношениях, а не как «преступный насильник». Насилие подразумевало, что женщины были беспомощными жертвами, что они, как якобы освобожденные феминистки-марксистки, никак не могли принять. Они рационализировали свою зависимость от Хили с точки зрения его отеческой власти, тогда как он укреплял эту власть, прививая им чувство «долга» помочь революции, выполняя его потребности. Женская комиссия приняла эту рационализацию как линию партии.

Ванесса и Корин Редгрейв: приверженцы Хили

В то время как Редгрейвы искали в Хили замену отца, отношения Ванессы с ее собственными детьми страдали из-за «революционного дела». Небрежное отношение к детям это достойная внимания особенность левых. Мы уже видели это на прежних примерах: как Руссо отдал своих детей в приют, как Маркс больше заботился о своей писанине, чем о бедственном положении своей жены и детей, и как мы еще увидим, как Новые левые с готовностью избавлялись от своих детей, чтобы бороться за революцию.

Придерживаться идеологий, утверждающих, что о детях лучше позаботится государство или группа — это интеллектуализация для тех, кто отказывается от своей родительской ответственности, кто не способен на настоящие родительские узы. Как только марксисты приходят к власти, их государственная политика состоит в том, чтобы уничтожить традиционную семью и воспитывать детей под государственной опекой, чтобы их матери могли работать. Левые считают это «освобождением женщин». Дети Ванессы, как и много других «сирот» левых родителей, были принесены в жертву ради революции. Адлер пишет:

«Ее маленькие дочери, Джоели и Наташа, цеплялись за нее, когда она пыталась выйти из парадной двери. Когда ей было шесть лет, Наташа попросила, чтобы ее мать проводила больше времени дома. Ванесса попыталась объяснить, что ее политическая борьба нужна для будущего ее дочери и других детей. «Но ты нужна мне сейчас. Потом ты не будешь мне так нужна», говорила Наташа».

По сценарию, напоминающему о самом Карле Марксе, «...она отдала так много своих денег WRP, что ее семье не хватало наличных денег. Их дом в Западном Лондоне начал выглядеть запущенным, сад зарос».

С отстранением Хили и дальнейшим раскалыванием троцкизма Ванесса возвратилась к

типичному либеральному делу среднего класса, с которого она и начинала. Что касается ее отношения к другим людям, то пример Ванессы убедительно описывает фундаментальную гипотезу этой книги, что человечество для левых является абстрактным и безличным понятием. Как она когда-то доверилась Линн: «Мой парадокс состоит в том, что, хотя я много забочусь о массах — сиротах во Вьетнаме, голодающих в Индии — я, кажется, мало забочусь о людях вокруг меня. Я сопротивлялась этому обвинению. Но, если сказать совершенно откровенно, то такова я и есть».

Эту цитату мы уже цитировали ранее, но повторить ее стоит. Она очень многое говорит о левых.

(Забавно, что фамилия «Redgrave» в буквальном переводе означает «красная (!) могила» — прим. перев.)

Изгнание Хили

Десятилетия эксплуатации и злоупотребление женщинами со стороны Хили были разоблачены только из-за фракционного спора между ним и заместителем генерального секретаря WRP Шейлой Торренс (которая, тем не менее, закончила поддержкой Хили). Слышали, как она кричала на Хили перед встречей Политического комитета: «Ты извращенец, на этот раз ты не вывернешься, я вынесу это на конференцию, и ты увидишь». Чтобы не позволить Хили исключить своих противников из WRP, его конкуренты назвали имена 26 женщин, над которыми он надругался. Реакция фракции Хили указывает на более глубокое душевное расстройство. Приверженка Хили Ванесса Редгрейв «визжала во весь голос, что это все было работой Черных Сотен», согласно организатору WRP Ричарду Прайсу, который заметил в своем интервью: «Это воспоминание, которое я лелею». «Черные Сотни» были антисемитской организацией, действовавшей в Царской России в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века. Это упоминание Редгрейв показывает, какими бредовыми могут стать марксисты. Ванесса созвала пресс-конференцию и буйствовала на ней: «Эти обвинения — сплошная ложь, а женщины, которые якобы сделали их, все лгуны. Меня не интересует, 26 их, 36 или 236 — они все лгут». Вот такое сестринское чувство. Брат Ванессы реагировал так же странно, как его сестра. Корин на партийном митинге воскликнул: «Мы ни за, ни против порочности, мы за социалистическую революцию».

Торренс, высказавшая первоначальные обвинения, теперь расценивала похождения Хили как строго личное дело; и беспокоилась, что ее собственная фракция, связанная с фракцией Хили, будет ослаблена его изгнанием. На этой лондонской встрече партийного штаба, несмотря на присутствие жертв Хили и их родственников, он большинством голосов получил решение в свою пользу. После встречи Секретарь WRP Майк Бэнда в ярости вышагивал по двору здания: «Все в этой стране поддерживают меня, кроме этой дряни в Лондоне». Во время встречи сторонники Бэнды кричали: «Насилие, насильник, Пол Пот», «и у всех их лица были красными, они были дикими».

Хили полагал, что разоблачение его было «провокацией», и язвительно замечал, что у него было «много друзей». Как и у Джима Джонса, до самоубийства девятисот его последователей, это было реакцией социопата, который совсем не заботится о других и не может видеть в себе никакой вины.

Партия едва не была расколота, Хили все еще руководил только менее чем половиной членов. После этого произошли физические нападения на сторонников Хили, и Хили хорошо охраняли, один сторонник Хили частично ослеп после нападения на него члена Центрального комитета WRP.

В конце 1986 года, когда Хили пришел к выводу, что нужно поддержать Михаила Горбачева за его «десталинизацию» СССР, Торренс и ее фракция восстали, чтобы изгнать Хили из их остатка WRP. Фракция Хили-Редгрейв ушла приблизительно с 40 участниками, оставив около 150 в WRP. Редгрейвы с Хили в 1987 году основали Марксистскую партию, в

то время как другая фракция оставила WRP, чтобы сформировать Рабочую международная лигу. После смерти Хили в 1989 году еще одна фракция откололась, чтобы сформировать Коммунистическую лигу. Постоянные расколы левых сами по себе показывают групповую динамику самовлюбленных людей, будь то в крохотных группках или в роли лидеров марксистских государств.

17. Новые левые: новый психоз

Маоизм, как говорилось выше, обеспечил новое поколение левых романтизированной альтернативой сталинизму, который казался им опасно близким к «фашизму». В частности, СССР представлялся им как новая Белая империя, а не как цитадель мировой революции, тогда как троцкизм, прикрываясь своим антисталинизмом, смог с помощью хитрых маневров пробраться в среду Новых левых. Война во Вьетнаме гальванизировала привилегированную белую и еврейскую американскую молодежь, превратив ее в «Новых левых», и вместе с Мао к сонму революционных святых добавились и новые символы, такие как Хо Ши Мин, Че Гевара, и даже северокорейский правитель Ким Ир Сен. Эти белые молодые люди из среднего класса, евреи и неевреи, капризничали в первую очередь против своих родителей, что интеллектуализировалось в политическую идеологию. Это отклонение кажется родственным самобичеванию и покорному мазохизму, до такой степени, что дети из богатых белых христианских и еврейских семей нетерпеливо искали компании воинственных негров, таких как «Черные пантеры». Рядом со своими новооткрытыми братьями и сестрами из гетто они выкрикивали лозунги об убийстве белых детей, которых они называли «свиньями» и «белыми негодяями». То, что их видели с крутыми неграми из гетто, придавало детям из привилегированного общества — среди которых было непропорционально много еврейских зануд с властными матерями — чувство мужественности.

Белые пантеры

Партия Белых пантер провозгласила доктрину Новых левых в манере, свободной от интеллектуализации Тома Хайдена в его Порт-Гуронской декларации Студентов за демократическое общество (SDS). Белые пантеры были основаны в 1968 году как белая группа поддержки для Черных пантер. Белые пантеры издали манифест, который стоит процитировать полностью:

«Наша программа — Культурная революция посредством тотальной атаки на культуру, которая заставляет нас использовать каждый инструмент, любую энергию и любые СМИ, которые мы можем получить в наше распоряжение. Мы берем с собой нашу программу повсюду, куда идем и используем любые средства, необходимые, чтобы показать ее людям. Наша культура, наше искусство, музыка, газеты, книги, плакаты, наша одежда, наши дома, тот способ, каким мы идем и говорим, способ, каким растут наши волосы, способ, каким мы курим наркотики и трахаемся и едим и спим — это — все одно послание, и это послание — СВОБОДА!

Мы — сумасшедшие матери-родины, отвечающие за наши собственные жизни, и мы берем эту свободу людям Америки, на улицах, на танцзалах и в подростковых клубах, в их гостиных, смотрящих телевизор, в их спальнях, читающих подпольные газеты или занимающихся мастурбацией, или курящих секретные наркотики, в их школах, куда мы приезжаем и говорим с ними или делаем нашу музыку, в их странных гимназиях — они любят это! Мы представляем единственный современный образ жизни в Америке для ее детей, и нужно знать, что ЭТИ ДЕТИ ГОТОВЫ! Они готовы двинуться, но они не знают, как,

и все, что мы делаем, показываем им, что они могут выйти сухими из воды. БУДЬТЕ СВОБОДНЫ, черт побери, и трахните их, ребята, вот что мы говорим им, и они могут увидеть, что мы на самом деле имеем это в виду.

Единственные влияния, которые у нас есть, единственная вещь, которая касается их, то, что мы настоящие. Мы СВОБОДНЫ. Мы кучка высокомерных ублюдков, и плевали мы на любого легавого или на любой контроль власти фальшивых задниц, которые хотят — подавить нас. Впервые в Америке есть поколение мечтательных маньяков белых помешанных на рок-н-ролле наркоманов из страны ублюдков, которые готовы спуститься и разбить барьеры — ВСЕ БАРЬЕРЫ — дать вырваться на свободу всем и освободить всех из их очень реальных и воображаемых тюрем — даже дураков, и подонков, и белых придурков, которые всегда трахаются с нами.

Мы требуем полной свободы для всех! И нас не остановят, пока мы не получим этого. Мы плохие. Есть только два вида людей на планете: те, кто составляет проблему и те, кто составляет решение. МЫ — РЕШЕНИЕ. У нас нет никаких проблем. Все свободно для всех. Деньги — на хрен. Лидеров — на хрен. Школу — на хрен. Белая культура белых придурков, которую принесли нам на серебряном блюде, нам не нужна! Мы не хотим этого! Наша программа рок-н-ролла, наркотиков и траханья на улицах это программа полной свободы для всех. Мы полностью посвящаем себя выполнению нашей программы. Мы дышим революцией. Мы тотальные маньяки вселенной, под влиянием ЛСД. Мы сделаем все, что можем, чтобы свести людей с ума из их голов и в их тела.

Музыка РОК-Н-РОЛЛА — острое нашего нападения, потому что она настолько эффективна и настолько весела. Мы создали органические высокоэнергетические партизанские группы, которые пропитывают массовую культуру и разрушают миллионы умов в процессе. С нашей музыкой и нашим экономическим гением мы грабим ничего не подозревающий правильный мир, чтобы получить деньги и средства для выполнения нашей программы, и одновременно революционизировать его детей. И с нашим вхождением в правильные СМИ мы продемонстрировали белым, что все, что они делают, чтобы трахнуть нас, будет показано их детям. Нам не нужно избавляться от всех белых, вы только отнимете у них их смену и дадите этому отродью атрофироваться и вымереть.

У нас еще нет пистолетов — не у всех нас, во всяком случае — потому что у нас есть более мощное оружие — прямой доступ к миллионам подростков — одно из наших самых мощных, и их вера в нас — другое. Но мы будем использовать пистолеты, если нам придется — и мы сделаем все — если нам будет нужно. У нас нет никаких иллюзий. Зная власть символов в абстрактном мире американцев, мы взяли Белую Пантеру в качестве нашей эмблемы, чтобы символизировать нашу силу и высокомерие.

Мы плохие.

Десять пунктов программы Партии Белых пантер

1. Полное одобрение и поддержка десяти пунктов программы Партии «Черные пантеры».

2. Тотальная атака на культуру любыми необходимыми средствами, включая рок-н-ролл, наркотики и траханье на улицах.

3. Свободный обмен энергией и материалами — мы требуем конца денег!

4. Бесплатная еда, одежда, жилье, наркотики, музыка, тела, медицинское обслуживание — все свободное для всех!

5. Освободить доступ к информационным СМИ — освободить технологию от жадных пресмыкающихся!

6. Освободить время и пространство для всех людей — стереть все неестественные границы.

7. Освободить все школы и все структуры от корпоративных правил — немедленно

передать здания людям!

8. Освободить всех заключенных всюду — они — наши братья.

9. Освободить всех солдат сразу — больше никаких призывных армий.

10. Освободить людей от их «лидеров» — лидеров на хрен! — всю власть всем людям!

Свобода означает освободить всех!

Джон Синклер,

Министр информации, Партия Белых пантер 1 ноября 1968 года»

Программа Белых пантер отмечена инфантильными ссылками и применением жаргона гетто, вроде слова «ублюдки». Обращение к войне поколений, а не к классовой войне Старых левых, потому что страдающие от сознания своей вины белые молодые люди, евреи и неевреи, из среднего и высшего класса, которые сформировали большинство Новых левых, рассматривали белый пролетариат как часть «белого властного истеблишмента», а позже, с ростом феминизма, как часть «белого патриархата». Фокус был сделан на сексе, наркотиках и музыке. Их программа — программа скорее нигилизма, а не марксизма, и отражает расстройство незрелой личности, объединенное с социопатическими упоминаниями оружия, насилия и смерти «белых». Тут мы видим застенчивое понимание расстройства психики, рационализированное как восстание, с описаниями самих себя, такими как «тотальные маньяки вселенной, под влиянием ЛСД», и «поколение мечтательных маньяков белых помешанных на рок-н-ролле наркоманов из страны ублюдков».

К сторонникам основателя Белых пантер Джона Синклера относились Джон Леннон, Йоко Оно, и Стиви Уандер, которые устроили митинг за освобождение Синклера после предъявления ему обвинений за употребление марихуаны в 1971. После своего освобождения в том же году Синклер распустил Белых пантер, и сформировал коммунистическую группу «Народную партию Радуги», которая продолжала концентрироваться вокруг склонности Синклера к марихуане.

Подростковый приступ гнева

Новые левые были перешедшим за достижение половой зрелости поколением с истерическими приступами гнева в адрес их родителей, и как Старые левые, рационализировали это идеологическим прикрытием. Как это типично для подростков и тех, кто стал старше, но все еще борется со зрелостью, Новые левые сконцентрировались на двух главных элементах:

1. Подростковый истерический приступ гнева, чтобы показать независимость от родительской власти, который был рационализирован, обобщен и переадресован в восстание против «истеблишмента белых мужчин среднего класса». Поэтому, как и у многих, кто обратился и к Старым, и к Новым левым, это была косвенная агрессия против родителя (родителей).

2. Типично подростковые отношения к сексу, интеллектуализированные как «идеология» «сексуального освобождения», что обычно означало свободу для мужчин охотиться на женщин внутри «движения» во имя отречения от среднего класса, родительской этики.

Этим двум особенностям Новых левых дали узаконивающее обоснование некоторые ученые вроде сторонников Франкфуртской школы, которые стремились изобразить левые взгляды как «здоровые», а консервативные ценности, например, связанные с семьей и родителями, как репрессивные и невротические. Помимо Франкфуртской школы были такие ученые, как, в особенности, профессор Абрахам Маслоу, «гуманистическая психология» которого учила, что молодежный бунт был основной частью «самоактуализации». Эти социологи изображали «Новых левых» как массовую форму психотерапии против «подавления» родителей и их политики «истеблишмента» и нравов.

«Рациональные» и «иррациональные авторитарности»

Скрытые «фашистские» черты «авторитарной личности», описанной в первоначальном исследовании «Авторитарной личности» Адорно и др., являются фактически нормальными ценностями любого здорового общества, такими, как уважение к родителям. Однако, другие психологи и социологи, хотя менее популярные и не столь щедро финансируемые, подняли вопрос о том, существует ли «рациональный авторитаризм власти», такой как в «отношениях учителя и ученика», отклонение которого указывает на психопатию и социопатию. Мартин и Рэй пишут, что в 1961 году Рудин стремился различать рациональный и иррациональный авторитаризм, однако: «Шкала Рудина, кажется, вызвала мало интереса среди психологов, возможно, потому что Дух времени послевоенных десятилетий активно выступал за воображаемую вседозволенность против авторитаризма как доминирующий фактор, различающий разные типы социализации и социальной организации. В этом мировоззрении сохранялось особое одобрение антиавторитаризма, который расценивался как отличительный признак либерального духа.

Но авторитарность это, по опыту, многогранный элемент, и концептуально недостаточно расценивать принятие любой и всякой формы власти (без различия относительно времени, места или ситуации) как показатель начинающегося фашизма и необходимого предубеждения. Кажется, в этом состоит разумное основание для аргумента Рудина, что принятие власти людьми, которые, как оценивают, обладали большей компетентностью, чем кто-то сам в особой области, отличается от тенденции принимать любую власть без разбора».

Опросы Мартином и Рэем глав домашних хозяйств (мужчин и женщин) в Перте, Австралия, в 1962 году показали, «что нет никакой взаимозависимости между тенденцией соглашаться с пунктами, выражающими «рациональный авторитаризм» и показателями психопатологии или социальных затруднений, или же эта взаимозависимость очень невелика». Наоборот, «Мы можем сделать вывод, что согласие с пунктами, которые выражают отношения, антипатичные «рациональному авторитаризму», связано с множеством особенностей, которые, как известно, возникают с психопатией и социопатией».

Психопатические черты были найдены в тех, кто был и проавторитарным и антиавторитарным, в отношении «рационального» и «иррационального авторитаризма». «Отвергать правильный тип», заявляют Мартин и Рэй, «и принимать неправильный тип авторитарности, кажется, в равной мере является показателем социальной и личной неадекватности».

В отношении Новых левых и в отношении молодежных групп левых сегодня можно сказать, что они восставали против «рациональной власти», определенно с точки зрения отношений отцов и детей — и отношений учителя и ребенка. Мы здесь рассмотрим определенные примеры психопатии среди Новых левых с точки зрения идеологии, действий и черт личности их главных персонажей.

Бунт против еврейских матерей и белых англо-саксонских отцов

Как было показано ранее, как у Мао Цзэдуна, так и у его главного апологета во французской коммунистической партии Луи Альтюссера были дисфункциональные отношения с их отцами; и Карл Маркс был безразличен к чувствам безумно любящих его родителей.

Все демонстрировали социопатическое отсутствие сочувствия даже к тем, кто был близок к ним. Новые левые политизировали ненависть к родителям настолько, что некоторые фракции выступали за убийство отцов и матерей. Непропорционально большое число молодых евреев мужского пола среди Новых левых было изучено как симптом чувства

мужской кастрации среди еврейских мальчиков в семьях, которыми, как правило, управляют властные матери.

Феномен Новых левых начался с основания Студентов за демократическое общество (SDS) Аланом Хейбером и Томом Хайденом в 1962 году. Хиппи, йиппи, и воинственные темнокожие из гетто быстро присоединились к этим первоначально довольно консервативно выглядящим студентам. К оскорблению норм их родителей беспорядочным сексом и наркотиками добавлялись все более и более резкие призывы к насилию, к убийству «свиной» (полицейских), погромы собственности обычных лавочников и, наконец, это вылилось в пять тысяч взрывов бомб по всем США (1968–1970) и убийства чиновников. Ссылаясь на Вьетнамскую войну, Новые левые называли это «принести войну домой».

Из хорошо подстриженной и аккуратно одетой молодежи первоначальной SDS Новые левые всего за несколько лет превратились в синоним грязи. Отсутствие личной гигиены — существенная черта психического заболевания, которую замечали за Карлом Марксом в течение его жизни. Для хиппи и йиппи Новых левых это была удобная ленивая форма «восстания» против общепринятого порядка.

Среди всех левых мы констатировали ненависть, по крайней мере, к одному из родителей, что было интеллектуализировано как идеология, утверждающая, что семья это механизм контроля буржуазного класса. Троцкий считал двумя основными целями коммунизма уничтожение религии и разрушение семьи. Новые левые были самым крайним выражением мятежа против родителей, и в более абстрактной форме против воспринятых «ценностей» родителей, которые предположительно поддерживались или поддерживаются политическим, моральным, социальным, экономическим и религиозным «истеблишментом».

Части Новых левых все более и более самомаргинализировались, превращаясь в нечто подобное культам, таким как культ Джима Джонса, когда действия против «истеблишмента» стали более радикальными. Такие группы, как Weather Underground (буквально «подполье синоптиков», они же «Уэзермены») в США и Фракция Красной армии (RAF или Банда Баадера-Майнхоф) в Западной Германии стали коллективами психопатов. Они были предшественниками нынешних молодых анархистов, таких как Черные Блоки в Европе и Северной Америке, хотя им редко удастся сравниться с городским терроризмом Фракции Красной армии и «Уэзерменов».

Отличие терроризма сепаратистов от терроризма Новых левых

«Новые» левые представляют собой форму восстания, которая отличается от других форм восстания, и это различие снова было сконцентрировано на восприятии семьи. В то время как молодые белые неевреи и евреи среди Новых левых осуждали своих родителей и стремились ниспровергнуть любое чувство традиции как наследие родительских ценностей, вплоть до песен об убийстве родителей, побуждения их союзников среди воинственных негров были совсем другими. Негры, мусульмане, палестинцы и сепаратистские радикалы, такие как баскская ЭТА («Страна басков и свобода») и Ирландская республиканская армия (ИРА), утверждают, что борются за сохранение и восстановление наследия своих предков. Молодые белые евреи и неевреи среди левых, напротив, хотят аннулировать историю, разрушить традицию и обычаи как наследие своих родителей. Независимо от того, что можно сказать за или против сепаратистских борцов, их побуждения противоположны мотивам лишенных корней безродных активистов Старых левых и Новых левых. Контраст поразителен, если сравнить манифест ранее упомянутых Белых пантер с манифестом их мнимых «братьев» Черных пантер.

Психолог Джерольд М. Пост проводит это различие между «анархистскими идеологами», такими как итальянские Красные бригады и немецкая Фракция Красной армии (RAF) или Банда Баадера-Майнхоф, и «националистическими сепаратистами», такими как ЭТА или ИРА. Были предприняты исследования, которые позволяют сделать сравнение

между «анархистами» и «сепаратистами».

Пост указывает, что социальные движущие силы «анархических идеологов», таких как RAF, разительно отличаются от мотивов «националистических сепаратистов», таких как ЭТА или Армянская секретная армия освобождения Армении (ASALA). Исследуя террористов, Пост в 1990 году отметил признаки того, что террористы, такие как баски из ЭТА, кто преследует консервативную цель, такую как свобода для баскского народа, воспитывались в более традиционных, полноценных, консервативных семьях, тогда как анархические и левые террористы (такие как члены банды Майнхоф/RAF) происходят из менее традиционных, не совсем нормальных семей. Для разработки этой дихотомии между сепаратистами и анархистами Пост привлекает исследования Роберта Кларка о социальных условиях сепаратистов-террористов ЭТА. Кларк также нашел, что террористы ЭТА не являются отчужденными и несчастными в психологическом отношении. Скорее они здоровые в психологическом отношении люди, которых поддерживают их семьи и их этническое сообщество.

Сепаратисты рассматривают свою миссию как наследие своих отцов, в то время как «анархисты» мстят за мнимую обиду, борясь против общества их родителей. Пост расценивает это различие как отражающее больше психопатии среди «анархистских» фракций, чем среди «сепаратистов». Пост утверждает:

«Похоже, существуют глубокие различия между террористами, склонными к разрушению их собственного общества, «мира их отцов», и теми, террористическая деятельность которых продолжает миссию своих отцов. Другими словами, для некоторых стать террористом это акт возмездия обществу их родителей за реальную и предполагаемую обиду; для других это акт возмездия обществу за обиду, нанесенную их родителям... Это предполагает больше конфликта, больше психопатологии, среди тех, кто предан анархии и разрушению общества...»

Пост основывает свои заключения на анализе социопсихологического исследования 250 террористов (227 левых и 23 правых) предпринятого группой западногерманских социологов, спонсируемых Министерством внутренних дел ФРГ в 1980-х годах. Западногерманский отчет о террористах Фракции Красной армии и Движения второго июня пришел к выводу, что 25 % левых террористов потеряли одного или обоих родителей к возрасту четырнадцати лет, и 79 % указали на серьезный конфликт с другими людьми, особенно с родителями (33 %). Пост приходит к заключению, что «националистические сепаратисты», такие как ЭТА лояльны своим родителям, которые находятся в конфликте с их правительством, тогда как «анархические идеологи» нелояльны к поколению своих родителей, которое для них идентифицируется с «истеблишментом».

Проецирование как политическая доктрина

Новые левые добавили войну против поколения к классовой борьбе Старых левых. Так как большинство и лидеров и последователей Новых левых было привилегированного происхождения, они интеллектуализировали свое восстание против белого среднего класса, воспринимая свою молодость как дающую им чувство отчуждения от привилегированного положения своих родителей. Таким образом, белые молодые люди из среднего класса смогли убедить себя, что они такие же «жертвы» «истеблишмента» белого среднего класса как негры из гетто, и смогли присоединиться к Черным пантерам в выражении ненависти к своей собственной расе и классу. Они сознательно стремились отчуждать себя от своего происхождения и спроецировать свои чувства юношеских страхов и тревог против родителей на политическую систему.

Механизм защиты, известный как проекция, когда отдельный человек переносит вину за непризнаваемые им свои недостатки на других людей, включая учреждения, был политизирован левыми для создания поколения революционеров. Этот метод был

интеллектуализирован университетскими профессорами, выучившими доктрины Франкфуртской школы и гуманистической психологии о том, что этика, нравы и власть родителей были репрессивными, устаревшими и просто больными. Подростковые истерические вспышки гнева и инфантильные обиды были превращены в политические обиды. Новые левые выражали спрос молодых людей на немедленное удовлетворение эго. Нормальное явление детской или юношеской истерики было интеллектуализировано как «восстание» против «истеблишмента», который было установлен и поддержан родителями. Психолог Гарри Уокер Хепнер обратил внимание на проецирование как фундамент левых:

«Процесс приписывания другому человеку или учреждению бремени наших собственных подавленных чувств обычно называется проецированием. Человек, который чувствует у других людей черты и побуждения, которые он не может допустить в себе, вероятно, использует механизм проецирования.

Это иллюстрируется студенческими протестами, которые отражают юношеское настойчивое требование, чтобы поведение других абсолютно соответствовало самым высоким этическим стандартам. Для студента, который разочарован собой, намного легче указать на недостатки других, нежели исследовать свои собственные неудачи и меру, в какой он должен обвинять в своих неудачах самого себя. Человек, механизмы адаптации которого более уравновешены, направляет свои усилия на конструктивные программы, а не просто на все большие осуждения других».

Доктор Хепнер отметил, что левые вообще, которых он называет «либералами», состоят из значительного количества трудновоспитуемых людей, которые проецировали свою собственную неадекватность под политической маской:

«Фанатические реформаторы и хронические обвинители часто непопулярны среди умных людей, и эта непопулярность частично заслужена. Если у кого-то есть нормальное желание улучшить мир, то он склонен делать это в тихой и тактичной манере, а не бить себя кулаком в грудь и кричать о своих целях с крыши. Клинический психолог, который посещает так называемые либеральные клубы, часто удивляется большой долей их участников, которые эмоционально так и не стали взрослыми и проецируют свое собственное неумение приспособливаться к обстановке на гипотетического монстра, такого как экономическая или политическая система. Многие из этих членов клуба настолько трудновоспитуемы, что они неспособны объективно проанализировать современные проблемы. Некоторые многословно болтают о сотрудничестве и сопереживании с другими, но сами они индивидуалисты высшего разряда, которые эмоционально не могли бы сотрудничать даже при том, что индивидуально они могли бы хотеть этого. Мы можем быть уверены, что, когда наша экономическая или политическая система действительно разовьется в лучшую стадию, ее развитие будет осуществлено уравновешенными людьми, а не самозванными проецирующими либералами».

Как мы увидим, воспоминания о левых светилах, таких как Том Хайден, покажут, что наблюдения Хепнера были правильны. Хайден, говоря о своем браке с актрисой Джейн Фондой, заявляет, что «близость была в лучшем случае мимолетной с моими родителями, моими друзьями, моими любовницами. Моя история была историей разорванных связей». Он боялся потерять контроль над собой, отдав его кому-то другому. Хайден, по сравнению с такими людьми как Эбби Хоффман, Джерри Рубин, и др. был относительно уравновешенным, он даже сам признавал свою неадекватность, как один из кружка лидеров, кто жил ради идеала, который, предположительно, был основан на близких связях среди всего человечества. Мы снова видим среди отдельных представителей левых разрыв между идеалом и реальностью: любовь ко всему человечеству достаточно абстрактна, чтобы не требовать определенной личной близости к конкретным людям. Левые могут «любить человечество» как теорию, но в реальной жизни не иметь глубоких личных связей с людьми. Вот почему левые в течение нескольких сотен лет, если отсчитывать от Французской революции, стремятся истребить все классы от имени «человечества» и иметь при этом чистую «совесть», или «революционную совесть».

Следовательно, левые также проецируют свою собственную порочность на своих идеологических противников. Левые обычно осуждают жестокость капитализма, или «фашизма», «нацизма», расизма», «империализма», «правых», и т. д., оправдывая при этом редко сравнимую жестокость якобинства, большевизма, маоизма, «красных кхмеров» и т. д. Враг демонизируется и становится абстракцией, которая может быть подвергнута любой жестокости или дискредитации. Проецирование — ключевое средство демонизации «врага».

Левый спектакль

Левые типы личности — обычно в большей или меньшей степени отмеченные нарциссизмом — склонны к спектаклю и эксгибиционизму. С учетом того, что Новые левые это коллективная и рационализированная истерическая вспышка гнева против нормативных, общепринятых ценностей, которые связаны со «старшим поколением», наблюдатели отметили аналогию между среднестатистическим левым протестующим и малышом, топающим ножкой из-за того, что его это не было немедленно удовлетворено. Степени серьезности расстройств личности определяют важность человека в движении, и чем серьезнее расстройство, тем с большей вероятностью этот человек окажется среди лидеров из-за своего чрезмерного рвения. Потому руководящие кадры левого движения, вероятно, будут социопатами, психопатами или включать чрезвычайно самовлюбленных людей, что объясняет, почему левые группы так легко раскалываются на фракции по самым незначительным проблемам. У рядовых членов будет высокий процент неврозов и театральное (оно же истерическое) расстройство личности (ищущее внимания с помощью чрезмерно эмоциональных реакций).

Ниже приводятся особенно памятные комментарии нескольких консервативных источников, наблюдавших за Новыми левыми 1960-х. Хотя на их описания повлияла их политическая позиция, читатель может сам сравнить их со своими собственными наблюдениями за левыми, или непосредственно или в телевизионных новостях, недавний пример для сравнения — Движение «Оккупай»:

Профессор классических языков Ревило П. Оливер, консервативный ученый среди многих «прогрессивных» ученых, которые приветствовали сидячие забастовки, беспорядки и вандализм своих студентов в университетских городках, описал студенческие беспорядки 1960-х годов:

«...Вы не сможете не узнать в них бешеных животных, выросших наглыми и высокомерными после долгой безнаказанности. Вы видели также бунтующие стаи молодых существ, которые сползали с деревянных частей зданий Калифорнийского университета и других поддерживаемых за счет налогов учреждений «высшего образования». У вас была возможность изучить их искаженные ненавистью лица.

...Будет поучительно понаблюдать, как многие из них обезображены, испорчены в теле или во внешних чертах, так же как в уме, и, если вы достаточно приблизитесь, то можете увидеть, что ненависть блестит в глазах-бусинках. (Чтобы подойти ближе, носовой платок, sprysнутый аммиаком, минимизирует дискомфорт.)

Вы можете видеть эту породу везде, куда посмотрите. И только с небольшим терпением и ловкостью вы можете сделать так, чтобы все кроме самых твердых и опытных раскрыли свои внутренние эмоции — возможно, в потоке слов, но, по крайней мере, на мгновение в неосторожном слове или ярком свете в глазах; и вы почувствуете себя подобно пловцу, который в шести морских саженях под собой увидел плоскую, зеленоватую вспышку поворачивающейся акулы.

Вы можете видеть их по телевидению, в вестибюле Конгресса, и на их кафедрах проповедников; вы можете прочитать их в прессе. И у вас не должно быть никаких сомнений... Вам больше не должно казаться, что они просто какие-то невежественные «интеллектуалы» с путаными ганглиями. Они лгут. Они лгут с сознательным расчетом. Они

лгут с убийственным намерением.

Вы не можете ошибиться, когда в вашем присутствии и с захватывающим дух нахальством, они выплескивают болезненную ненависть и жажду убийства, которые гноятся в их мелких омертвевших умах.

Из прямого наблюдения вы как американец можете теперь опознать своего врага и знать, кто он. И если вас когда-то станут уговаривать сомневаться в доказательствах ваших собственных глаз, то помните, что эти монстры отнюдь не новое явление, что в короткой печальной и болезненной истории человека можно найти почти неисчислимые случаи рецидивов дикости и безумного гнева человекообразных животных, которые не могут вынести того, что их тянут к цивилизации и человечеству».

Здесь в описании Оливером того, что он своими глазами видел в университетских городках, мы находим присутствие тех, кого доктор Макс Нордау в конце девятнадцатого века назвал «маттоидами», чтобы идентифицировать класс неуравновешенных умов, агитировавших за революции ради свержения норм цивилизованного общества.

Консервативный молодежный журнал по имени «Труд» напечатал рассказ очевидца бунта в Колумбийском университете, который был зародышем в основании Новых левых:

«Здесь были отары и стада людей, которые потеряли почти все подобие узнаваемого человечества... Они все были так или иначе уродами. Физические и психологические уродства, которые они демонстрировали с таким извращенным ликованием, если обратиться назад, становились почти дьявольскими... И при этом мы не говорим ни о простой грязи, которой они были покрыты, ни вообще об их негероической и неопрятной внешности, а скорее о мучительном показе структурных отклонений и несовместимостей. На этих ходячих недоразумениях висела аура разложения как какие-то зловонные миазмы, поднимающиеся из самого темного и самого сырого угла ада..., горбатый маленький тролль с заячьей губой, сидящий на корточках перед Гамильтонским Залом, обнимая свою экзематозную подругу, в то время как оба извергали ругательства, которые заставили бы покраснеть пьяную шлюху... Каждая спина была сгорблена до одной или другой степени. Неестественные формы носа и красные, водянистые, как у рептилий глаза были всюду... В сравнении с университетским городком Колумбийского университета лепрозорий был местом бесконечной красоты.

Многие были разбиты предосудительными болезнями, включая сифилис, гепатит и гонорею. Их одержимость грязью подтверждается их внешним видом, вонючие арендуемые квартиры, в которых они добровольно набиваются кучами, настоящая радость, которую они ощущают от того, что валяются в отбросах, являются красноречивым доказательством, что левые не политическое или экономическое явление, а определенная регрессирующая тенденция, возникающая в процессе плохой евгеники.

Господство нервных болезней, истерии и чрезвычайной неугомонности среди радикальных студентов полно значимости...»

Физиологические и психические черты, наблюдаемые среди левых революционеров за несколько последних веков, кажутся постоянными независимо от времени и места. Потому представляется разумным прийти к заключению, что «влево» влечет определенные типы людей.

Движения Новых левых

Война во Вьетнаме послужила главным катализатором для взлета Новых левых в США в 1960-х и 1970-х. Предыдущие протесты за «гражданские права» против сегрегации на американском Юге предоставили для этого фундамент. Молодые белые евреи и неевреи, выходцы из среднего класса из Северных штатов впервые свободно смешивались с неграми в борьбе против остатков традиций Юга за дело, которое сам «истеблишмент» провозгласил справедливым. Это «пассивное сопротивление», которое часто приводило к беспорядкам, обеспечило учебный полигон для более поздних кадров Новых левых, и подготовительную

встречу черных и белых нееврейских и еврейских активистов, которым предстояло трансформироваться в склонную к жестокому насилию коалицию между Новыми левыми и чернокожими сепаратистами в 1970-х годах.

Первыми существенными проявлениями Новых левых были йиппи и Студенты за демократическое общество.

18. Джерри Рубин

Йиппи (Yippies от аббревиатуры YIP — Youth International Party — «международная молодежная партия»), основанные Джерри Рубином и Эбби Хоффманом, были самыми театрално-истероидными из Новых левых. Рубин и Хоффман были среди так называемой «Чикагской семерки», попавшей под суд за подстрекательство беспорядков на съезде Демократической партии 1968 года, где левые поддерживали выдвижение Юджина Маккарти в кандидаты в президенты от Демократической партии. Беспорядки 1968 года стали решающим моментом для начала Новых левых.

И Рубин и Хоффман, как самые культовые из лидеров Новых левых, дают нам возможность проникнуть в суть природы лидеров этого движения.

Матереубийство

У Рубина были матереубийственные чувства, которые привели к длившемуся всю его жизнь поиску терапии, в которую мы можем включить и его участие в движении Новых левых как очистительное облегчение напряженности.

Когда он писал о сеансе «экстрасенсорной терапии», участники которого искали освобождение от своих «лишений детства», Рубин заявил:

«Я начал кричать на свою мать за определенные сообщения, которые она давала мне. «Спасибо, мама. Ты белокожая плохая бесполоая жопа, скопившийся в зубной коронке вызывающий рак змеиный яд, который разрушал меня с рождения... Ты научила меня ненавидеть себя, чувствовать себя виноватым, сводить себя с ума... ненавидеть свое тело, ненавидеть женщин... Внутри меня сидит твое уверенное в собственной правоте программирование: правильно-неправильно, можно-нельзя... с тем глупым СУДЬЕЙ во мне, которого я получил от тебя. Я вижу людей не такими, какими они есть, но настолько они соответствуют моим стандартам, моим самоуверенным верованиям... О, это так освобождает меня от того, чтобы говорить правду. МАМА, Я РАД, ЧТО ТЫ УМЕРЛА. ЕСЛИ БЫ ТЫ НЕ УМЕРЛА ОТ РАКА, ТО Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ УБИТЬ ТЕБЯ... Ты учила меня соперничать и сравнивать, бояться и превосходить. Я стал свирепой ориентированной на достижения, навязчивой, одержимой, живущей в моей голове жопой... Ну, пошла ты, мама, хорошенько трахни себя, трахни себя в задницу раскаленной докрасна кочергой».

Здесь мы видим черты матереубийственной фантазии, навязанного самому себе чувства вины за то, что он был «с белой кожей» (!), привилегированный, пропитанный чувством различия правильного и неправильного, что социопат воспринимает как оковы, и фантазии садистского кровосмешения. Черты матери Рубина как репрессивного морализирования спроецированы на «истеблишмент», который необходимо насильственно свергнуть. Агрессия по отношению к «истеблишменту» или фигурам «истеблишмента», таким как полиция, была формой переадресованной агрессии против его матери. Матереубийство находит выход в

борьбе с «истеблишментом», который представляет ценности матери, «подавление», и мораль. Свергая «истеблишмент» или «капитализм», такие люди как Мао Цзэдун или Рубин, представляющие и Старых и Новых левых, свергают чувства ненависти к родителям, к отцу, к матери или к обоим.

Пробыв определенное время в Новых левых, Джерри Рубин потратил остальную часть своей жизни как удачливый бизнесмен, женился на известной светской даме, устраивал вечеринки для облегчения деловых контактов, и искал методы получения душевной стабильности, проходя время от времени продолжительные серии альтернативных методов лечения. Рубин стал, в конечном счете, жертвой своего бунтарского характера: он попал под машину и погиб, поскольку зевал по сторонам.

Рубин трансформировался из одного из самых возмутительных радикалов новых Левых в почтенного биржевого маклера, потому что его действия, и как «йиппи» и как «яппи», были побуждены его нарциссизмом. Впрочем, его постоянный поиск терапии показывает, что он обладал достаточным чувством самоанализа, чтобы понять, что с ним что-то было не так. Много других лидеров Новых левых стремились после Вьетнамской войны заполнить эмоциональную пустоту, обращаясь от социализма к психотерапии, мистике и трансцендентализма, двигаясь от Новых левых к Нью Эйдж с пониманием того, что их социалистические идеологии были слишком банальны, чтобы придать смысл их жизни. Новые левые работали благодаря психопатии Рубина, но потерпели неудачу.

19. Эбби Хоффман

В Эбби Хоффмане мы находим психоз, который привел его к самоубийству, поскольку он оказался не в состоянии адаптироваться к бессмысленности анонимности в существовании после Вьетнамской войны. Хоффман был очень театрален, и, как полагают даже другие Новые левые, был клоуном Новых левых, но его выходки оказались очень эффективными для получения популярности. Как многие комики, он был маниакально-депрессивным.

У Джонатана Ридера, в его рассмотрении биографии Хоффмана, написанной Джоной Рэскином, последний, являясь известным ветераном Новых левых, приводит некоторые подходящие наблюдения о феномене Новых левых и о Хоффмане:

«В случае Хоффмана политическое часто было личным. Безумство (в клиническом смысле, как оказалось) присутствовало в его переливающимся за край шарме. Господин Рэскин показывает, что его насмешки над властями, как его сражение против судьбы Хоффмана, было сплавлено с его борьбой против своего властного отца: «Когда он убеждал детей демонтировать «культуру родителей», сжечь дотла дома их родителей... и «убивать родителей», он гиперболизировал и проецировал гнев, который возник в его собственном бурном детстве».

Здесь мы видим в Хоффмане основные черты социопата и нарциссизма. Снова проецирование злости на родителей на общество вообще, и разыгрывание чьего-то гнева против родителей, спроецированного на «истеблишмент», который, что примечательно, левые часто называют патриархальным истеблишментом. Мы видели эти черты матерубийства и/или отцеубийства в светилах Старых левых, от Маркса до Альтюссера, достигающие апогея в Новых левых как нигилистическом восстании против Отца/Матери/Государства.

Воспитание

Ридер в своем описании Хоффмана снова перечисляет классические признаки нарциссизма и социопатии. В своих личных отношениях, включая семейную жизнь, Хоффман показывал тот же самый тип нарциссического расстройства личности, из-за которого Карл Маркс причинял такую боль своей многострадальной жене и детям:

«Хоффман, родившийся в 1936 году в городе Вустер, штат Массачусетс, был выходцем из нижнего сегмента среднего класса; его отец бил его, но так никогда и не смог утихомирить его неповинующуюся решимость. Побыв короткое время послушным мальчиком к моменту бармицвы, в подростковом возрасте он стал бунтарем с огромной жадой внимания к себе; он добился, чтобы его выгнали из школы, он воровал автомобили, ввязывался в разборки с бригадами, сбегал в бильярдные. Он был, в его собственном предоставлении, «самым худшим из еврейских кошмаров». Насколько сильно это совпадало с культурой известности (на которой Хоффман всегда паразитировал), но у его неограниченной самовлюбленности были другие последствия. Господин Рэскин пишет, «Когда он что-то делал, я не мог с уверенностью сказать, когда он был настоящим, а когда только делал вид настоящего». Вероятнее всего, Хоффман и сам не мог бы этого сказать. Он был лгуном, выдумывавшим высокопарные истории о своих похождениях во время борьбы за гражданские права в Миссисипи. Несмотря на разговоры йиппи и хиппи о любви, у Хоффмана была решительная неспособность к близости: он пренебрегал своими тремя детьми и эмоционально морил голодом своих любовниц и жен».

Здесь мы видим в Хоффмане, как его описывают Ридер и Рэскин, черты социопата, а именно:

1. Проблемы с властью, начавшиеся с молодого возраста.
2. Игра, чтобы создать из себя публичную личность.
3. Ложь.
4. Неспособность к близости и недостаток сочувствия на личной основе. *Кража как революционное действие*

Хоффман, малолетний преступник, превратившийся в революционера, рационализировал свою социопатию в идеологию Новых левых, которая оправдывала, как предположительно более высокую социальную цель, убийство, изнасилование, и воровство. Его юношеский опыт «разборок с бандами» и краж был возвышен до социального бунта. Бестселлер Хоффмана «Сопри эту книгу» является руководством для городской партизанской войны, не прячущейся за отговорки о мирном протесте. Его цель состояла в том, чтобы вызвать насильственную революцию с молодежью и неграми в авангарде. Его размышления об оружии включали методы, как убивать ножом «свиней» (полицейских):

«Вероятно, одно из самого любимого уличного оружия всех времен — хорошая старая «финка», «перо», или все равно, как ты захочешь его назвать. Помня, что сегодняшняя свинья — это завтрашний бекон, хорошо знать несколько полезных советов, как ее резать».

Есть также совет относительно создания нескольких типов бомб и уличных методов борьбы. Но большая часть «Сопри эту книгу» дает советы для обычной преступности, рационализированной как «выживание в Америке». Следовательно, мелкая буржуазия, то есть обычный владелец лавки, рассматривается в книге с таким же большим презрением как корпоративный банкир, но первый является более легкой добычей для преступного/революционного вора, романтизированного как современный Робин Гуд. Здесь Хоффман демонстрирует то же самое презрение к мелким торговцам, что и Маркс, презиравший тех, кто требовал от него оплаты счетов. В разделе, названном «Магазинные

кражи» Хоффман советует: «Этот раздел представляет некоторые общие руководящие принципы воровства, чтобы способствовать тебе в сильном побуждении к краже. С некоторым предварительным планированием, практикой и хотя бы немного крепкими нервами, ты можешь выгодно хапнуть потрясающие вещи. Приводятся детали, как одеваться и как себя вести, и т. д.».

Известно, что обычные жертвы беспорядков Новых левых были маленькими владельцами лавок. Том Хайден, лидер новых левых, упоминает, например, как после того, как Мартина Лютера Кинга застрелили, Бернадин Дорн, будущий лидер террористов «Уэзерменов», истерично крича в типично театральной манере, участвовала в погромах в 1968 году, «бесцельно громя витрины на Таймс-Сквер». Как старик Маркс протестовал против портных, ожидавших от него оплаты счетов, так и владельцам магазинов довелось перенести основной непосредственный удар от бунтов Новых левых/Черных. На самом деле это продолжает иметь место, как было замечено во время беспорядков в Афинах и Лондоне, например, организованных «Будущими» левыми анархистами, которые рационализируют это тем, что они якобы восстают против капитализма, громя и грабя магазины бытовой техники.

Хоффман рационализирует мелкое воровство у работодателя как революционное действие против «системы». Очевидно, работодатель может быть идентифицирован как часть капиталистического класса, «богатство» которого заслуживает «экспроприации». Раздел книги, названный «На работе», говорит: «Безусловно, самый легкий и производительный вид воровства — на рабочем месте. Заработная плата разносчиков, продавцов, грузчиков, кассиров и других торговых работников столь мизерна, что это просто оскорбительно. Смыть оскорбление можно только хищениями, возвращающими персоналу чувство собственного достоинства. При найме на работу вас могут прошупать насчет вороватости. Не надо с ходу обнаруживать себя, пытайтесь произвести самое лучшее впечатление — в бюро по трудоустройству это называют «золото, а не работник». Выражайте всем видом опрятность, благочестие, трезвость и другие англо-саксонские и протестантские добродетели, — как вас наставляли в начальных классах. Благоприятное реноме отведет подозрения, когда пойдут «пропажи».

Кассиры и продавцы — народ привилегированный: у них непосредственный доступ к деньгам. Им ничего не стоит зажать немного мелочишки — никакие надзиратели не помогут. Еще проще женщинам. Монетки и банкноты можно засовывать в подшитый край подола. Мужчинам сгодятся манжеты. Тем и другим хорошо послужит обувь. Не забывайте и о маленьких потайных кармашках. Пробивая чек в кассе, легко ошибиться и выбить вместо 1 доллара 39 центов просто 39 центов, а вместо 1 доллара 98 центов — только 98 центов. День-то был напряженный, вот голова кругом и пошла. На кассовом столе положите немного мелочи, и каждый раз, как ошибаетесь на доллар, перекладывайте один центик в правый угол конторки. В конце рабочего дня вы хоть и на самом деле одуреете от монотонной работы, зато будете знать, сколько купюр следует вынуть из кассы».

Хоффман не делает различия между работой на транснациональную корпорацию и работой на вашу местную бакалейную лавку. И те, и другие — работодатели и поэтому законные мишени для воровства во имя «революции», несмотря на то, что это воровство служит лишь личной выгоде, как и у любого другого обычного преступника.

Биполярный

Хоффман был не только нарциссической личностью, но и биполярным, «хроническим маниакально-депрессивным» человеком, который в 1989 году в возрасте 52 лет совершил самоубийство с помощью «огромной дозы барбитуратов», соединенных с алкоголем. Хотя Хоффман в 1980-х годах смог добиться незначительного возвращения на публичную сцену в форме местных протестов и поездок с чтением лекций, но он жаждал возвращения к 1960-м и своей молодости, как утверждал Том Хайден. Эта черта регрессивной личности

подтверждена заявлением Хоффмана прессе в 1987 году, когда он сказал, что переехал в Пенсильванию, чтобы помочь местной группе протеста выступать против отвода реки Делавэр для охлаждения ядерного реактора. Он прокомментировал, что был бы счастлив «жить и умереть здесь, борясь с «Philadelphia Electric Company» — это для меня точно так же как 60-е годы».

В 1984–1986 годах Хоффман объединился со своим старым товарищем Джерри Рубином, в то время директором по маркетингу Уолл-стрит, чтобы развлекать зрителей университетских городков дебатами на тему «йиппи против яппи», за каждое выступление эти двое делили между собой гонорар в пять тысяч долларов. Это было символом фальшивости «восстания» Новых левых.

Незадолго до своего самоубийства Хоффман попытался стать комиком разговорного жанра в одном нью-йоркском клубе, но, по словам одного его друга, «это было почти жалкое зрелище». Джонатан Сильверс, который помогал Хоффману в написании его последней книги «Сопри этот образец мочи», говорил о Хоффмане: «У него не было больших целей, разработанных на будущее. Он шел день за днём. Он был занят, но он хотел больше порядка в своей жизни». Хоффман разыгрывал лихорадочную деятельность, что типично для маниакально-депрессивного человека. Один его знакомый прокомментировал после смерти Хоффмана: «Каждый раз, когда я звонил ему по телефону, у меня было такое чувство, что он постоянно занимался одновременно тысячей разных дел. Будто я имел дело с поваром блюд быстрого приготовления».

Самоубийство

Маниакальная депрессия Хоффмана обострилась в 1974 году, когда он ушел в подполье, после того, как полицейские, работавшие под прикрытием, поймали его за попыткой продажи кокаина — далеко не идеалистическая деятельность. Хотя у Хоффмана было много советов для преступников/революционеров о том, как успешно жить в подполье, когда сам Хоффман, театральный нарциссист, перестал быть центром всеобщего внимания, это привело его к душевному расстройству. Его жена Анита комментировала, что внезапно Хоффман «должен был научиться жить в одиночку, не быть известным, не быть центром внимания. Его письма стали такими безрадостными». Анонимность была для него невыносима, и даже когда он был в бегах, один инцидент в гостиничном номере в Лас-Вегасе, вспоминал ветеран Новых левых Пол Красснер, показывает степень его нарциссизма: «Он пришел в возбуждение и кричал: «Я — Эбби Хоффман! Я — Эбби Хоффман!».

Кюнел и другие пишут о психическом состоянии Хоффмана:

«Семья и друзья научились ожидать эти «периодические расстройства», в то время как он был беглецом, говорит Эндрю Хоффман, его сын от первого брака. В 16 лет Эндрю внезапно отправили в Канаду, потому что его отец был не в том состоянии, что его можно было оставить одного. «Типичным для Эбби способом все остановилось, и я вошел в самолет», говорит Эндрю, которому теперь 28 лет. «Когда я добрался до отеля, он был очень гиперактивен и хотел выйти развеяться. Мы пошли в этот бар, и эти два франкоговорящих джентльмена покупали для меня дорогие напитки. Я сказал: «Папа, что происходит?» «О», ответил он, «я сказал им, что ты самая известная рок-звезда в Мексике». Так, даже когда он был в подполье, он находил какой-то способ привлечь внимание и вызвать возбужденный интерес у людей».

Нарциссические расстройства личности и биполярные расстройства были серьезными, и отсутствие внимания общественности было невыносимым. Нигилизм Новых левых 1960-х и 1970-х годов, который Хоффман поднял до театрального уровня, что продолжает проявляться сегодня среди пост-Новых левых, хотя и в гораздо менее харизматической

манере, предоставил Хоффману захватывающий выход для его нарциссизма. Согласно его другу и арендодателю, Хоффман практиковал свои речи, крича на двух лам. При других обстоятельствах, он, возможно, выбрал бы карьеру в качестве голливудского актера или комика разговорного жанра, и, вероятно, с тем же самым убийственным финалом.

20. Подполье «Уэзерменов»

Подполье «Уэзерменов» откололось от Студентов за демократическое общество (SDS) в 1969 году, превратившись в преступную организацию, которая вела городскую партизанскую войну (герилью) в США. Одним из основных лидеров была женщина — Бернадин Дорн, которая выпустила первое публичное заявление подполья «Уэзерменов», «Объявление войны» США. Признаки социопатического менталитета можно заметить с «Дней гнева», бунта «Уэзерменов» в Чикаго в 1969 году, когда окружной прокурор Ричард Элрод был серьезно ранен и парализован на всю жизнь. Дорн вела своих товарищей «Уэзерменов», распеваящих пародию на песню Боба Дилана, которую они называли «Лежи, Элрод, лежи», радуясь параличу Элрода.

Чарльз Мэнсон — суперзвезда Новых левых

В 1969 году на «военном совете» в городе Флинт, Мичиган, Дорн похвалила убийства, совершенные «Семьей» Чарльза Мэнсона, поддерживая это преступление как революционный акт. В честь этого Дорн ввела трехпалое приветствие «Уэзерменов», названное «приветствием вилки», что символизировало вилку, которую использовали для того, чтобы вспороть живот беременной актрисе Шэрон Тэйт. Дорн шутливо назвала эти восемь жертв «Восьмеркой Тэйт». Относительно убийств Дорн говорила: «Вскройте этих богатых свиней их же собственными вилками и ножами, а затем съешьте свой обед в той же самой комнате, классно! Уэзермены тащатся от Чарльза Мэнсона!» Дорн и ее муж Билл Айерс, которые в наше время оба удобно устроились в академической среде, пытались не придавать значения комментариям Дорн о Мэнсоне в 1969 году, заявляя, что это было сказано не всерьез, что, по-видимому, означает, что более приемлемо шутить о злодеянии. Тем не менее, в то время, те, кто слышал и знал Дорн, не имели сомнений относительно ее подлинного восхищения Мэнсоном и его смертоносными подхалимами.

Том Хайден пишет:

«Многие люди, включая несколько подпольных газет, впали в иллюзию, будто Мэнсон был преследуемым и недооцененным хиппи. Джерри Рубин был одним из них. Он и Фил Окс пошли проведать Мэнсона в тюрьме. Мэнсон сказал им, что хотел бы вести себя на своем предстоящем процессе столь же вызывающе и дерзко как «Чикагская семерка». Джерри был очарован».

Хайден заявляет, что Рубин (к тому времени биржевой маклер на Уоллстрит), сказал ему, что

«в моем уме я хотел верить, что обвинения против Мэнсона были подставой ФБР. Я настолько романтизировал поведение преступника, что искал любое возможное объяснение, чтобы найти в преступнике что-то хорошее. Если общество сделало Мэнсона безумным, то я думал, что это общество было виновато в преступлениях Мэнсона, не Мэнсон. И такая позиция была частью безумия того времени».

Юрист и писатель Винсент Бульози, биограф Мэнсона, пишет, что Рубин воскликнул: «Я влюбился в Чарли Мэнсона в первый раз, когда я увидел его лицо херувима и сверкающие глаза на телевидении. Его слова и храбрость вдохновляли нас».

Что касается Дорн, то Хайден пишет:

«Гораздо более невероятной была позиция Бернадин Дорн, которая назвала поступок Мэнсона «классным». На последнем митинге «Уэзерменов», прежде чем они ушли в подполье, Бернадин стояла на сцене в мини-юбке и высоких кожаных ботинках, поднимая руку в воздух, ее пальцы делали знак вилки Мэнсона, символ жестокости, которую «Уэзермены» решили причинить буржуазному обществу. «Уэзермены» пришли к заключению, что белые младенцы были «свиньями»...»

Сэйл пишет об этом периоде:

«Анализ «Уэзерменов» пришел к выводу, что белые были практически бесполезны в продолжающемся всемирном противостоянии, и за исключением нескольких храбрых уличных бойцов вроде «Уэзерменов», все они были развращенными, продажными тиранами. Потому, логически, смерть белого ребенка — положительное революционное действие, и действительно, когда «Уэзермены» проводили абстрактные дебаты на «военном совете» [во Флинте в 1969 году] о том, правильно ли убийство белых младенцев, один «Уэзермен» вдруг крикнул аудитории: «Все белые младенцы — свиньи». Отсюда оставался только один шаг к восторженной речи Дорн о банде Чарльза Мэнсона...»

Другие изначальные влиятельные лица в среде Новых левых почитали Мэнсона как современного Христа, коим он действительно считал себя. «Дитя вторника», «оккультная и подпольная» газета, основанная Джерри Эпплбаумом, Алексом Апостолидесом, и другими левыми авторами, которые продолжили создавать «Свободную прессу Лос-Анджелеса», во время процесса над Мэнсоном поместила на первую страницу распятого Мэнсона. В другом номере была фотография Мэнсона с подписью «человек года».

Марион Дельгадо — ребенок-звезда левых социопатов

Возможно, столь же странной, как восприятие Мэнсона и его приспешников в качестве революционных героев, была поддержка «Уэзерменами» пятилетнего мексиканско-американского ребенка Мариона Дельгадо, который в 1947 году положил на железнодорожный путь бетонную плиту, из-за чего поезд сошел с рельс и четыре человека были ранены. Для «Уэзерменов» это тоже было революционным действием, и они приняли лозунг «Марион Дельгадо — Живи как он!». Джаред Израэль, один из лидеров Студенческо-рабочего Союза, который выступал против кружка Дорн/Айерса в SDS, комментировал это так:

«Итак, а) «Уэзермены» призывали подражать смертельно дефективному ребенку. И б) особенно в выборе смертельно дефективного ребенка чикано, и представлении его как примера для подражания в их «революционной борьбе», в том, что они называли «брюхом зверя», они показали полную глубину расизма, который лежал в основе их фальшивой борьбы против «привилегий белой кожи».

Похоже, что мальчишка просто хотел разломать кусок бетона, положив его на рельсы. Однако для «Уэзерменов» это было столь же героическим революционным действием, как убийство вилкой Шэрон Тэйт. Невразумительная выходка ребенка, произошедшая двадцатью годами раньше, возвала к менталитету «Уэзерменов». Фотография ребенка, опубликованная в журнале «Лайф» в 1947 году, была переиздана на обложке «Заметок Новых левых» под заголовком: «Принесите домой войну!».

Билл Айерс в автобиографии пишет о том, как «Терри» начал раскрутку маленького

Мариона как революционной иконы. «Терри» держал фотографию Мариона, полученную «горячей с кабеля Ассошиэйтед Пресс», где тот держал «кусочек скалы, использованного, чтобы пустить под откос грузовой поезд в Италии». У Айерса тут, похоже, какие-то галлюцинации, поскольку снимок был сделан в 1947 году и не мог быть «горячим с кабеля Ассошиэйтед Пресс», да и кусочек скалы при этом не использовался. Мальчик был из Калифорнии, не из Италии, и поезд перевозил пассажиров, а не грузы. Однако, так как Айерс нынче профессор, пристроенный в академическом мире, не стоит ждать от него точности исследования. Возможно, Айерс пытается здесь смягчить инфантильную реакцию «Уэзерменов» на событие, в результате которого было ранено пять человек, включая инженера, хотя Айерс заявляет, что не было «никаких ранений, но грузу и подвижному составу был нанесен большой ущерб». Следовательно, сценарий инцидента с Дельгадо в 1947 году был полностью повторно выдуман Айерсом, как это было у SDS. Помимо этого, Айерс вспоминает, что Терри «кричал с ликованием... Терри дважды громко прочитал заголовок с воплями смеха». Айерс вспоминает о широком использовании этого мальчика как символа «Уэзерменов»:

«Марион Дельгадо стал нашим революционным антигероем и талисманом, его лицо появилось на футболках, пуговицах, и в дальних углах наших листовок и газет, опознаваемое только для знающих. Звоня по телефону друг другу, мы раз за разом стали идентифицировать себя как «Марион Дельгадо»... Марион Дельгадо был всюду, живи как он!»

Во время Чикагского бунта в октябре 1969 года, организованного «Уэзерменами», Джефф Джонс, один из основателей организации, упомянул пример Мариона Дельгадо перед толпой, и толпа из нескольких сотен людей взбесилась в так называемые «Дни гнева», разбивая витрины и громя автомобили.

Геноцидность

Джаред Израэль упоминал о менталитете «Уэзерменов», направленном на убийство белых:

««Уэзермены» рассматривали белых американских рабочих как проблему. «Уэзермены» скрывали свою идеологию презрения за риторикой о том, что они, не обращая внимания на иронию, называли «привилегией белой кожи». Я говорю «не обращая внимания на иронию», потому что «Уэзермены» и их союзники в непропорционально большом количестве были выходцами из среды высших классов. В любом случае, безотносительно их происхождения, их идеология была модной адаптацией презрения к якобы «грубым» рабочим, которых они присоединили к себе во время своих бунтов. Они были настоящими снобами. Самоисследование? Пожалуйста. Снисходительность к себе и самовосхваление были их лозунгами, как они это продемонстрировали».

Израэль описывает нигилистическую идеологию «Уэзерменов» так:

«Смесь из де Сада, Маркузе, Тимоти Лири, Франца Фанона (от которого они переняли обожествление лидеров Третьего мира и трагическое заблуждение об очистительном достоинстве насилия), и Организации освобождения Палестины. (Это в то время, когда левые американцы, в широком плане, вовсе не были без ума от ООП.) «Уэзермены» приняли позу убежденности в своей правоте, лжереволюционную позицию, чрезвычайный антиамериканизм, прославление любого демагога, который оказывался цветным, и гротескное потворство своим слабостям. (Они хвастались, что все они все время спали друг с другом, но как у них осталось достаточно клеток головного мозга, чтобы не забыть делать это втайне, так как они обычно курили что-то, что могло гореть и не могло убежать.)

Хищный секс

Из того, что пишет Билл Айерс, ясно, что взгляды Новых левых дали им столь же большую политическую рационализацию для необузданного сексуального высвобождения, как и для вандализма, воровства и насилия. «Уэзермены» воображали, будто в своих неограниченных сексуальных связях они совершали некие революционные действия против буржуазной этики, или альтернативно манипулятивный метод, благодаря которому мужчина-нарциссист мог иметь много сексуальных партнеров и избегать прочных связей или обязанностей, до того как феминизм ввел в левое движение новый пуританизм. Айерс приходит в энтузиазм:

«Мы лихорадочно экспериментировали, потому что мы были детьми, и потому что наши инстинкты были анархическими, энергичными и несдержанными. Однажды ночью после жестокой и кровавой демонстрации в Вашингтоне, сто из нас создали стонущее сексуальное театрализованное представление на верхнем этаже «Dupont Circle», щеголяя и выставляя напоказ нашу возмутительную неудержимость. Так, чтобы никто не мог упустить суть, мы поместили большой комикс в нашей газете, быстро нарисованный одним товарищем. В одном его кадре были нарисованы множество тел, кувыркающихся все вместе под огромным флагом Вьетконга, отдыхая после уличного боя...»

В другом незабываемом случае Айерс расположился на ночлег с Терри и двумя женщинами, и закончил совокупление — что и можно было предположить — в другом революционном подтверждении разрушении буржуазной этики. Эта сексуальная беспорядочность была частью политической программы «разбить единобрачие», по словам Айерса. В других ситуациях, таких как Храм народов Джима Джонса, или подобные хиппи Дети Бога Дэвида Берга, оба квазирелигиозных культа Новых левых, такие методы были, в конечном счете, разоблачены как сексуальное насилие для удовлетворения их лидеров, рационализированных за прикрытием догмы. Айерс так много свидетельствует об этом, когда заявляет, что всему, что они сделали, было дано «оправдание, место в нашей политической линии».

В 1969 году Айерс попытался вымогать деньги от Комитета за мораторий против войны во Вьетнаме, требуя 20 000 долларов, чтобы воздержаться от насилия во время запланированного мирного протеста. После отклонения этого требования член группы Моратория спросил Айерса, чего он действительно хочет. «Убить всех богачей», ответил Айерс. Когда ему напомнили, что сам Айерс происходил из богатой семьи, он ответил лозунгом Новых левых: «Принесите войну домой. Убейте своих родителей».

Обозреватель Стив Нил, анализируя биографию Айерса, комментирует: «Вызывает вопросы, что Айерс не раскрывает, как он и Дорн использовали влияние своей богатой семьи, чтобы вести свои бои в судах. После десятилетия бегства от федеральных обвинений они сдались ФБР».

Последним действием «Уэзерменов» было вооруженное ограбление инкассаторского автомобиля компании «Бринкс» в 1981 году, совершенное ими с

Черной освободительной армией. С 1970 по 1980 год Дорн и другие «Уэзермены» скрывались, потом сами сдались властям и были признаны виновными только в незначительных преступлениях, из-за использования против них «незаконного наблюдения». Обвинения против Айерса отклонили. В интервью с Дэвидом Хоровицем он прокомментировал это так: «Виновный как ад. Свободный как птица. Америка — великая страна». Дорн признала себя виновной в применении физического насилия и бегстве от правосудия, но получила только штраф и испытательный срок. Спустя два года после ее сдачи в 1980 году, она была заключена в тюрьму на семь месяцев за то, что отказалась дать

информацию большому жюри о всех членах «Уэзерменов».

21. Марк Радд

Марк Радд был одним из подсудимых по делу «Чикагской семерки» и одним из лидеров Подполья «Уэзерменов».

Как и его товарищ по «Уэзерменам» Билл Айерс, он считает, что сексуальная распушенность была революционным действием. Чтобы «разбить единобрачие», как он заявляет, использовались «самые крайние сексуальные эксперименты». «Групповой секс, гомосексуализм, и случайный секс — все было испробовано, когда мы пытались вырваться из прошлого в революционное будущее».

От зануды к революционеру

Даже Том Хайден из SDS, как и лидеры «Уэзерменов» Билл Айерс и Бернадин Дорн, стремящиеся показать, насколько «умеренными» они в действительности были, заявлял, что сексуальная распушенность, которую он нашел в университете, была для него стимулятором к присоединению к Новым левым. Фактически идея объединить секс с политикой не была нова. Мы уже отметили интеллектализацию беспорядочных сексуальных связей во имя политики у маркиза де Сада, героя якобинцев. Австрийский коммунистический психолог Вильгельм Райх повторно сформулировал этот синтез в 1920-х годах. Если большевики в России обещали землю крестьянам, то приманка Новых левых должна была обещать молодым мужчинам свободу сексуальных связей во имя «освобождения» и «революции». Хайден вспоминает, что «для студентов мужского пола как я сам, новый климат просто означал, что больше женщин стало для нас открыто «доступными», но он ничего не говорил нам о душах и потребностях этих женщин».

«Раннее движение шестидесятых унаследовало и углубило климат вседозволенности с доминированием мужчины. Я помню, как был поражен на конференции одного студенческого редактора в Нью-Йорке в 1960 году, когда один из моих коллег по движению, молодой радикал из Куинс-колледжа, искося посмотрел и сказал, «первая вещь, которую вы должны понять, состоит в том, что движение вращается вокруг конца члена». Движение было раем для шовинистов, в руководстве его доминировали прежде всего мужчины, и возможностей для неравных сексуальных связей было множество. Писателей, таких как Симона де Бовуар, интерпретировали как выступающих за эти «свободные отношения» и осуждающих единобрачие и брак, как ослабляющие и притупляющие явления».

Взлет феминизма, должно быть, стал сильной травмой для многих молодых мужчин, которые присоединились к Новым левым, чтобы доказать свою мужественность и убежать от властных матерей, только чтобы быть кастрированными и высмеянными воинственными феминистками, в то время как такие, как Хайден, были вычищены за их патриархальные взгляды.

Радд подтверждает то, что Ротмэн и Лихтер проанализировали в своей психоистории евреев среди Новых левых; то, что это явление обеспечило этим евреям средство доказательства своей мужественности в бунте против властной матери еврейской семьи. Ротмэн и Лихтер, опираясь на результаты тестов еврейских и нееврейских «радикалов» и «консерваторов», заявляют, что «в общем и целом еврейские радикалы были выходцами из семей, в которых мать воспринималась как властная фигура, тогда как отец отходил на

задний план. Нееврейские радикалы, в отличие от этого, рассматривали обоих родителей как соразмерно назойливых». Неудивительно, что с внезапным подъемом феминизма среди Новых левых это вызвало еще один кризис для неуверенных молодых людей, пытавшихся доказать свою мужественность. Они должны были снова начать целый процесс мучительной самопереоценки, на сей раз с дополнительным бременем вины за то, что родились мужчинами, и в силу самого этого факта, получали выгоду за столетия патриархата.

Радд, все еще страдая несколько десятилетий спустя, оценивал психотерапевтическую ценность агрессии Новых левых, когда писал:

«Я по сути вовсе не жестокий человек. Всю свою жизнь я боялся драк и контактных видов спорта. Я всегда убегал от драк на школьном дворе... В те предфеминистские дни для нас имело смысл то, что колонизированные и оскорбленные вернут себе свою мужественность посредством насилия».

Здесь мы видим стереотипного «занудного» еврейского ребенка, которого запугивают в школе, трусливого, и, наконец, ставшего в юности способным доказать, что он «мужчина», выражая агрессию в рядах беснующихся банд Новых левых. С идеологией Новых левых, идентифицирующих себя с коммунистическими теоретиками и диктаторами Третьего мира, такими как Хо Ши Мин, Мао Цзэдун и Че Гевара, которые все управляли режимами, где человек, подобный Марку Радду и др., возможно, не продержался бы и пяти минут, «оскорбленный» мог соткать вокруг себя героическую фантазию о том, что был одним целым с «колонизированным». Идентифицируя себя с насильственными доктринами и тиранией, запуганный слабак мог опосредованно показать свою мужественность.

Эта безопасность через группу проявляется как бравада в таких действиях толпы, для которых отдельный человек обычно чувствовал бы себя слишком неподходящим, чтобы предпринять их в одиночку. ФБР в то время отмечало, что Хайден «был одним из немногих лидеров демонстрантов, которые действительно принимали участие в уличных боях... [и], казалось, был одним из немногих [в руководстве Новых левых], кто не отказывался от фактического участия в беспорядках, или не боялся этого...»

Эту трусость можно и сегодня легко заметить в действиях банд нынешних левых. Поскольку трусость и безнравственность новичка Новых левых подкреплены социопатическими доктринами левых, не существует никакого морального раскаяния за трусливое использование насилия. Эта трусость толпы была правилом со дней Французской революции. Галантное поведение, бой по правилам, и честная игра игнорируются как «буржуазная этика».

Что касается Марка Радда, то он вспоминает, что искал свою мужественность, идентифицируя с Че Геварой. Идентификация с чьей-либо личностью — это механизм защиты, дающий компенсацию за чувства неадекватности. Новые левые, такие как Радд, могли чувствовать себя бойцами, идентифицируя себя с революционными доктринами насилия и революционными фигурами, такими как Че. Несколько десятилетий спустя Радд так размышлял о своих фантазиях стать американским Че:

«В 1989 году я посетил в феминистском книжном магазине в Альбукерке лекцию писательницы Робин Морган. За пятнадцать лет до этого, в 1974 году, Морган подстроила выдачу Джейн Олперт ФБР моей бывшей жены и меня самого. Я подпрыгнул со стула, когда я добрался до Че. Морган попала в точку проблемы и пригвоздила этим меня лично, с моим желанием походить на Че. Моя карьера как гевариста внезапно получила смысл: молодой человек, который стремится самоутвердиться посредством насилия, по подобию патриархального героя. Это не то, что подразумевают люди под освобождением самих себя, с прогрессом свободы и демократии».

С ростом феминизма Радду и другим мужчинам Новых левых в течение 1970х подарили

еще одну причину их мучений: их пол. Многие присоединились к Новым левым, бунтовали, разрушали, устраивали взрывы бомб, и баловались сексуальной распущенностью, чтобы доказать свою мужественность. И тут они внезапно столкнулись с утверждением, что они были частью патриархального «истеблишмента». Ничего удивительного, что многие, в конце концов, вошли в состояние полного расстройств и ушли из Новых левых в Нью Эйдж, в попытке стереть это, утвердить которое они пытались на протяжении многих лет. Радд был не в состоянии «освободить себя», идентифицируя себя с «патриархальным героем». Феминизм потребовал кастрации от подобных Радду.

Синдром Портного

Радд объяснял, что, будучи «воспитанным в еврейской культуре в многочисленном еврейском сообществе» (даже если его отец жил в США с 9 лет), Радд всегда видел себя «аутсайдером», и у него «всегда был критический взгляд на Америку», что означало, как нужно отметить, критический взгляд на культуру и нравы белых американцев англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания, которые тогда все еще доминировали.

Доктор Стэнли Ротмэн цитирует одного бывшего «Уэзермена», который подтверждает то, что Радд заявляет в отношении не только еврейского восприятия отчуждения, но и чувства мужской неадекватности, которое заставляло многих присоединяться к самой насильственной из групп Новых левых:

«Многие лидеры «Уэзерменов» были евреями и никогда не были уличными детьми, и я действительно думаю, что очень многое из того, что они делали, было преодолением их собственных страхов вокруг своей мужественности... Большинство из них... были интеллектуально агрессивными, но внезапно они попытались стать крутыми уличными детьми... Я думаю, что тут долгое время имела место большая ненависть к самим себе».

Вернемся к Радду. В другом месте он уточняет, что он и другие воспринимали как еврейские корни своего отчуждения как мотив бунта, который был не только политическим, но также и моральным:

«Я попрошу Филипа Рота, чтобы впустить вас в изолированность того мира, в котором я рос. Моя семья перенесла с собой еврейские гетто Ньюарка и Элизабет в пригороды. Мы могли жить в разноэтничном соседстве, которое охватывало и гоев (в городе было только несколько чернокожих), и мы могли ходить в общие школы, (конечно, в моей начальной школе не было никаких чернокожих), но мы совсем не ассимилировались, если это означает заменить еврейскую идентичность американской. Я помню, как в возрасте девяти или десяти лет я пообедал в доме нееврейского друга и отчитывался дома, что в гамбургерах были лук и петрушка. «О, это гойский гамбургер», сказала моя мать. Я жил жизнью Филипа Рота, в которой различие между евреями и гоями присутствовало во всем: наличие собак и кошек было гойским, например, как было таковым и спонсируемое церковью катание на возу с сеном, на которое меня пригласила симпатичная рыжая девочка, которая сидела за партой передо мной в седьмом классе. Мои родители не позволили мне пойти, и, так как угнетение вызывает сопротивление, это, вероятно, стало знаковым событием в моей карьере очарования шиксами и гойскими вещами, карьера, которая оказалась в определенной степени подобной карьере молодого Александра Портного в «Случае Портного».

Из всех неисчислимых часов обсуждения на встречах SDS, в баре Уэст-Энда за пивом, и в наших комнатах в общежитиях и квартирах, я не помню ни одной беседы, в которой мы обсуждали бы тот факт, что среди нас было так много евреев. Одно только это примечательное отсутствие могло бы послужить ключом к

разгадке того, к чему мы были готовы: став радикалами, мы думали, что сможем сбежать от нашей еврейскости. Левый радикализм был интернационалистическим, не узко националистическим; он выступал за угнетаемых и рабочих, не за привилегированных и элиты, стать которыми стремились наши семьи. Кроме того, мы были Новыми левыми, отклонив сектантство и лицемерие Старых левых, где, конечно, доминировали евреи.

Во главе руководящей кучки Колумбийского университета сидели президент Грейсон Кирк и вице-президент Дэвид Трумэн, два законченных либеральных УОСПа, которые конфиденциально утверждали, что выступают против войны, но продолжали поддержку ее в своем учреждении.

В печальной известной подстрекающей речи, которую я произнес в ходе одного из противостояний в университетском городке, я назвал президента Грейсона Кирка «этот засранец». Конечно, я упивался своей ролью главного варвара по эту сторону ворот университета. Но я также хотел свергнуть президента Колумбийского университета в умах моих сокурсников. Это сработало.

Маркс и Фрейд принесли критические взгляды на европейское буржуазное общество. Маркс действительно говорил: «Вы думаете, что получите себе немного хорошей демократии здесь, ну, тогда давайте я расскажу вам о классовой эксплуатации и о бедности, которые лежат в основе этого». Точно так же Фрейд выставил наружу постыдные, управляемые сексуальностью мотивы, поднятые члены, управляющие несознающими умами цивилизованного, хорошо воспитанного буржуазного общества.

Мы, евреи в Колумбии — и я догадываюсь, что и в колледжах по всей стране — принесли один и тот же аутсайдерский взгляд в университетские городки, куда нам разрешили войти».

Радд и другие евреи у Новых левых, как секуляризованные евреи у Старых левых, находились в противоречии с их еврейским происхождением. Еврейская молодежь Новых левых остро чувствовала свою еврейскость по отношению к нееврейскому обществу; они чувствовали себя исключенными. Они возлагали вину за это на «систему», хотя из того, что заявляет Радд, ясно, что это его родители навязали ему это отчуждение. Вот снова проецирование против родителей на общество. Новые левые объявили себя бунтом молодежи против государства, который заменил бунт против родителей. Их еврейство, как и негритянство, дало им дополнительные страхи и негодования, направленные против Системы, в то время как белая нееврейская молодежь среднего класса барахталась в ненависти к самим себе, с дополнительным фактором мужских гендерных проблем, введенных позже феминизмом. Новые левые снова также обеспечили выход для сексуальной распущенности, разочарование людей, достигших половой зрелости, рационализированное как политическое восстание. Из-за доктрины Новых левых о рационализации сексуальных беспорядочных связей как политического выступления против «единобрачия» и «буржуазного брака», Радд и другие смогли поймать «шикс», что выходило за рамки, навязанные им их консервативными еврейскими родителями.

У Филипа Рота в его романе «Случай Портного» («Жалоба Портного») приводится самосозерцательная оценка еврейского невроза. Главный герой романа Александр Портной заявляет:

«Разве мог бы появиться психоанализ без евреев? Любое чертово мучение у нас, евреев, оказывается хуже, чем у всех остальных. Вы думаете, что я ненавижу сам себя? Гмм! Только попробуйте узнать, сколько обид у меня было на самом деле. Еврейство. Вся эта бессмысленная ерунда вокруг Рош-Хашаны. Почему евреи любят это сказочное дерьмо? Моя мать. Только дайте мне отдохнуть от ее постоянного: «Почему ты не станешь доктором, не женишься и не подаришь мне внуков?» Мой отец. Кастрированный и раболепный».

Радд утверждает, что попал к Новым левым, тогда еще находившимся в зародышевом

состоянии, в 1965 году, когда он вошел в центр студенческих волнений в Колумбийском университете, где «я присоединился к субкультуре — «травка», секс, борьба против войны, противостояние администрации университета». Он снова повторяет, что «вся стратегия «Уэзерменов» была кошмаром мачо. Она была разработана, чтобы самоутвердиться как молодым мужчинам (и женщинам)». Радд оставил «Уэзерменов» в 1970 году, понимая, что «у меня не было достаточно храбрости и убежденности, чтобы на самом деле быть революционным партизанским бойцом, которого я строил из себя, или уговаривать других людей на это».

Радд, попавший в федеральный розыск за взрывы бомб и заговор, был в бегах с 1970 по 1977 год. Он сдался ФБР в 1977 году, и прошел период депрессии. Однако, как и с другими бывшими беглецами из числа «Уэзерменов» суд обошелся с ним мягко. Его обвинили только в мелких преступлениях и приговорили к штрафу в 2000 долларов и испытательному сроку на два года.

22. Последствия: от Новых левых к Нью Эйдж

Окончание Вьетнамской войны привело также к концу Новых левых. Десегрегация пришла на Юг при помощи федеральных штыков, и США удрали из Вьетнама. Основные элементы, с помощью которых Новые левые интеллектуализировали свои страхи и тревоги, были устранены самим «истеблишментом». И теперь не осталось ничего, кроме инфантильной субкультуры, основанной на «сексе, наркотиках и рок-н-ролле», которая была полезна, чтобы привлекать пополнение, но бесполезна, чтобы быть опорой революции.

Для тех, кто не смог вписаться в основной поток как Том Хайден, который стал калифорнийским законодателем, как Джерри Рубин, который стал яппи на Уолл-стрит с хорошими связями, как Билл Айерс, Бернадин Дорн и Марк Радд, ставшие учителями, осталась пустота, требующая заполнения. Эбби Хоффману не удалось ее заполнить, и он совершил самоубийство. Как и в начальной реакции Джерри Рубина, многие отвернулись от Новых левых, чтобы искать укрепляющие психотерапии и трансцендентализм Нью Эйдж («новой эры»). Если это не могло быть удовлетворено, тогда, возможно, ответ состоял в том, что это самое это нужно было стереть.

Новые левые как групповая терапия

Новые левые всегда были под влиянием психотерапевтов, таких как Абрахам Маслоу, и специалистов из Франкфуртской школы критической теории. Любимой формой терапии во времена Новых левых была «групповая терапия» и «самокритика», которые были методами управления сознанием и следования групповым нормам, за маской движения, которое утверждало, что якобы представляло освобождение человека.

Ротмэн и Лихтер прослеживают психотерапевтические цели за Новыми левыми к теории «самоактуализации» Маслоу и других основателей того, что стало «движением человеческого потенциала», и «гуманистической психологией». Левые социальные теоретики, такие как Фромм, утверждали, что семья и другие основы традиционного общественного строя являются репрессивными и приводят к удушению «настоящей» индивидуальности человека. Поэтому такие учреждения должны быть аннулированы. Были произведены щедро финансируемые исследования, чтобы показать, что восстание против социальных норм было здоровым явлением. Те, кто сформировали Новых левых, извергали то, что им говорили профессора с идеологической повесткой дня.

Действительно, Эбби Хоффман изучал гуманистическую психологию непосредственно у Маслоу. Маслоу сформировал идеологию Хоффмана. Маслоу был «настоящим героем Эбби», и после ухода из Университета Брандейса Хоффман использовал психологию Маслоу для политики и восстания. Именно по предложению Маслоу Хоффман работал над

диссертацией на степень магистра в области психологии в Калифорнийском университете в Беркли, который стал одним из центров бунта Новых левых. Доктор Фромм расхваливал студенческие беспорядки 1968 года в Колумбийском университете как психотерапевтическую «революцию жизни» среди «общества зомби». Неповзрослевшие люди, маргинальные психологические типы, нарциссисты, невротики, социопаты, жертвы различных комплексов и т. д., выплескивали свои проблемы на «общество», ставшее в их глазах козлом отпущения, общество, которое они воспринимали как заговор белого среднего класса, а позже еще и заговор «мужчин» для подавления свободы, как это определили для них марксистские беженцы, приехавшие в США в 1930-х годах и впоследствии получившие доминирующее положение в общественных науках. В виде йиппи Хоффмана и Рубина был внедрен существенный элемент психодрамы.

Происхождение групповой терапии в среде левых

Психотерапевтические основы Новых левых были заложены намного раньше, еще в 1925 году, когда марксистский психолог доктор Джейкоб Л. (Якоб Леви) Морено прибыл в Нью-Йорк, разочарованный в том, как развивался Советский Союз. Он стремился заменить «фундамент классовой войны марксизма фундаментом групповой динамики», которую он назвал «множеством маленьких революций в маленьких группах». Морено был «передовым пионером групповой психотерапии». Его теория называлась социатрией, и включала музыкальную терапию и психодраму. Новые левые были политической манипуляцией подростковых тревог и страхов через использование «социатрии». Групповая терапия стала настолько же важной частью США, насколько важным средством общественного контроля стала она в Китае и СССР.

Ячейки Новых левых удвоились как элементы групповой терапии, формируясь как «маленькие коллективы, или коммуны» для «взаимной поддержки», которая «отсутствовала в безличном массовом движении». Однако, учитывая диапазон типов личности, которых привлекали Новые левые, неудивительно, что те, кто ищут «лелеющего», «заботливого» окружения, были бы травмированы нарциссистами и социопатами. Особенно «самокритика», основа групповой терапии, была разработана ради подчинения отдельного человека группе. Это основная техника промывания мозгов, которая использовалась в коммунистических государствах и на американских военнопленных в Северной Корее, целью которой было вскрыть противоречия и восстановить человека, подкрепленное давлением членов группы. Самокритика используется левыми, чтобы разоблачить, высмеять и устранить любую нежелательную черту — такую как неосознанный «расизм» — которая могла бы зацепиться в подсознании.

Том Хайден — вычищенный

В этих ячейках Новых левых женщинам было позволено доминирование, в котором им отказывали в уличных действиях. «Свободные отношения» практиковались среди мужчин и женщин. В «Красной семье», группе, к которой присоединился Хайден, первоочередной задачей было вычищение «мужского шовинизма, как в личных отношениях, так и в работе движения». Рабочие группы разделялись в соответствии с полом. Группы встреч с мужчинами были «болезненными» проверками «мужского притеснения», и «мужского давления, эгоцентричной ревности, и раненного эго», которые изобилуют в среде Новых левых. Группа вдохновлялась Мао Цзэдуном и Ким Ир Сеном из Северной Кореи. Хайден объясняет использование техники самокритики в ячейках новых левых:

«Обсуждения приняли форму самокритики, групповой психотерапии, в

которой предполагалось, что что-либо сказанное в собственную защиту — о мытье посуды, о демонстрации позиции мачо, или о своей привлекательности для женщин — вероятно, было корыстным защитным алиби. Я нашел, что эти встречи были сеансами пыток».

Именно из-за этого психологического давления ради подчинения группе и подавления настоящего характера — под маской обнаружения «истинного» характера — которое распознал Хайден, он отошел от крайностей к политическому мейнстриму. Процесс уже разлучил его с его подругой и ее ребенком. Хайден размышляет: «Я особенно плохо подходил для того, чтобы стать «новым человеком»». Он вошел в коллектив Беркли, «Красную семью», с намерением изменить свой эгоцентрический и властный характер, но оказался на это неспособен:

«Существовала одна фундаментальная несовместимость. Мои агрессивные качества рассматривались как гнетущее бремя другими членами коллектива, которые часто чувствовали себя определенными как придатки Тома Хайдена и манипулированными. Возможно, самое важное, что мои отношения с Энн ухудшились. Мотивированная тем, чтобы укрепить свою собственную сильную личность, после того, как она сначала определила себя как жена и затем как подруга двух известных радикальных мужчин, было почти неизбежно, что я стану препятствием для ее независимости. Мне угрожали, и я не мог прекратить обращаться с нею как собственник. Так как она была центральной фигурой в группе, я должен был уйти».

Его отчуждение от группы и от своей подруги и ее сына произошло «пугающим способом». Хайден вернулся в Беркли, и «столкнулся с напряженной встречей других участников, сидящих в кругу. В отсутствие Хайдена было решено, что он был «репрессивным сторонником дискриминации женщин», «способным манипулировать людьми». Он увидел взгляд «стеклянного единодушия» на каждом из их лиц. Он защищался — это уже само по себе отрицательный признак в групповой терапии — но «не было никаких открытых возражений, только одно коллективное желание». Он ушел от них с чувством горькой обиды, что его близкие друзья внезапно превратились в «культ». Хайден стал жертвой процесса, который, как он заявляет, «пытался провести чистку и очистить себя от всего, что было неправильным в мире: расизма, сексизма, мужского шовинизма, а теперь еще и лидерства мужчин». Хайден стал жертвой процесса, который, как предполагалось, должен был «освободить», политизированной психотерапии, которая тысячи раз заканчивалась в коммунах маоистского Китая, где «виновных» отнюдь не отпускали так легко, как Хайдена.

Цель этой формы промывания мозгов была объяснена одним из ее самых восторженных сторонников, Мао Цзэдуном, одним из символов Новых левых:

«У нас есть марксистско-ленинское оружие критики и самокритики..., добросовестное применение самокритики — это еще один признак, отличающий нашу партию от всех других политических партий... Чтобы регулярно проверять нашу работу и в процессе развития демократического стиля работы, чтобы не бояться ни критики, ни самокритики, и применить такие хорошие народные китайские принципы как «Говори все, что знаешь и говори без утайки»... Это единственный эффективный способ предотвратить загрязнение умов наших товарищей и тела нашей партии всеми видами политической пыли и микробов».

Вскоре после изгнания Хайдена коллектив «самоликвидировался, его участники, рассеялись повсюду. Страсть к расколам и чисткам не поддавалась контролю».

Такие столкновения эго, встречные обвинения, предательства дружбы и горькие обиды кажутся странными для движения, основанного под видом «мира и любви», но движение, в значительной степени состоявшее из хронологически незрелых людей, соединенных с

другими различными типами расстройства психики, может привести только к конфликту и даже к саморазрушению. То, что произошло в спальнях, лачугах и на улицах США и Европы, разыгрывалось за пятьдесят лет до этого в намного более обширном и более смертельном масштабе большевиками, «Красный террор» которых осуществлялся во имя «мира» и «демократии», и еще на 180 лет раньше якобинским «Террором» во Франции во имя «свободы, равенства и братства». Если бы Новые левые тоже пришли к власти как их предшественники во Франции и в России, их режим «мира и любви» был бы столь же убийственным и репрессивным.

Самокритика — пример Джонстауна

То, к чему могли бы привести такие доктрины, если бы их сторонники пришли к власти, было продемонстрировано в Джонстауне, коммуне Храма народов в Гайане под диктатурой Джима Джонса (известного также как «Папа»), закончившейся массовыми самоубийствами более чем 900 последователей в 1978 году. Сторонники Джонса стремились жить в точном соответствии с идеалами Новых левых. Джонстаун был идеологией Новых левых на практике. Актриса Джейн Фонда, которую все еще помнят как «Ханойскую Джейн» за ее поддержку Северного Вьетнама, которая вышла замуж за Тома Хайдена в 1973 году, пришла в восторг от коммунистического культа Джонса: «Церковь, которая больше всего близка мне, называется Храмом народов [который дает] смысл того, ради чего стоит жить».

Методами контроля, используемыми Джонсом, были самокритика и «групповая терапия» в массовом масштабе. Члены культа были обязаны писать Джонсу так называемые «Письма Папе», которые репортаж «Ассошиэйтед Пресс» описывал как «гроссбухи, полные самокритики и оценки, вины, чувства неадекватности и признания своих слабостей».

Журнал «Тайм» писал, что Джонс призывал своих последователей писать ему письма, «анализирующие их отношение к элитизму, анархии, капитализму, социализму и их чувствам о сексе, власти и смерти». Сотни писем, найденных в Джонстауне «показывают склонность умов к самоуничтожению и иногда саморазрушению». Авторы писем часто предлагали «Папе» свои услуги, чтобы убить «предателей», и предпринять другие террористические акты, и выражали свою готовность умереть. Одна из них заявляет:

«Папа, я уже пожилая, и я готова пойти и бороться за это дело, и мой муж тоже хочет. У моей жизни нет никакой цели, кроме как жить для социализма, и я готова отдать свою жизнь, так, чтобы социализм жил дальше. Гертруд Нэйлор».

Самокритика поощряла чувство скорее бесполезности, чем самоутверждения:

«Папа, я чувствую, что работаю не так напряженно, как я могла бы, и я чувствую, что я ленива в сравнении с другими здесь, которых я видела за работой. Я как контролер, чувствую, что я не дерьмо. Я вижу, что много дерьма продолжается, и я не в состоянии написать об этом или сообщить об этом, потому что я хочу выглядеть хорошей, и я хочу, чтобы я нравилась людям. Я слишком сильно ценю дружбу, именно поэтому я никогда не жалуюсь на людей, с которыми я близка. Я чувствую, что я слишком ориентирована на семью. Спасибо тебе, Папа. Ширли Бэйси».

Одна «учительница» детей коммуны была достаточно смела, чтобы упомянуть о том, что постоянный рев музыки и голос Джонса в течение большей части дня отвлекает, но уверила Джонса в своей преданности ему и в своей решимости стать хорошей коммунисткой:

«Джим, я не смогла сдать свою новостную статью. Здесь вокруг так много шума, что я не могу сконцентрироваться. Утро начинается с демагогии по радио (которое, кажется, теперь сделало перерыв), целый день постоянно звучит музыка или обсуждения дикторов, и к концу дня мои уши чувствуют, что в них взорвалась атомная бомба... Я надеюсь, что дети вырастут, чтобы быть целыми людьми, а не манипуляторами друг другом. Я прошла долгий путь, придя к мысли стать коммунисткой. Я действительно признательна тебе... Я буду больше слушать новости. Спасибо, папа. Дороти Брюер».

Мисс Брюэр здесь разъяснила доктрину, о которой она услышала от Джонса. Доктрина эта идентична доктринам Новых левых. В конечном счете, это была идея «терапевтического государства», за которое выступали Адорно и другие представители Франкфуртской школы: то, что необходим целый режим, основанный на психотерапии, чтобы излечить любой из их неврозов, вызванных репрессивным «истеблишментом». Джонс применял на практике то, чего требовали социологи Франкфуртской школы, гуманистические психологи и Новые левые. Это было — и остается — тоской, тревогой и страхом психопатов, которые полагают, что это они нашли путь к Утопии, и что нормальный мир нуждается в лечении.

Один белый контролер признавался в своей «вине» за менее почтительное отношение к темнокожему товарищу:

«Папа, я действительно сегодня переборщил. Я вышел из себя с Лулой Рубен, пожилой, ругаясь. Не в ней в смысле навешивания ярлыков, но, однако, я говорил с нею громко и недоброжелательно. Такое поведение со стороны белого контролера непростительно. Несколько других слышали это, и я уверен, что это все пошло [неразборчиво]. Ушла, говоря, что это было точно так же как в США... Я принесу ей извинения вовремя. Я ругаю сам себя за [неразборчиво], потому что это должно будет быть обнародовано, чтобы очистить воздух... если кто-то [неразборчиво] привлечет к этому твоё внимание... Джин [Чэйкин].

Как и в маоистском Китае, кажется, что он признался бы публично перед всем сообществом, и стал бы предметом оскорбления за то, что был не в состоянии вычистить в себе подсознательный «белый расизм». Тип навязчивого комплекса вины за то, что просто рожден белым, был внушен белым членам Храма народов, но он был особенностью самокритики Новых левых и остается характерной чертой левых сегодня. Факт рождения — это уже причина вины сам по себе, и любые следы неосознанного белого «расизма» должны быть вычищены. Мисс Кумер рассуждает, что ей следовало бы нести больше «вины», чем она делает из-за того, что провела много времени под опекой Джонса.

«Папе, от Лоретты Кумер. Будучи с тобой так много лет, как я была с тобой, у меня должно быть намного больше добросовестности и вины, чем у меня действительно есть. Много раз я думала о темнокожем населении в нашей конгрегации, которое прошло через столь многое, перенесло так много несправедливостей в результате того, что были черными, и все же так или иначе сумело избежать проблемы. О! Да! Я чувствовала себя виновной в том, что у меня был тот же цвет кожи, как у их угнетателей, и я плакала из-за этого, потому что я уверена, что напредила одному красивому темнокожему человеку о ком-то, кого они ненавидели. Я жила без этого даже с тех пор, как я узнала тебя. Даже настолько, что он имел обыкновение раздражать меня (и все еще делает), когда я вижу некоторых из наших людей с более светлой кожей, постоянно сидящих вместе или больше чем двух или трех сидящих вместе в комнате, полной темнокожих людей. Ты заставил меня замечать это.

Я часто плохо себя чувствую, потому что я должна часто ругать или быть строгой с темнокожими пожилыми людьми по линии продовольственного обслуживания, но я также понимаю, что они тоже сформированы этими условиями и иногда прислушиваются только к «белому» начальству — и это очень сердит меня. Темнокожие сестры, занимающиеся обслуживанием, могут что-то сказать некоторым людям, и этот человек рассердится. Потом я скажу то же самое, и они очень милы и принимают это и продолжают свое дело. Это происходит два или три раза в день, и это вызывает некоторую враждебность со стороны другого обслуживающего персонала».

Светила из числа левых либералов Демократической партии чествовали Джонса за его «прогрессивные» взгляды. Мэр Сан-Франциско Джордж Москоун назначил Джонса в городскую комиссию по вопросам жилья. В 1976 году сенатор Уолтер Мондейл, позже избранный американским вицепрезидентом, пригласил Джонса на встречу в своем самолете, в котором он проводил предвыборную кампанию, и написал Джонсу: «Знание о глубокой причастности вашей конгрегации к основным социальным и конституционным проблемам нашей страны — это большое вдохновение для меня». Сенатор Аляски Майк Грэвел заявил, что «Храм народов Джонса» был «почти слишком хорош, чтобы быть правдой». Джозеф Калифано, министр здравоохранения, образования и социального обеспечения в правительстве Картера, служивший также в правительствах Кеннеди и Джонсона, написал Джонсу: «Зная о ваших взглядах и сострадании, ваш интерес к защите прав и свобод личности сделал выдающийся вклад в содействие делу человеческого достоинства». Бывший вице-президент Хьюберт Хамфри сказал, что работа Джонса «является доказательством положительного и действительно христианского подхода к решению бесчисленных проблем, с которыми наше общество сталкивается сегодня». «Ценности, «этика» и «идеалы» Джима Джонса действительно иллюстрируют сегодняшнюю либерально-демократическую идеологию, и Джонс действовал в манере, исторически совместимой с либерально-эгалитарной доктриной: он был социопатом, чья «социалистическая утопия» в джунглях британской Гайаны закончилась смертью более чем 900 его последователей спустя два года после того, как светила Демократической партии пропели ему свои хвалебные оды.

Поствьетнамская дезориентация

С поспешным уходом США из Южного Вьетнама основная причина воинственности Новых левых закончилась, что продемонстрировало мелкость их основ. Хайден заявляет, что «Новые левые служили своим главным целям и исчезли, оставив за собой только сектантский пепел». «Шестидесятые были... «десятилетием, готовым для мусорной урны»». Черные пантеры распались из-за внутренних дразг, «Уэзермены» «постепенно теряли свою цель и свои опоры. Йиппи были плакатом на стене. Марксистские фракции после SDS продолжали раскалываться на все меньшие и меньшие ячейки».

Некоторые, такие как Хайден вошли в мейнстрим, многие сделали «успешные переходы» наверстывая упущенное в их личной жизни и карьере, но поддерживая левые доктрины. Кое-кто, как Хайден, был избран в государственные учреждения, или присоединился к правительству Картера. Другие чувствовали себя отвергнутыми, мучениками и потом пришли к «открытию, что мы сами не были чисты... Мы колебались, теряли свой путь, прежде всего, из-за одной смерти за другой. То, что началось с высоким духом, внезапно закончилось, возможно, чтобы покончить с этим навсегда. Мы, утверждающие, что были хозяевами своей судьбы, обнаружили, что мы ими не были».

Культы «Новой эры» и методы лечения

В то время как пустота, наступившая после растянувшейся на десятилетие вечеринки с наркотиками, бунтами и беспорядочным сексом, привела к самоубийству Эбби Хоффмана, его товарищ по йиппи Джерри Рубин и многие другие обратились из Новых левых к Нью Эйдж («Новой эре»), хотя у обеих этих доктрин есть много общих черт. Рубин нашел психотерапию, которая применялась у Новых левых как метод контроля над мыслями, в EST (самотрансценденции эго, Ego Self-Transcendence), версии групповой терапии, основанной Вернером Эрхардом, теперь известной как учебный семинар Эрхарда (Erhard Seminars Training). Рубин заявил, что «EST как пожар распространится по всей Америке. Он обращается к основным потребностям человека и действительно работает, давая людям

большее понимание смысла самих себя. В различных отношениях это было самым сильным экспериментом роста, который у меня был». Это еще одна форма гуманистической психологии, которую восприняли Новые левые. Групповая терапия, или «семинары по человеческим отношениям» и т. п. давно стали частью мейнстрима, особенно для служащих корпораций и правительств, всюду в западном мире, и система Эрхарда остается в центре деятельности этой формы навязанного группового мышления. Рубин получил от EST то же самое чувство распада эго, которое он получил от пути Новых левых к трансцендентности через ЛСД: «Под ЛСД я чувствовал себя отделившимся от самого себя, свободным от моего эго, объединенным со всей энергией. Я чувствовал всех и все как одно целое. Сидение в комнате для тренингов [EST] без какого-либо чувства времени дало мне подобное наркотическому ощущение отсутствия чувства времени и пространства».

Ренни Дэвис, один из подсудимых по делу «Чикагской семерки» и член-учредитель SDS, был одним из первых, кто нашел новое значение через Нью Эйдж. После марша Новых левых на Вашингтон в 1971 году у Дэвиса было вызванное наркотиками видение, и он сказал поддерживающему Новых левых светилу Джону Фройнесу, что он верит, что случится огромная экологическая катастрофа, после которой выживут только «фрики», которые возьмут власть. В другом случае он сказал Хайдену и Джейн Фонде, что «Вьетконг был Иисусом Христом». Он полагал, что конец войны во Вьетнаме возвестит начало «Новой эры».

В 1972 году Дэвис посетил подписание Парижского мирного соглашения между США и Северным Вьетнамом и, убедившись, что война окончилась, «стал еще более дезориентированным, чем когда-либо». Он отправился в Индию и возвратился последователем пятнадцатилетнего Махараджа-джи, как и несколько других ветеранов Новых левых. Как и опыты Рубина с EST, «инициация» Дэвиса Махараджем-джи («толстый ребенок... носящий дорожную одежду и водящий дорогие автомобили, окруженный богатыми американцами в ашраме»), «продула все пустоты в моей голове», говорил Дэвис Хайдену. Дэвис сказал, что мог видеть только «свет» в течение «целых двух недель». «Это чертовски напугало меня, потому что я потерял в этом свою личность». Вскоре после этого, когда Дэвис стирал свою одежду в ручье, у него возникли галлюцинации, будто гигантская черная птица вошла в него, и он «чувствовал себя беспомощным, сломленным». Дэвис нашел новую цель в жизни, как часть Миссии божественного света Махараджа-джи для обращения в новую веру своего поколения.

Хайден называет Дэвиса «одним из самых стабильных и надежных» лидеров Новых левых, и был очень расстроен новой найденной целью Дэвиса. Все же, как и энтузиазм Рубина по поводу EST, Дэвис просто искал другую дорогу для тех же психологических побуждений, которые привлекли многих к Новым левым. Десятилетие спустя Хайден нашел Дэвиса, бросившего своего гуру, и ищущего инвестиционный капитал для исследований Нью Эйдж.

Алан Хейбер, основатель SDS, двадцать лет спустя занимался «изготовлением стола из вишневого дерева для глобальной мирной встречи на высшем уровне, которая, как он предполагал, должна была состояться в Мегиддо, месте в Израиле, где по пророчествам должен был произойти библейский Армагеддон». Хайден добавляет, что Хейбер, казалось, был «блаженным без какого-либо якоря».

Хайден, однако, мог понять возможное разочарование в опыте Новых левых, который привел много их ветеранов в Нью Эйдж:

«SDS в последний период его существования и другие подобные революционные коллективы были закрытыми анклавами с обожествлением лидеров, с контролем над мыслями, с коллективным пожиранием автономии отдельного человека — тоталитарными ячейками, ждущими апокалипсиса, который так никогда и не наступил. Такие группы, казалось, распространялись, как центры для беженцев, притягивающие к себе тех, кто был неспособен жить среди моральных и духовных недостатков общества. Хотя я первоначально поддерживал

их и был очарован ими, они, в конечном счете, оказались такими же отчуждающими, как правительственные учреждения, которые я оставил несколькими годами ранее».

Эта оценка несколько лицемерна. Хайден сделал больше, чем поддерживал и был «очарован» Новыми левыми, он был их основателем, и автором их основного манифеста, Порт-Гуронской декларации. Остается открытым вопрос, покинул ли бы он так резко Новых левых, если бы его не вычистили оттуда за то, что он был манипулятивным мужским шовинистом, и быстро нашел возможность вхождения в политический мейнстрим с помощью известности и денег своей жены. Тем не менее, его описание «тоталитарных ячеек» Новых левых поучительно: они действовали как закрытые миникульты, которые усиливали чувства отчуждения и «ломки» среди участников с апокалиптическим видением враждебного внешнего мира и нависшей гибели. Джим Джонс скреплял свой коммунистический культ такими же методами.

Все еще существуют те, кто пытается возродить лихорадочные дни 1960-х и 1970-х годов. SDS было восстановлено во многих американских университетских городках как «Новое SDS» и как «Движение за демократическое общество», чтобы удовлетворить прихоти стареющих ветеранов старых Новых левых, которые они теперь называют «Будущими левыми». Будущие левые это реанимация Новых левых как симптом регрессивной личности.

Существовало также то, что ветеран Новых левых Джаред Израэль, лидер Студенческо-рабочей фракции в SDS, горько расценивает как реабилитацию средствами массовой информации террористов «Уэзерменов», что он называет «Проектом выкупа «Уэзерменов»». Билл Айерс и Бернадин Дорн в частности стали знаменитостями СМИ и уважаемыми активистами, причем никто не осмеливается оспорить их утверждения, что они, мол, намеревались только вредить собственности, а не убивать людей. Джаред Израэль пишет: «Сегодня вызывает беспокойство, когда видишь в интернете молодых людей, смотрящих на Айерса и Дорн как на героев студенческого движения 60-х. Это означает, что ужасно вредные воздействия «Уэзерменов» используются повторно», добавляя: «В день, когда Билл Айерс заговорит откровенно, пойдет дождь, но не беда: СМИ могут творить чудеса для общественного восприятия».

23. Феминизм

Феминизм, возникший в конце 1960-х и в начале 1970-х среди Новых левых, обеспечил оба пола их сторонников дополнительным подкреплением к их соответствующим неврозам. Для женщин он придал дополнительное измерение их страхам, которое сделало все другие проблемы вторичными. Мужчин он обеспечил еще одним измерением вины, в этот раз за то, что они родились мужчинами, в дополнение к тому, что они были белыми и из среднего класса. Для еврейских подростков мужского пола это означало снова подчиниться матриархату, после того как они присоединились к Новым левым, чтобы избежать своих властных матерей. Феминизм открыл новую эру самокритики в Новых левых, когда радикалы-мужчины страдали из-за своей генетической принадлежности к капиталистическому патриархату привилегированных белых мужчин.

Среди Новых левых и Будущих левых, таких как из Движения «Оккупай» не все являются психопатами и социопатами, хотя многие из лидеров и бойцов явно как раз такие. Масса последователей этого лагеря, как можно заметить, являются обычными разнообразными невротиками. Их крики, визги и вопли оскорблений в адрес какой-то авторитарной фигуры, будь-то в виде реально присутствующей полиции, или виртуально, абстрактно присутствующей концептуальной фигуры «истеблишмента», такой как политический лидер, или еще более абстрактно, в форме правительства или идеологии, являются самотерапией под руководством социопатов.

Многие из вовлеченных в левые движения являются истериками, и

непропорциональная потеря ими контроля над собой ввиду любой предполагаемой ими несправедливости, причиненной им, такой как арест за нарушение общественного порядка, блокирование движения или вандализм, вызывает преувеличенную реакцию и преувеличенную эмоциональную демонстрацию мученичества. Те, кого арестовали за нарушение закона, будь это блокирование дороги или бросание «коктейля Молотова», или тренировка с оружием, приобретают статус мучеников среди своих поклонников, которые в состоянии стать опосредованными «революционерами», проводя кампании против мнимой «несправедливости» ареста.

Обычный неприметный активист переадресовывает свои чувства разочарования и неадекватности на политические цели, так же как социопат направляет свой гнев, разочарование и чувство неадекватности, более яростно как насильник, серийный убийца или отчужденный подросток, который может взять оружие в школу, или уволенный служащий, который будет стрелять в своих бывших боссов и товарищей по работе.

И невротик с проблемами гнева и неудовлетворенности, и психопат с более сильными импульсами, могут сублимировать и рационализировать свои чувства и действовать в соответствии с ними через левую политику, и радикальность движения или доктрины зависит от того, является ли их сторонник психопатом, готовым убить ради своей цели, или просто невротиком, желающим «выпустить пар», распевая лозунги и выкрикивая оскорбления.

«Политика гнева»

В попытке проанализировать «политику гнева» с социологической точки зрения профессор Мэри Холмс из Абердинского университета привлекла «вторую волну» феминистской литературы, особенно из Новой Зеландии. Холмс цитирует некую «Пэм», описывающую свой растущий гнев, сублимированный и усиленный через феминистскую идеологию, от своей начальной инерции до увеличивающегося негодования:

«Я стала щепетильной к замечаниям/отношениям, нацеленным на женщин, которые я никогда не замечала прежде как разоблачающие предубеждения против женщин... Чем больше я читаю об освобождении женщин, тем больше обиженный и сердитой я становлюсь, и тем меньше я способна высказаться самостоятельно на эту тему, или даже понять мои собственные чувства о том, что я хочу сделать со своей жизнью... Я спорю с другими об освобождении женщин и почти отчаялась из-за укоренившегося отношения к женщинам, как во мне самой, так и в других».

Как заявляет Холмс, гнев принес Пэм не понимание, а «замешательство». Холмс заявляет, что двойственное отношение среди феминисток к гневу вызвано распространенностью «представлений среднего класса». Здесь можно заметить, что, во-первых, «Пэм» — женщина с противоречивой личностью, ищущая смысл в доктрине. Этот внутренний конфликт приводит к расстройству, которое вызывает гнев. Вместо гнева как ответа на разочарование, понимание как отрицание, феминистки, или более широко левые, рассматривают его как положительное и нуждающееся в канализировании и укреплении. Более созерцательная, умозрительная позиция в отношении попытки решить внутренние конфликты расценивается в типично марксистской манере как «средний класс» и нуждается в вычистке из чьего-либо характера. Поэтому каждый подвергается самокритике, чтобы очистить себя от старых позиций.

Во время этой «второй волны феминизма» (1970-е — 1980-е годы) в Новой Зеландии радикальные феминистки маори начали оказывать влияние на левых. Одна посетительница на феминистском конгрессе наблюдала конфликт между гневом лесбиянок и гневом полинезийских феминисток:

«Мне напомнили, как притеснение может «вывихнуть» людей: лесбиянки в

этой группе были высокомерны, а не горды, неуверенны и напуганы, а не уверены, вредны и нетерпимы к их сестрам, а не женщине — любовь... На заключительной сессии полинезийские женщины выступили против расистской природы соглашения. Их гнев был бескомпромиссным все же достойный, и прямо на цели... В то время как мое внимание было отвлечено лесбийским вандализмом, я пренебрегла подлинным угнетаемым меньшинством на съезде».

«Между двумя фракциями был конфликт интересов, одна из которых была основана на расе, которая с того времени начала становиться заботой левых. Полинезийские феминистки считали белых лесбийских феминисток, которые были, по-видимому, преобладающей фракцией на съезде, высокомерными, неуверенными, напуганными, вредными и нетерпимыми».

Однако среди феминисток была также тревога относительно того, является ли гнев адекватным феминистским ответом, или он — симптом патриархальной агрессии. Но возражение на гнев часто состояло в том, что он должен быть направлен на «других» (то есть, на мужчин), а не среди женщин. Холмс пишет:

«Различение политизированного и персонифицированного гнева было трудным в общественных движениях, особенно в феминистском движении, которое объявило личное политическим. Однако интерпретации этого лозунга менялись. Некоторые чувствовали, что феминистская политика должна дать чувство личного удовлетворения, потому что это видение, помимо того, чтобы бросать вызов структурам власти, должно было включать и личные изменения, чтобы развиваться».

Следовательно, можно было бы прийти к заключению, что феминизм наряду с другими левыми движениями — это персонифицированный гнев, политизированный и рационализированный доктринальными интерпретациями. Левый феминизм был личной терапией, сформированной в политическое движение, что объединяло его с другими левыми движениями. Чувства гнева, неполноценности, подчинения, и т. д. были спроецированы не только на мужчин, но и на «структуры власти», идентифицированные как «патриархальные» или управляемые мужчинами. Левые взгляды как терапия были описаны некоторыми теоретиками феминизма как концентрирующиеся на «проблемах, которые объединяют женщин, обеспечивая личную способность проникновения в суть их притеснения», «из чего можно было вывести более широкие политические последствия». Этот еще больше углубило конфликт внутри феминизма, и привело к расколу в первоначальном новозеландском феминистском журнале «Broadsheet» между лесбийским и гетеросексуальным штатом, «и несколько лесбийских участниц оставили коллектив «Broadsheet» после споров вокруг разногласий в политике и преданности между гетеросексуальными и лесбийскими феминистками.

«Лесбийские феминистки были обвинены в слишком близком соединении их личной жизни (и в особенности их сексуальной жизни) с их политикой. Гетеросексуальные члены коллектива чувствовали, что стало почти невозможным критиковать политику лесбийских участниц, чтобы при этом не критиковать их личную жизнь. Сердиться из-за чего-то и спорить с кем-то — это стало уже почти невозможно различать. Это превратилось в вопрос уважения или неуважения к людям и/или группам».

Высокий уровень нарциссизма среди левых делает неизбежными частые расколы, и фракции внутри феминизма следовали тем же курсом. Можно отметить дальнейшие признаки распространенного и преобладающего нарциссизма:

«Согласно Энн Макфарлейн, «сердитые сепаратистские женщины» нападали на любого, кто говорил, и было нежелание говорить после зрелища «сильных, доведенных до слез». К 1980 году существовала группа конференции, названная «Десять лет освобождения женщин в Новой Зеландии». Она вовлекала, по словам Пилар Альбы, феминисток, которые чувствовали, что их опыт освобождения женщин был в значительной степени опытом того, что на них лично нападали и оскорбляли».

Холмс приходит к заключению, что «политику можно понять лучше, если учитывать эмоции, и особенно гнев, не только как мотивацию, но и как наличие противоречивой и движущей роли в политике». С точки зрения психоистории, это признак неврозов, психозов и социопатии, рационализируемых как политическая активность. Результатом этой «социологии гнева» слева часто является не только жестокая фракционность среди левых по самым педантичным мелочам доктрины, но когда они приходят к власти, этот нарциссизм приводит к массовой резне или заключению в тюрьмы их противников.

24. Интеллектуализирование педофилии

Новые левые дали де Саду, герою якобинской Франции, новый революционный толчок. Но рост феминизма в среде Новых левых в конце 1960-х ограничил возможности с женщинами и для нарциссических сексуальных хищников, и для неадекватных зануд-«ботаников». Однако «новая мораль», которая была предназначена для замены «буржуазного угнетения», распространилась на интеллектуализированную защиту педофилии под прикрытием «сексуальных прав детей». Это вызвало разногласия среди левых, особенно среди феминисток. Впрочем, если «мораль» подвергается нападкам как метод классового угнетения, и нигилистическое отношение к морали поощряет идею, что «все разрешено» во имя «свободного выражения», то ведь именно левые — сознательно или нет — заложили основы для педофилии как политического движения, как это случилось и с различными другими «меньшинствами».

Тэмми Брюс, старая феминистка и лесбиянка, бывший организатор Национальной организации женщин, а теперь крикливый критик «глубоко поврежденных людей из левой элиты», ссылаясь на академическую литературу, изданную для рационализирования педофилии, утверждает:

«Здесь вы видите продолжающиеся и интенсивные усилия изменить определения и подтолкнуть «язык нейтральных ценностей», вплоть до устранения слова «ребенок» из дискуссии... Конечно, только распространение морального релятивизма делает интеллектуально возможной эту линию аргументов... Помните, всякий раз, когда кто-то из этих членов левой элиты «давит» на случай нейтральной ценности, это обеспечивает стартовую площадку, которая поможет узаконить очередную книгу или монографию или газету, которая бросает вызов «табу» о растлении детей, «приводя доводы против моральной паники» вокруг детской сексуальности...»

Защищая трактат феминистской журналистки Джудит Левин о «сексуальных правах» несовершеннолетних, левый веб-сайт AlterNet напомнил читателям о корнях этой проблемы среди левых еще в 1970-х годах:

«Почему утверждение, что молодежь заслуживает сексуальной автономии, удовольствия и частной жизни кажется настолько радикальным? В 1970-х сексуальная революция была в полном разгаре, и идея о том, что дети и подростки были сексуальными существами, была принята, по крайней мере, среди прогрессивных».

Детский секс, как и другие проблемы морали, был политизирован с помощью простой уловки — трансформирования этого вопроса в вопрос «прав». Левин обвиняет в подавлении сексуальных прав ребенка и христианских правых, и элементы феминизма. Это становится классовым вопросом, согласно этим левым элементам:

«Заключение Левин, что «экономическая безопасность необходима для сексуальной безопасности» направлено в сердце повестки дня религиозных правых о частной жизни, родительских правах, и консолидации авторитета семьи как основной ячейки над интересами общества и потребностями молодого поколения. Но в таких неуместных приоритетах нет ничего нового: в конце девятнадцатого века, когда индустриализация привела детей на фабрики, моралистические взрослые беспокоились о том, как сохранить их от секса».

Здесь левые комментаторы связывают вопрос легализованной педофилии с противостоянием повесткам дня «религиозных правых» об экономике и семье. Сами дети становятся «классом». Левин пишет: «По закону определение класса людей, категорически неспособных соглашаться на сексуальные отношения, не является лучшим способом защитить детей, особенно когда «дети» включают всех от рождения до восемнадцати лет». Далее это становится еще одним средством ниспровержения власти родителей с целью разрушения семьи, главной цели Старых левых и Новых левых.

Важные части левых увидели в критике Левин часть наступления правых против «господствующего» мнения о более широких проблемах. Дебби Натан, которая была участницей комитета, рецензировавшего книгу Левин для издательства Миннесотского университета, заявляет, что:

«Истинная цель критиков, тем не менее, состоит не в том, чтобы защитить детей. Консерваторы подталкивают фундаменталистскую атаку на господствующие американские институты, такие как законность аборт, восприятие геев как нормальных людей, и сексуальное воспитание в общественных школах».

Успех левых таков, что то, что когда-то рассматривалось как чрезвычайное, теперь называется «господствующим». Следовательно, мы все теперь уже достаточно акклиматизированы для постепенного воплощения левых идей, так как, хотя мы и считаем левых якобы побежденными после распада советского блока, на самом деле левые доктрины были проданы нам под видом «демократии», «прогресса» и «равенства».

Аллен Гинсберг

Среди тех «прогрессивных» с 1970-х годов и ранее, кто положил начало интеллектуализации педофилии, был Аллен Гинсберг, один из ведущих гуру Новых левых и основатель близких им субкультур битников и хиппи.

Феминистский теоретик Камилла Палья продолжала защищать пропедофильскую позицию Гинсберга, и писала об устойчивом влиянии Гинсберга на «поп-культуру» и о его защите «любви мужчины и мальчика» (!):

«Через свое влияние на Боба Дилана (который, в свою очередь, влиял на «Битлз»), Гинсберг революционизировал рок-поэзию и непосредственно повлиял на мысли нескольких поколений молодых людей во всем мире... Что касается позиции Гинсберга в поддержку NAMBLA, то это одна из тех вещей, за которые я больше всего восхищаюсь им. Я неоднократно протестовала против истерии

готовой линчевать толпы, которая преследует проблему любви между мужчиной и мальчиком... Аллен Гинсберг был апостолом истинно визионерской сексуальности... Прославление Гинсбергом любви к мальчикам было чистым и безгрешным, демонстрируя ограничения иудейско-христианских парадигм сексуальности».

Мать Гинсберга была коммунисткой, которой в 1932 году поставили диагноз «dementia praecox» (шизофрения). Ей пришлось провести свою жизнь в психиатрических больницах. Его отец был социалистом. Аллен и его брат Юджин ходили в коммунистические летние лагеря для детей. Аллен и его брат своими глазами видели множество ужасающих эпизодов психических расстройств их матери, включая попытку самоубийства. Доктор К. Элан Юнг, писавший о травмах детства Гинсберга, упоминает о странном поведении его матери, цитируя биографа поэта Билла Моргана:

«Она редко носила платье в доме и вблизи его, и Аллен достаточно хорошо познакомился с анатомией своей матери. Он был особенно расстроен, когда увидел, что она носила только окровавленную прокладку, делая работу по дому. Позже, говоря с психиатрами, Аллен упоминал, что видел ее, носящую «набедренную повязку (пояс «котекс»», жирную, и с отвисшей грудью, с кровью на коленях. Конечно, кажется, что, если Наоми и не делала попыток сексуального заигрывания со своим сыном, она подошла очень близко к этому...»

Юнг комментирует:

«Эти обнажения, без сомнения, оказали глубокое воздействие на молодого Аллена Гинсберга, и он явно пострадал от очень прямой и открытой формы сексуальной травмы. Возможно, можно утверждать, что его отец, подвергая Аллена столкновению с таким расстройством матери столь долгое время, был виновен в небрежности (ясно, что он был в отчаянии). Но это, конечно, не сексуальное насилие, как его традиционно понимают. Однако сексуальная травма была практически такой же».

Гинсберг переехал со своим братом Юджином в небольшую квартирку. Они должны были спать вместе, Юджину было некомфортно из-за навязчивой близости его брата. Юнг продолжает:

«Позже Аллен развил в себе страсть к другим мальчикам в его школе, и однажды, повторяя нудизм его матери, «встал голым у себя на веранде за поручнями и демонстрировал себя прохожим на Хэлendon-Авеню. (Никто не заметил.) «Возможно, весь мой характер — эксгибиционистский», замечал Гинсберг, вспоминая об этом случае».

В Колумбийском университете Гинсберг воспринял идеи философов «поколения битников», таких как Джек Керуак и Уильям Бёрроуз. Чтобы избежать судебного преследования за опасное вождение, Гинсберг согласился на лечение в Колумбийском пресвитерианском психиатрическом институте, где он встретил другого «битникового» писателя Карла Соломона. С побуждения своего психиатра он стал все свое время посвящать поэзии. Его ранняя работа «Вой» стала декларацией страхов и тревог его поколения. Доктор Юнг приписывает его карьере как поэта поколений битников и хиппи травму детства Гинсберга, которая, по мнению Юнга, тем не менее, дала ему «силу», чтобы стать «творческим гением». Его поэзия воспекает эстетику «любви мужчины и мальчика», например:

«Некоторые думают, что любовь к мальчикам является злом в мире,

несчастливым развращением характера, достойным презрения человечества. Или глаза, которые плачут и грудь, которая болит за прекрасную молодежь. Нет рта, чтобы высказаться за общую правду человечества... Но вернемся во времена, когда наш эпический мир был нов, когда Гильгамеш следовал тенью за своим другом Энкиду...»

Гинсберг присоединился к старой организации защиты педофилов, Североамериканской ассоциации любви мужчины и мальчика (NAMBLA), что было логическим выражением его типичной для Новых левых приверженности «свободе». Это было подтверждено, когда спустя несколько лет после смерти Гинсберга в еврейском сообществе возник некоторый испуг:

«Газета оставила сообщение в штабе NAMBLA в Нью-Йорке с просьбой о доказательстве того, что Гинсберг действительно был членом этой радикальной организации. В среду утром представитель NAMBLA перезвонил и сказал: «Да, Аллен Гинсберг действительно был членом NAMBLA и часто высказывался в нашу поддержку».

На одной из веб-страниц NAMBLA цитируется высказывание Гинсберга: «Нападки на NAMBLA воняют политикой, охотой на ведьм ради прибыли, в них нет чувства юмора, но есть тщеславие, гнев и невежество... Я — член NAMBLA, потому что я тоже люблю мальчиков — как и все делают, у кого есть хоть немного человечности».

Отнюдь нельзя сказать с уверенностью, был ли Гинсберг практикующим педофилом. Тем не менее, важным остается то, что его защита педофилии была интеллектуализирована его левыми концепциями «свободы». Эта «свобода» была выражена особенно в том сознательно провокационном языке, который он использовал в своей знаменитой поэзии, где он защищал развращенный секс. Ему приписывают, что он был основателем и битников и хиппи. Согласно Шумахеру, считается что он «придумал термин «Власть цветов». Гинсберг стал номинальным главой всемирного молодежного движения в конце 1960-х».

«Красный Дэнни» и «права» (?) детей

У Даниэля Кон-Бендита, он же «Красный (или Рыжий) Дэнни», был более практический подход к детям. Одна из культовых фигур Новых левых на протяжении 1960-х годов, теперь он член партии «Зеленых» Европейского парламента, и сопредседатель Федерации партий «Зеленых» в Европейском парламенте. Кон-Бендит был одним из тех Новых левых, кто стремился расширить «сексуальное освобождение» на детей.

Даниэль Кон-Бендит, выросший в Германии, возвратился во Францию в 1966 году, и во время учебы в университете присоединился к анархистам. В Университете Нантерра он организовывал акции по типично юношеским проблемам, таким как «сексуальная свобода», и захватил спальню девушек в качестве протеста. Эти выходки положили начало более широкому радикальному студенческому движению. Слухи о том, что его собираются выгнать из университета, привели к захвату студентами административных помещений 22 марта 1968 года. Закрытие университета вытолкнуло студенческие демонстрации на улицы Парижа, приведя к революции во Франции. Столкновения между полицией и студентами вызвали всеобщую забастовку, начавшуюся 13 мая и поддержанную французской коммунистической партией.

Работая в марксистском книжном магазине в Германии, Кон-Бендит также управлял «антиавторитарным детским садом» (kinderladen). Опубликованный в 2001 году отчет о приключениях Кон-Бендита с детьми под его опекой в 1970-х годах служит фоном идеологии

Новых левых, и показывает, как эта идеология породила окружающую среду, в которой могли возникнуть такие «эксперименты» по «свободному выражению». Репортер «London Observer» Кейт Коннолли расспрашивала Кон-Бендита о намеках, которые тот сделал в одной статье 1976 года для журнала «das da», основываясь на комментариях в его книге 1975 года «Великое безумие». В статье в «das da» Кон-Бендит писал:

«Мой постоянный флирт со всеми детьми скоро принял эротический характер. Я действительно мог чувствовать, как маленькие девочки, начиная с пяти лет, уже научились заигрывать со мной. В это едва можно поверить. Большую часть времени я был довольно незащищенным... Со мной несколько раз случалось, что несколько детей расстегивали ширинку моих брюк и начали поглаживать меня. Я реагировал по-разному, каждый раз согласно обстоятельствам, но их желание сталкивало меня с проблемами. Я спросил их: «Почему вы не играете друг с другом, почему вы выбрали меня, а не других детей?» Но когда они настаивали на этом, тогда я погладил их. По этой причине меня обвинили в извращенном поведении».

Кон-Бендит, как образец «сексуальной свободы», та самая главная «проблема», которая зажгла восстание, которое почти свергло французское правительство, пребывал в моральной дилемме, и едва мог отклонить сексуальные заигрывания пятилетних девчонок в соответствии со своей революционной совестью. Говоря с Коннолли, Кон-Бендит интеллектуализировал это свое признание как просто «словесную провокацию»:

«Это было задумано, чтобы проиллюстрировать трудности педагога при воспитании детей: как кто-то воспринимает, что у детей есть сексуальность, и также как признать сопротивление, против которого должны работать педагоги. Это было написано в автобиографической манере и не было научным — это было литературное преувеличение. Я признаю, что то, что я написал, недопустимо в настоящее время. Когда я смотрю на те фразы сегодня, я говорю самому себе, «Эй, Дэнни, это невозможно!» Вполне оправданно, что известным лицам приходится противостоять своему прошлому».

Коннолли объясняет, что, когда Кон-Бендита выслали из Франции в Германию, он был вовлечен в дебаты о детском образовании, и взял на себя руководство «kinderladen», который был создан как антиавторитарный детский сад, которым управляли и финансировали левые. Он устроился на работу в «kinderladen» как «нянь», когда учился во Франкфуртском университете, и проработал там в течение двух лет. Он стремился создать отношения личной зависимости с детьми, и писал в «da das»: «Я понял, что у меня была потребность быть принятым ими любой ценой. Я хотел, чтобы детям понравился я, и я сделал все, чтобы удостовериться, что они стали зависимыми от меня». Он объяснил доктрину «kinderladen» в интервью The Observer. «Наша идея состояла в том, чтобы позволить им понимать свои личности через выражение своих потребностей. Не педофилия возбуждала меня». Тем не менее, это левая доктрина создала рационализацию для нездоровых отношений между воспитателем и детьми; как раз тот тип отношений, который стремятся культивировать педофилы.

Коннолли уместно отмечает, что движение «kinderladen» открывает вопросы о «социальных и сексуальных нравах» эры Новых левых. Она цитирует Герда Кёнена, радикала того времени: «Это было время заходящих очень далеко экспериментов в образовании». Цель состояла в том, чтобы устранить «фиксацию» детей на их родителях и создать детскую «боевую группу солидарности», чтобы бороться с империализмом. Кёнен заявляет, что стены «kinderladen» украшали портреты Мао Цзэдуна. «Детей выводили на улицы для демонстраций, а в более радикальных «kinderladen» сексуальные игры стали частью их игр». Движение полагало, что новое поколение нуждалось в освобождении от своих родителей, которых Банда Баадера-Майнхоф называла «поколением Освенцима».

О Новых левых в Германии Кёнен говорил, что «они пытались добиться полного разрыва со своими родителями. Но в свою очередь многие подсознательно также сделали разрыв и со своими собственными детьми». Члены Банды Баадера-Майнхоф были убежденными сторонниками движения «kinderladen», считая, что необходимо бросить своих детей, чтобы вести городскую войну, заявлял Кёнен. «Они рассматривали это как часть более высокой цели своей террористической деятельности. Они могли тогда сказать, что «я автономен, мои дети автономны, мы все более сильны из-за разделения»».

Особенно важно следующее утверждение Кёнена:

«В определенной степени эти дети были человеческими «подопытными кроликами» в этом социальном эксперименте, и сегодня существует поколение детей, которые пострадали от того, что они были брошенными и незащищенными».

Новые левые поддерживали и продвигали то, что попытались сделать большевики в самые первые годы советской власти — социализацию детей с помощью отделения их от родителей и воспитания в государственных заведениях по уходу за детьми. Эта политика большевиков была направлена на разрушение семьи, и впоследствии Сталин изменил ее на полностью противоположную. Но Новые левые полностью подхватили изначальную большевистскую политику. Дети были «подопытными кроликами» и снова являются такими и теперь с приверженностью «Будущих левых» «правам детей» в новой попытке разрушить связь родителей и детей. Педофилия часто рационализируется преступником, как якобы полезная для детей, и эту линию левые по-прежнему интеллектуализируют. Это не аномалия среди левых, нет, это последовательное развитие левой доктрины.

25. «Безумие» как социальный бунт

Банда Баадера-Майнхоф

В то же самое время, когда Подполье «Уэзерменов» «принесло домой войну» в США, их коллеги в Федеративной Республике Германия предпринимали подобные действия, с подобной идеологией, под эмблемой с красной звездой и автоматом Фракции Красной армии (RAF), иначе известной как Банда Баадера-Майнхоф. Особенно интересно то, что руководство второго поколения RAF было собрано из психически больных, в то время как вожди первого поколения включали социопатов.

Социолог доктор Гюнтер Вагенленер пришел к заключению, что мотивами городских террористов RAF были больше «психопатологические расстройства», чем политика. Вагенленер заметил, что террористы Баадера-Майнхоф обвиняли государство во всех их личных проблемах. Терроризм был «индивидуальной формой освобождения». «Эти студенты стали террористами, потому что они пострадали от острого страха и от агрессии и мазохистского желания, чтобы их преследовали». Психолог Конрад Келлен так же пришел к выводу, что большинство террористов RAF «страдает от глубокой психологической травмы», которая «заставляет их видеть мир, включая их собственные действия и ожидаемые последствия этих действий, в чрезвычайно нереалистичном свете».

Террористы Баадера-Майнхоф пытались решить те же проблемы с психопатической неспособностью приспособиться к окружающему миру, что и их американские коллеги. Как их двойники в США и, по сути, во всем западном мире, они воспринимали государство или «истеблишмент» как представляющее ценности и нормы своих родителей, и, разрушая государство или убивая его представителей, они убивали своих родителей. Это было переадресованное матереубийство и отцеубийство, интеллектуализированное как движение за свободу и равенство.

Фракция Красной армии была основана в 1970 году после побега из тюрьмы Андреаса

Баадера, который отсидывал там трехлетний тюремный срок, наряду с Гудрун Энслин, за то, что они бросили зажигательные бомбы в два универмага во Франкфурте в 1968 году. Андреас Баадер был мелким преступником, маниакальным автомобильным вором и наркоманом, без каких-либо политических интересов до его прихода в революцию под руководством Энслин, хотя его обращение в левую веру не удержало Баадера от привычки по-прежнему называть женщин «пёздами». Энслин была дочерью пастора, и тюремный доктор Гельмут Хенк вспоминал о ее «холодном, по-видимому, шизоидном характере».

Ульрика (Ульрике) Майнхоф была хорошо известной и уважаемой журналисткой из семьи среднего класса. Ее интерес к политике начался, когда она вступила в Социалистический союз немецких студентов в университете Мюнстера. Она была особенно активна в антиядерных кампаниях. В 1958 году она присоединилась к запрещенной Немецкой коммунистической партии. Она писала для студенческого коммунистического журнала «Konkret», стала его главным редактором в 1960 году, и в 1961 году вышла замуж за его издателя Клауса Райнера Рёля. Она прославилась в 1961 году после иска по обвинению в клевете, который подал на нее консервативный политик Франц Йозеф Штраус, которого Майнхоф сравнила с Гитлером. В 1962 году, после рождения девочек-близняшек, она прошла нейрохирургическую операцию из-за опухоли, которая оказалась доброкачественной.

Повреждение головного мозга

Нейрохирургическая операция вызвала у Майнхоф повреждение головного мозга. Это нейрофизиологическое повреждение, объединившись со скрытыми чертами, которые уже присутствовали в характере Майнхоф, привело ее на путь к недоброй славе одной из самых печально известных террористок в истории.

Майнхоф была популярной и уважаемой журналисткой. Она жила в достатке, на вилле, заполненной старинными вещами, и вращалась в «высшем обществе». Это несоответствие между образом жизни и убеждениями породило в ней беспокойство. Марсия Шенк в своем биографическом исследовании RAF пишет:

«Ульрика Майнхоф закончила свою бурную жизнь после 41 года, совершив самоубийство в тюремной камере — это было ее последним актом бунта. Ее личность до сих пор остается тайной. Неожиданно она превратилась из одаренной красивой женщины и преданной участницы движения за мир в соучредителя главной террористической организации Германии, RAF. Ульрика Майнхоф была матерью, женой, и женщиной, страдающей от патологической агрессии, так же как от бесконечных сомнений в себе».

Несоответствие между ее реальной и ее идеальной жизнями, по словам самой Майнхоф, «разрывало ее на части». Она требовала прочности и была неспособна разделить две свои жизни. Майнхоф в дневнике писала о своем беспокойстве:

«Мои отношения с Клаусом, мое принятие истеблишментом, моя работа со студентами — три аспекта моей жизни, которые кажутся противоречивыми, тянут в разные стороны и рвут меня изнутри на части. Наш дом, вечеринки, кемпинги, все это только частично приятно, но среди прочего это фундамент, на базе которого я могу стать подрывным элементом. Выступления на телевидении, контакты, внимание, которое я привлекаю, все они — это часть моей карьеры как журналистки и социалистки... Я даже считаю это приятным, но это не удовлетворяет мою потребность в теплоте, солидарности, принадлежности к группе. Игра, которую я веду... только частично соответствует моей истинной

сущности и потребностям, потому что она заставляет меня принять позицию куклы-марионетки, вынуждая меня говорить о некоторых вещах с улыбкой, тогда как для меня, как и для всех нас, они смертельно серьезны — потому я говорю их с усмешкой, как будто под маской».

Очевидно то, что Майнхоф чувствовала себя отчужденной, несмотря на ее общественную жизнь, профессиональный успех и семейную жизнь с мужем и детьми. По словам ее приемной матери, она нуждалась в подбадривании со стороны других, потому что ей не хватало уверенности в себе, и ей требовалась более сильная личность, которая поддерживала бы ее. Майнхоф искала и смысл своей идентичности, и чувство принадлежности и поддержки в том, что составляло — как многие закрытые «тоталитарные» радикальные группы — культ, секту.

С 1968 года ее статьи становились все более и более радикальными с упоминаниями насилия. В 1968 она развелась с Рёлем, в следующем году ушла из «Konkret», и планировала неудавшийся захват помещений редакции в знак протеста против того, что она расценила как контрреволюционную линию журнала. Она теперь становилась все более и более изолированной. Она переехала в Берлин в 1970 году, и связалась с самыми радикальными левыми. После побега из тюрьмы Андреаса Баадера она ушла в подполье, и устроила так, чтобы ее детей похитили из школы, с целью отправить их в палестинский приют, в то время как она проходила террористическую подготовку в Иордании. Но журналисту Штефану Аусту удалось найти детей в Сицилии и вернуть их отцу.

Марсия Шенк пишет:

«Время от времени Ульрика Майнхоф демонстрировала раскаяние и признаки слабости, потому что она скучала по своим детям, но давление группы, смесь угроз и обвинений, оказалось успешным, и Ульрика Майнхоф капитулировала перед тем фактом, что она не могла быть одновременно террористкой и матерью. Она оставила своих детей ради того, что, как она верила, было политической борьбой против империалистического государства ради поиска справедливости в мире. Большой план требует личных жертв. Это решение говорит о личности Ульрики Майнхоф. Насколько она была мозгом группы и ее голосом для внешнего мира, настолько она была слаба и покорна на личном уровне Баадеру и Энслин. Она была нервной и склонной к жесткой самокритике».

Вот все черты культа, обладающего политическим фасадом. Майнхоф была ментально уязвимой и неуверенной. Она искала уверенности в группе, ради которой, как сторонники вообще всех культов, она была готова пожертвовать всем, включая свою семью. Если ее общественная персона была «мозгом» группы, то ее общественную репутацию лишь эксплуатировали настоящие лидеры культа — Баадер и Энслин. У нее были комплексы, которые усиливались и управлялись лидерами культа, и мы снова видим, что использование самокритики как механизма управления гарантирует порабощение. Действующая групповая динамика тут была такой же, что и у Храма народов Джима Джонса. У Джонса все закончилось массовым самоубийством в Гайане, а в случае лидеров RAF — самоубийством в камерах немецкой тюрьмы.

Баадер во время пребывания в палестинском тренировочном лагере в Иордании оценил Майнхоф как «бесполезную». Она приняла эти унижения без сопротивления. Если такое мужское эмоциональное оскорбление — признак нарциссической личности, распространенный среди склонных к оскорблению и насилию мужей, которые управляют своими женами, то согласие людей с критикой в их адрес со стороны группы или лидера группы снова является типичным для культа и задумано для того, чтобы сохранить человека подвластным. Техника самокритики держит человека в продолжающемся состоянии душевной неустойчивости в надежде на одобрение. Шенк пишет:

«Вопреки тому, что подразумевает название «Банда Баадера-Майнхоф»,

влияние Ульрики Майнхоф в группе в это время было довольно слабым, потому что она была очень неуверенна, когда дошло до межличностных отношений внутри группы, даже при том, что в своих публикациях она была твердой, сильной и убедительной».

Радикальная поза в написанных словах и подвластный, зависимый характер снова показывает несоответствие между реальным и идеальным мирами Майнхоф. Ее экстремистские статьи были попыткой самоутвердиться. Ее вовлеченность в насилие была этой попыткой, доведенной до социопатического вывода.

Но так как Баадер был преступником до того, как пришел к политическому терроризму, он был прав в оценке Майнхоф как «бесполезной» для преступной деятельности: она оторвала руль автомобиля, который пыталась украсть, она оставила большую часть денег в банке после грабежа, и она неправильно написала адрес на посылках, содержащих украденные чистые паспорта, официальные печати и другие предметы, которые нужны были для изготовления фальшивых документов.

После кампании взрывов бомб и грабежей Майнхоф была арестована на одной квартире в июне 1972 года. В тюрьме она записала, что у нее такое чувство, будто ее «голова взрывается», будто макушка ее черепа готова «расколоться и оторваться», а спинной мозг придавлен к головному мозгу. После нападения на тюремщика, она написала самокритическое замечание за это нарушение дисциплины RAF:

«Я стукнула тут одного легавого по голове туалетным ершиком. Все то же самое старое дерьмо: Я думала только о себе — хотела выпустить пар в драке — самокритика: я не думала о последствиях, как легавые могли бы использовать это против RAF».

В 1974 году Майнхоф участвовала во всех четырех голодовках заключенных RAF. Однако Баадер, Энслин и она тайно получали еду согласно их местам в иерархии RAF, в то время как другие заключенные RAF умерли от голода. Тут снова можно заметить самовлюбленность даже у явных идеалистов, таких как Майнхоф. Будь то Мао Цзэдун, правящий Китаем и живущий в свиной роскоши, в то время как его народ голодает, или немногочисленные лидеры культов, ставящие себя в привилегированное положение выше своих последователей, социопатия тут отличается только в зависимости от степени влияния.

Майнхоф в ноябре 1974 года была приговорена к восьми годам тюрьмы. Намереваясь написать историю RAF, она оставалась разрушенной неуверенностью в себе, и даже теперь верила, что все еще не полностью порвала с истеблишментом. В 1974 году Майнхоф была среди пяти лидеров RAF, обвиненных в пяти убийствах, на судебном процессе, продолжавшемся два года, и все это время независимые ячейки RAF продолжали действовать. Ее отношения с Энслин, с которой она сидела в тюрьме, за эти четыре года настолько ухудшились, что стали «зверскими, жестокими и коварными». 8 мая 1976 года Ульрика Майнхоф повесилась в своей камере. Левые пытались эксплуатировать ее смерть, утверждая, что это, мол, было государственное убийство.

Шенк комментирует, что самоубийство, более вероятно, было результатом собственной социопатии лидеров RAF, направленной друг против друга:

«Вместо того чтобы совместно бороться для определенной цели, лидеры RAF провели больше времени, борясь друг против друга в психологической войне, которая была не только жестокой и бессмысленной, но также самоубийственной и контрпродуктивной. Это частично было последствием проживания в строгих тюремных условиях, но также и выражением появления подсознательных конфликтов, которые скрытым образом влияли на группу, начиная с ее основания. Они были в первую очередь, результатом взаимодействия несовместимых людей, которые преодолевали трудные межличностные отношения. Другой член RAF Петер-Юрген Боок, которому пришлось расшифровывать секретные послания

между заключенными RAF, вспоминал, как он прочел, что лучшее, что Ульрика Майнхоф могла бы сделать со своей несчастной жизнью, было бы убить себя. Внутри RAF никто не сомневался относительно ее самоубийства, и степень разногласий в группе стала ясной. Горе, казалось, было простой маской, чтобы поддержать тезис о ее убийстве».

Когда ученые изучили мозг Майнхоф, они выдвинули гипотезу, что операция, которую она перенесла в 1962 году, возможно, вызвала изменения ее личности, которые привели ее к экстремизму. Профессор-невропатолог Юрген Пайффер, который делал вскрытие трупа, нашел деформации мозга Майнхоф. Он полагал, что повреждение головного мозга, вероятно, вызвало ее потерю чувства реальности. В 1997 году мозг Майнхоф дали для экспертизы психиатру Бернхарду Богерцу. Богерц пришел к выводу, что скобка опухоли во время хирургии ранила правое полушарие, отвечающее за эмоциональное восприятие. Богерц заявил, что «операция привела к патологическим изменениям ее мозга, что, возможно, вызвало увеличенную агрессивность Майнхоф, так же как изменения в поведении, превратившие ее из честлюбивой журналистки в соучредителя ультралевой террористической группы RAF». «Соскальзывание в террор может быть объяснено мозговой болезнью», сказал он. Муж Майнхоф Рёле также вспоминал, что после операции Ульрика стала хладнокровной, отдаленной и сексуально бесчувственной.

Пайффер написал письмо дочери Майнхоф Ренате Римек, и та подтвердила, что после операции ее мать претерпела изменение личности, которое привело к «частичному самоотчуждению». Доктор Пайффер написал отчет о своих результатах в 1976 году, заявляя, что:

«Возможно, это разрушило бы не только легитимацию RAF, но также и доверие ко всему движению внепарламентских левых, если бы стало известно, что голосом их движения, автором многих важных статей и программных работ, которые заложили идеологическую структуру RAF, и одним из членов-учредителей Банды Баадера-Майнхоф была патологически больная женщина».

Социалистический коллектив пациентов: превращение болезни в оружие

Пополнение левых новыми членами из среды пациентов психиатрических клиник представляется особенно подходящим. Пациенты психбольниц спасли Фракцию Красной армии после того, как ее члены-учредители попали в тюрьму. Студенты-психиатры и их пациенты в Германии сформулировали новую социалистическую доктрину классовой борьбы, в которой новыми противоборствующими классами стали класс пациентов и класс докторов. Врачей считали истинным правящим классом капитализма, и само понятие «здоровья» расценивалось как «нацистское».

Фактически это было развитием марксистско-фрейдистских, социалистическо-психиатрических доктрин Франкфуртской школы критической Теории. Как мы уже видели, ученые, подобные Теодору Адорно и Вильгельму Райху, развивали теорию психологии, основанной на социальном восстании, утверждая, что восстание против нормативных ценностей было здоровым явлением. Они перевернули нормальность с ног на голову, вследствие чего психопатия была интеллектуализирована как новая нормальность против репрессивной системы.

Доктор Вольфганг Хубер, психиатр психиатрической клиники Гейдельбергского университета с 1964 года, основал Социалистический коллектив пациентов, также известный как Фронт пациентов, на основе терапевтической группы, которая включала и студентов и пациентов в 1970 году. Мы уже ранее видели, как групповая терапия стала существенным элементом у Новых левых в США. Когда администрация университета попыталась уволить

Хубера, его пациенты организовали Социалистический коллектив пациентов (SPK), начали протесты и захватили административные помещения больницы, пока университет не отступил.

Лозунгом SPK было «превратить болезнь в оружие». Это сознательное раскрытие того, чем была большая часть левых на протяжении всей истории на подсознательном уровне. SPK поддерживал болезнь как положительный признак в развитии человека.

Союзники Хубера

Объявление SPK психического заболевания как желательной и революционной черты получило одобрение светил Новых левых, таких как философ Жан-Поль Сартр, который написал предисловие к книге доктора Хубера «SPK — превращение болезни в оружие» в 1972 году. 5 июля 1971 года в Нью-Йорке прошла демонстрация Новых левых в знак солидарности с SPK. В 1972 году Хубер и его жена Урзель были заключены в тюрьму. В ноябре 1975 года оба объявили голодовку — главная тактика, рекомендуемая Хубером. 2000 участников на Психоаналитическом конгрессе на тему «секс и государственный строй» в Милане призвали к освобождению Хуберов.

Левые философы и социологи выстраивались в очередь, чтобы поддержать Хубера. Среди них были:

Жан-Поль Сартр, знаменитый французский экзистенциалистский философ и гуру Новых левых во всем мире.

Симона де Бовуар, экзистенциалистский философ и любовница Сартра. Она особенно известна своей книгой «Второй пол» (1949), основополагающим текстом о феминизме.

Жан-Жак де Фелис, французский адвокат, который защищал революционеров.

Роберт Кастель, французский социолог.

Феликс Гуаттари (Гваттари); ведущий сторонник групповой терапии. Гуаттари редактировал троцкистскую газету «Коммунистический путь» (1964-1965). В 1965 году он основал Федерацию групп институциональных наук и исследований. Гуаттари был связан со многими левыми акциями, включая беспорядки Новых левых 1968 года, которые потрясли Францию. Когда он писал о Ленине и психиатрии, то заявил:

«Я верю, что все еще есть причина быть ленинцем, по крайней мере в том точном моменте, что маловероятно ожидать спонтанности и творчества от масс, чтобы создать аналитические группы длительным способом...»

Цель Гуаттари, как и цель Хубера и многих других, поэтому состояла в том, чтобы создать коммунистическое общество через психиатрию — под маской «антипсихиатрии» и власти пациентов — при использовании групп психотерапии как нового типа коммунистической революционной ячейки.

Гуаттари сформулировал психологическую доктрину для революции, в которой подсознательное расценивалось как то, что должно было быть еще приведено к сознанию как часть нового политического и общественного строя, в котором даже аспекты самого «интимного» вида в «частной жизни» кого-то могут стать «решающими затруднениями в исторической причинноследственной связи».

• Жан-Клод Полак, французский психиатр и редактор левого психиатрического журнала «Химеры», основанного Гуаттари, который на него сильно повлиял. Полак — сын еврейских беженцев из Польши, которые были коммунистами с ранней молодости. Его отец умер, когда Полак был ребенком. Он и его мать поехали в Латинскую Америку, где он присоединился к коммунистическим молодежным группам. Полак заявляет в интервью, что его всегда влекло к «измене», к поддержке вражеских государств, и в течение 1960-х он и другие левые французы поддерживали алжирское восстание против французского правления. Его интернационалистское мировоззрение, отвергающее любое чувство национальной

лояльности, возможно, объясняется его постоянными переездами, начиная с детства, и отсутствием родных корней. В то время, еще будучи студентом, он присоединился к ячейке коммунистической партии в психиатрической больнице.

- Дэвид Купер, родившийся в Южной Африке психиатр и «экзистенциальный марксист». Его теория психоза подобна теории Хубера. Купер считал, что психоз это результат конфликта между истинной идентичностью и навязанной извне социальной идентичностью, который может быть решен только революцией. Как и Хубер, он также выступал против психиатрического лечения и вместо этого выступал за политизацию. В 1967 году он помог организовать Конгресс по диалектике освобождения, который привлек гуру Новых левых, таких как поэт хиппи Аллен Гинсберг, гуру Новых левых профессор Герберт Маркузе, и лидер Черных пантер Стокли Кармайл. В 1974 году у Купера случился физический и психический срыв после завершения его книги «Смерть семьи». О нем заботились его брат и невестка. Эта книга была марксистской полемикой против семьи, и, возможно, расстройство самого Купера после окончания ее написания было реакцией на его собственные внутренние конфликты, так как именно члены семьи нянчили его.

- Мишель Фуко, знаменитый французский философ. Фуко был учеником французского коммунистического теоретика Альтюссера. Выросший в семье преуспевающего доктора, Фуко очень мало рассказывал о своем детстве, кроме того, что был в юности преступником, а его отец был «хулиганом». Он поехал в Париж в 1950-х, и с композитором Жаном Барраком баловался употреблением тяжелых наркотиков и садомазохизмом в попытках увеличить творческий потенциал. Фуко оставался восторженным практиком гомосексуального садомазохизма, предаваясь удовольствиям «гей-сцены» в своих поездках в Сан-Франциско, когда преподавал в Беркли. Он умер от осложнений СПИДа в 1984 году.

- Франко Базалья, влиятельный итальянский психиатр, он успешно проводил кампанию по закрытию всех психбольниц Италии. Как и Купер, Хубер и др. он считал причиной психических болезней социальные учреждения, и, как Хубер, он заявлял, что психиатрия была контрольным механизмом «истеблишмента». Устранение психиатрических учреждений стало платформой итальянской коммунистической партии в 1970-е годы.

- Роже Жанти, французский психиатр и противник психиатрических учреждений.

- Мони Элькаим, семейный врач в Брюсселе, и коллега Гуаттари, он основал Réseau International (Международная сеть для альтернатив психиатрии), 74 из участников которой подали прошение за освобождение Хубера, когда тот был заключен в тюрьму.

Доктрина «безумия» как формы социального восстания явно занимает существенное место в левом движении и долго продвигалась выдающимися психиатрами и другими социологами.

Купер написал введение к книге Фуко «Безумие и цивилизация», в котором он заявил:

«Безумие стало в нашем возрасте своего рода потерянной правдой». В «Языке безумия» Купер заявил, в терминологии, подобной словам Хубера, что «безумие — это постоянная революция в жизни человека... деконституция себя с неявным обещанием возврата к более полно реализованному миру». Купер видел попытки диагностировать и лечить «безумие», особенно шизофрению, как нечто «изобретенное специализированными психополицейскими агентами заключительной фазы капиталистического общества». Как Хубер, он рассматривал «безумие» как освобождение, и в особенности освобождение от семьи: «Безумие (вопреки большинству интерпретаций «шизофрении») является движением от «семьянизма» (включая смоделированные семьей учреждения) к автономии. Это реальная «опасность» безумия и причины его насильственного подавления». Купер считал «все заблуждения «политическими декларациями» и всех сумасшедших — политическими диссидентами».

Хубер тогда определенно не был одиноким чудачком среди левых; он был частью влиятельного потока мысли среди «экзистенциалистских марксистов», которые занимали видное место в общественных науках, таких как Фуко и Купер, а до них теоретики Франкфуртской школы, такие как Маркузе и Адорно, считавшие традиционные учреждения, такие как семья, репрессивными в психологическом отношении. Многие левые социологи

поэтому видели в Хубере одного из своих единомышленников, преследуемого государством.

В «Предисловии» к немецкому изданию 1993 года «SPK — превращение болезни в оружие» Хубер объяснил замысловатую идеологию SPK в нетипично краткой манере:

«Быть современным в настоящее время означает совершенно другие вещи. Самая большая промышленность больше не та, что производит оружие, компьютеры, автомобили или космические корабли. Самая большая промышленность в настоящее время это та, которая делает фальшивки, чтобы произвести здоровье, то есть вещь, которой никогда не существовало и которая никогда не будет действительно существовать, за исключением иллюзии, подпитывающей нацизм во всех его прошлых и будущих вариантах (Heilwesen — «здравоохранение»). Капитализм получает свою самую большую прибыль от этой главной промышленности, и недалек день, когда половина населения в западном мире каждый день будет или работать в больницах или будет эксплуатироваться там как доктора-пациенты, другая половина. Вращение системы. Для забавы? Только для соответствующих планетарных правителей (ради НЕБЕС!) или звездных правителей».

Стратегия состоит в том, чтобы мобилизовать медицинских пациентов как новый люмпенизированный слой в сражении против истинной силы позади капитализма: медицинской профессии. Как фиксация RAF на воображаемый нацизм их родителей, включая тех, кто сопротивлялся Гитлеру, которых они называли «поколением Освенцима», революционеры от болезней рассматривают само понятие «здоровья» и поиск здорового населения как по самой сути «нацистское». Хубер объяснял, что Гитлер был инструментом заговора врачей, в отличие от ортодоксальной коммунистической доктрины, что он-де получил власть по воле монополистических капиталистов:

«Ну, уже за много десятилетий постоянно накапливались факты и признаки того, что Гитлер пришел к власти не через кризис и душу. Скорее кажется, как будто международная элита врачей нашла в нем и его товарищах своего человека, которого они могли использовать, чтобы обладать полной медицинной монополией на убийство и ятрократическое одурманивание с властью на короткое тысячелетие».

Новый «пролетариат» революции — пациенты, и место фабрик как центров капиталистической эксплуатации заняли больницы, и новый правящий класс — врачи. Следовательно, марксистская доктрина теперь применима к этой новой диалектике:

«Поэтому мы просим читателя следующих страниц отнюдь не считать выражение «классовая борьба» только древним марксистским атавизмом... Потому что классовая борьба уже давно вернулась, только не на фабрики, которыми управляют профсоюзы и боссы, но в больницы, которыми управляют врачи, подчиняя и эксплуатируя пациентов, производя иллюзорный товар «здоровье» на тех фабриках, невзирая на любое профсоюзное движение, не обращая внимания на любые партизанские действия».

«Классовая борьба в настоящее время и единственная настоящая проблема, которая должна быть решена», это борьба пациентов против докторов. В идеологии SPK территориальный империализм заменен «медицинским империализмом», и власть финансовых банков заменена властью банков пересадок органов. «Империализм, имеющий дело с органами детей и т. д., здесь и сейчас так же поступает со странами и народами, как написано в марксистских книгах». Хубер советует: «Используйте ваш собственный опыт болезней и превратите фантазию в действие». Болезнь дает новую революционную динамику:

«...Это потому, что болезнь обладает силой, требующейся для того, чтобы вызвать революционное изменение, силой как вращающим моментом [«Die Krankheit hat Kraft zum Drehmoment»]; болезнь является всеобъемлющей силой, которая расширяется за все границы, выше материи, энергии, пространства и времени: болезнь является абсолютным ускорением, скоростью света, как внутри, так и снаружи, как физически абстрактной, так и конкретной в обществе в целом».

«Главным направлением» революции теперь стала бы не «экспроприация собственности» у эксплуататоров, но «экспроприация болезни», «применение болезни», «оскорбление болезнью», и превращение ее в «политические, экономические и теоретические связи и контексты» в «мировом масштабе».

Оригинальный документ SPK обрисовывает в общих чертах одиннадцать принципов новой революционной дихотомии:

Тезисы и принципы: 11 x БОЛЕЗНЬ

1. Болезнь — условие и результат производственных отношений при капитализме.
2. Болезнь, будучи тотальностью условий капиталистических производственных отношений, является производительной силой, характерной для капитализма.
3. Как результат капиталистических производственных отношений болезнь в ее развитой форме как протест жизни против капитализма является революционной производительной силой, характерной для всех людей.
4. Болезнь — единственная форма, в которой «жизнь» возможна в капитализме.
5. Болезнь и капитализм идентичны: в той же самой мере, в которой накапливается мертвый капитал, процесс, который идет параллельно уничтожению человеческого труда, так называемое уничтожение капитала, становясь общим вопросом, болезнь становится более широко распространенной и все более и более пагубной.
6. Производственные отношения в капитализме вовлекают тот живой труд, который должен быть превращен в мертвую материю (предметы потребления, капитал). Болезнь выражает этот процесс, который находится в постоянном продвижении и завоевывает все больше пространства.
7. Болезнь это скрытая безработица и в форме вкладов социального страхования, болезнь — кризисный буфер, характерный в ятрокапитализме.
8. Болезнь в ее неразвитой форме — запрещение и препятствие и поэтому внутренняя тюрьма для одиноких.
9. Если мы освободили болезнь от правительства, эксплуатации и ареста через учреждения здоровья, и если болезнь проявляется в форме коллективного сопротивления, то существует ситуация, что государство должно вмешаться, чтобы заменить внутреннюю тюрьму пациентов внешними, «реальными» тюрьмами.
10. Система здравоохранения может прожить с болезнью только при условии, что пациенты полностью вне закона.
11. Здоровье — это только биологистическо-нацистская химера, функция этой химеры — скрыть в головах оболванивающих и оболваненных этого мира, что болезнь обусловлена обществом и также скрыть социальную функцию болезни».

Хубер далее объяснял:

«Медицинская практика снова и снова показала нам себя как корень классового доминирования и, будучи суверенной и выше и вне государственной власти и экономики, как суверенное орудие убийства против осуществления революции».

Болезнь это капиталистический заговор для подавления пролетариата:

«Болезнь, в условиях полностью развитого капитализма, является единственным подходящим словом для отчуждения и капитализма, и идентичность самоубийства и убийства — это ее самое видимое проявление. Это было куплено у нас, что болезнь — это буфер капиталистических кризисов, который, вместе с так называемой системой социального обеспечения и здравоохранения, последняя была организована под ее предлогом, безнадежно заглушает так называемый промышленный пролетариат, подавляя его на каждом шагу».

Хубер писал, что государственное судебное преследование доказало тезис SPK о том, что «революция — это терапия, и терапия — это революция, и не должна быть ничем больше».

Хубер предлагает следующее «резюме»:

«Медицинский комплекс в целом (мир дефицита, медицины, вооруженных сил) является главным направлением для стратегии революционного наступления.

Болезнь как ожидаемый конец мира дефицита и прибавочной стоимости, и ожидаемое начало мирового коммунизма, везде, где сломан медицинский запрет крови.

Медитации: мучительная диалектика, фронт пациентов, объединяющая патопрактика [fusionierende Pathopraktik].

Объединяющая патопрактика: все разделяют одну цель, никто не препятствует другому.

Каждый шаг, который высвобождает болезнь и освобождает от врача, является шагом, в котором болезнь оставляет позади себя постоянный след своего исчезновения».

Хубер рекомендует болезнь как средство («патопрактика»), с помощью которого должно быть активизировано революционное сознание, с Фронтом пациентов как авангардом революции:

«Применяйте. Применяйте БОЛЕЗНЬ ко всему. Применяйте все к болезни. Болезнь это только технический вопрос. Выступайте в пользу болезни: все, каждый раз и всюду. И, не больше, не меньше: переверните вверх дном, выверните наизнанку. Высмеивайте самих себя над всем большим, что стягивается здоровьем. Клеймите себя в пользу болезни. Стягивайтесь болезнью от Фронта пациентов до пациента Фронта».

«Патопрактика» включает голодовки, отказ от лечения, и даже самороспуск SPK, как «стратегическое отступление», потому что никакие меры не могли быть предприняты государством, включая врачей, в отношении пациентов будь то в форме судебного преследования или психиатрического лечения. «Болезнь дала самой себе речь и результативность».

Om SPK к RAF

Оригинальный SPK просуществовал недолго. Однако многие поддерживали терроризм RAF, самым известным был Клаус Юншке, одновременно студент психиатрии и пациент в Гейдельбергском университете, где он стал членом SPK в 1970 году. После роспуска SPK он был среди тех, кто присоединился к RAF. Энслин дала ему псевдоним «Поздний урожай».

22 декабря 1971 года он с шестью другими членами RAF участвовал в ограблении Баварского ипотечного и биржевого банка в Кайзерслаутерне, украв 134 000 немецких марок. Герберта Шонера, полицейского, застрелили во время налета. 9 июля 1972 года Юншке был арестован вместе с Ирмагд Мёллер. Однако участие в грабеже смогли доказать только Юншке. Когда на одном из многочисленных судебных процессов по делу Банды Баадера-Майнхоф Юншке выступал в качестве свидетеля, судья прервал его, тогда Юншке

перепрыгнул через стол и бросил судью на пол с криком: «За Ульрику [Майнхоф], ублюдок!». В 1977 году он был приговорен к пожизненному сроку. С помощью Антье Фолльмер, члена партии «Зеленых» Бундестага, Юншке амнистировали в 1988 году, и теперь он работает журналистом, продолжая участвовать в акциях левых с партией «Зеленых».

(Что касается партии «Зеленых», то один из самых видных ее представителей, крупный немецкий политик, одно время министр иностранных дел ФРГ, а в последующем лоббист больших немецких концернов Йошка Фишер в молодости тоже принимал участие в франкфуртской насильственной группировке, известной как «Шпонтанг» («Спонтанная банда»). О себе и своих коллегах («юных дикарях») он тогда выразился вполне однозначно: «Wir sind die Wahnsinnigen!» — «Мы сумасшедшие». - прим. перев.)

26. «Будущие левые»

Как упоминалось ранее, некоторые элементы левых ссылаются на «Будущих (или «следующих») левых», хотя это, кажется, не является чем-то большим, нежели возвращением к жизни Новых левых силами выжившего остатка того поколения. Действительно, они даже возродили названия той эры и в 2006 году восстановили Студентов за демократическое общество, наряду с их взрослым аналогом, Движением за демократическое общество (MDS), удовлетворяя прихоти тех, у кого могло быть регрессивное расстройство личности и кто все еще зафиксирован на возбуждениях своей молодости. SDS / MDS подражает оригинальному журналу SDS «Заметки Новых левых», назвав свое периодическое издание «Заметки Будущих левых». Среди авторов были ветераны Подполья «Уэзерменов» Дорн, Айерс и Радд; Пол Бьюле, который был представителем филиала SDS Университета Иллинойса в 1966 году и редактором Радикальной Америки, выпускавшейся с 1967 до 1999, и первоначальный основатель SDS Алан Хейбер. Итак, и второй вариант SDS тоже появился из организации Старых левых, Промышленных рабочих мира (IWW).

«Будущие левые» это также термин, позаимствованный у призрака очень Старых левых, Фабианского общества в Великобритании, основанного еще в конце девятнадцатого века. В этом нет ничего необычного, поскольку у оригинального SDS, из которого вышли Новые левые, были свои корни в американской версии фабианства, Лиги за промышленную демократию и ее молодежного филиала, Студенческой Лиги за промышленную демократию, сформированной в 1905. В Европе Федерация за европейские прогрессивные исследования начала «Программу исследований Будущих левых» в 2009 году.

Если мотивацию Новых левых поддерживали Вьетнам и «гражданские права чернокожих», а позже «борьба с апартеидом», то нынешних левых подпитывает кредитный кризис, дающий им оправдание за бунты в духе 1960-х и нападения на магазины по всем европейским столицам, без малейших доказательств того, что «Будущие левые» обладают большим пониманием функционирования системы долговых финансов, чем их предшественники. Впрочем, критическая экспертиза и поиск решений кредитного кризиса и не являются целью любого такого движения. Скорее их цель это мобилизация отбросов общества, с которыми соединяются отчужденные и невротики, и которых возглавляют психопаты и нарциссисты — именно такой была их цель, начиная с якобинцев восемнадцатого века. Как Франция того времени столкнулась с буйством черни, так и столицы западного мира снова испытывают вспышки того, что Лотроп Стоддарт назвал «восстанием недочеловеков», и того, что философ Фридрих Ницше увидел в анархистах как социальный бунт, основанным на *ressentiments* (чувствах затаенной, завистливой, жаждущей мести озлобленности).

Потому левые видели в погромах на улицах Великобритании в 2011 году, когда люмпенизированные головорезы грабили и поджигали магазины и нападали на обычных граждан, революционные действия. Для нигилистических элементов левых обычная преступность всегда имела политическое значение, что иллюстрируется книгой Эбби Хоффмана «Сопри эту книгу» — его учебником для воров.

Лондонские беспорядки 2011 года

Нигилистические левые пытались анализировать бунты в Великобритании в политическом контексте. Такой анализ ради того, чтобы сделать «светским» вопрос всех форм социопатии, связан с теориями Франкфуртской школы и более позднего левого движения среди психиатров, которые расценивают «безумие» как революционный ответ на «капитализм» и бунт как наилучшую психотерапию. Следовательно, «либертарианцы-коммунисты» (то есть анархисты) в Англии рассматривали широко распространившийся в 2011 году грабеж и вандализм как оправданный с политической точки зрения:

«Одна из многих вещей, которую нам бесконечно повторяют в контексте нынешних бунтов в Лондоне, это то, что мятежники являются «дикарями», «молокососами», «головорезами» или более великодушно «недовольной молодежью». Все, что говорит нам Кэмерон и его подручные, это о преступлении и наказании и о «полной силе закона» — как будто эти молодые люди не сталкивались ежедневно с полной силой закона. Нам в разных вариантах говорят, что здесь нет никакого политического контекста, никакого политического повода, никакого политического врага, что это «преступность, простая и в чистом виде». Это потому, что насилие против полиции (и тем самым против государства), как полагают, само по себе не является политическим. Это потому, что зависть, желание и приобретение предметов роскоши, таких как плазменные телевизоры и драгоценности не считаются политическими. Политический класс и комментаторы не могут считать себя врагами людей, которые живут в таких районах как Тоттенем, где бюджетные сокращения консерваторов закрывают молодежные центры, в районах, которые страдают от массовой безработицы даже в то время, когда Сити переживает бум, и которые являются объектами законодательства, разработанного для того, чтобы поставить их в еще более невыгодное положение.

... Нет ничего бессмысленного в этом насилии. Оно является разумным, технологическим и хорошо организованным. В тактическом плане мятежники одурачили намного более сильную полицию и разведывательные службы. Оно на самом деле является разрушительным для жизни общины, особенно жестоким по отношению к маленьким владельцам лавок и людям, живущим на главных улицах или вблизи них, но действительно ли оно является столь же разрушительным как постоянная безработица, безнадежность и понимание того, что государство бросило вас ради фондовой биржи? То, что эти молодые люди выбрали своей целью самые прямые символы власти и богатства, и что они хотят часть этого для себя, делает эти беспорядки не хуже, чем разрушения, предпринятые при Тэтчер или начинающиеся при Кэмероне. И они по своей сути неолиберальны, потому что эти молодые люди усвоили изречение, что жадность это хорошо, что нужно брать то, что можешь взять, что сильные должны наследовать землю [Когда я пишу эти строки, в Лондоне стало спокойнее, но акции переместились в Манчестер (откуда было оттянуто много полицейских для усиления полиции Лондона!), Бирмингем и Бристоль, а в полицейский участок в Ноттингеме бросили зажигательные бомбы.]]».

Искрой, из-за которой вспыхнули беспорядки в Великобритании в 2011 году, послужило то, что полицейские застрелили бандита. Левые склонны политизировать обычных преступников и объявлять их революционными героями. Сочувственный шум, поднятый «Уэзерменами» вокруг психопатов-убийц из «Семьи» Чарльза Мэнсона, и даже из-за случайного крушения поезда в 1947 году, устроенного маленьким латиноамериканским мальчиком, Марионом Дельгадо, являются некоторыми особенно причудливыми примерами левой концепции «героизма».

Марк Дагган: «гангста»

Поэтому для троцкистов, анархистов и др., Марк Дагган был «семьянином», которого без причины застрелила полиция, когда он ехал в такси, предположительно, направляясь к своей невесте. Тем фактом, что Дагган был отцом четырех детей, воспользовались, чтобы скрыть его подноготную как гангстера (gangsta) и торговца наркотиками. Дагган был вооружен заряженным пистолетом, и был застрелен при попытке полиции арестовать его по подозрению в подготовке нападения из мести на убийцу своего кузена. Пистолет ему дали только за пятнадцать минут до того, как его застрелили.

Газета The Guardian, которую едва ли можно назвать голосом «правых», сообщала:

«... Но страница Даггана в Facebook, под его псевдонимом Starrish Mark, изображает его в футболке со словами Star Gang, и полицейские отчеты предполагают, что он, возможно, имел контакты с этой группировкой и был также связан с бандами северного Лондона, такими как Broadwater Farm Posse и Tottenham Mandem. «Голос», ведущая газета британских чернокожих, утверждала, что и у Даггана, и у его лучшего друга, 23-летнего рэпера Келвина Истона, известного как Smegz, «были связи со «Звездной бандой», одной из нескольких преступных группировок в северном Лондоне, где войны за влияние между этими бандами привели, по крайней мере, к трем смертям за несколько последних лет... В момент его смерти в прошлый четверг против него велось расследование полицейскими из «Трайдента», подразделения столичной полиции, ответственного за преступления с оружием в афроамериканской общине... Другие неподтвержденные отчеты утверждали, что он был известным наркодилером. Некоторые из объявлений, помещенных друзьями на его страницах Facebook, могут предполагать возможную причастность к банде, называя Даггана по-разному: «солдатом», «настоящим звездным парнем» и «пятизвездным генералом». Одно из сообщений, оставленных вчера среди букетов возле семейного дома Даггана, упоминало «Gang N17 Farm», название одной из банд, союзных «Звездной банде»...»

Но того факта, что Дагган был «черным» и был застрелен полицией, оказалось более чем достаточно, чтобы поднять его в разряд политических мучеников в пантеоне левых.

Как и в культовом бунте 1960-х в «Дни гнева Уэзерменов» в Чикаго, уничтожение средств к существованию маленьких владельцев лавок — только сопутствующий ущерб, и его можно свалить на «истеблишмент» как на козла отпущения. Хайден описал бунт «Уэзерменов» в 1969 году как «потусторонний, как племенной культ, собирающийся в ожидании сильного, изменяющего жизнь и травмирующего ритуала... подпитываемого наркотиками». «Уэзермены» бешено носились по Голд-Кост, разбивая автомобили и витрины, на протяжении «трех дней постоянного буйства». То, что описывает Хайден, это атавистическое безумство, которое охватывает толпу, и которое забирает у нее ее собственную жизнь, потому что в ней человек лишается индивидуальности и становится частью единого буйствующего организма, способного на такие жестокости, которые обычно не могли бы произойти. Это коллективная душа толпы, которую использовали революционеры от якобинцев до большевиков и до Новых левых. Вот почему левых по-прежнему воодушевляют погромы в Тоттенеме, например, как доказательство вездесущего скрытного присутствия жестокой толпы, готовой и в будущем громить и разрушать после малейшей провокации.

Это то, что философ Ницше называл ressentiment как мотив левых доктрин, социопатическое желание мести, основанное на зависти и интеллектуализированное как «социальная справедливость», или с якобинским лозунгом: «Свобода, равенство, братство». Но как только такие силы высвободились, они начинают цунами кровопролития, которое является слепой яростью, разрушая и убивая без мысли о последствиях или страданиях множества невинных. Ressentiment это не просто обида, но создание доктрины или движения, мотивированного чувствами неполноценности. Доктор Натаниэль Вайль ссылаясь

на ту же психологию, когда он вводил термин «аристоцид», о чем мы говорили выше. Отсюда и варварства, которые совершаются во имя «равенства»:

«Восстание рабов в этике начинается тогда, когда сама жаждущая мести озлобленность становится творческой и рождает ценности: озлобленная зависть тех существ, у которых нет возможности для настоящей реакции, то есть, для чего-то активного, и кто компенсирует это для себя просто воображаемой местью. В то время как вся благородная этика произрастает из торжествующего самоутверждения собственного «я», рабская этика с самого начала говорит «нет» тому, что «снаружи», «другому», «не самому себе». И это «нет» является ее творческим актом. Эта трансформация взгляда, который сопоставляет ценности — это необходимое проецирование на что-то внешнее вместо обратно на самого себя — что является свойственным чувству неудовлетворенности. Чтобы возникнуть, рабская мораль всегда требует сначала противостоящего мира, мира вне себя самой. В психологическом отношении она нуждается во внешних стимулах, чтобы вообще действовать — ее действие это в основном противодействие...»

Движение «Оккупай»: насилие, наркотики, воровство и болезнь

Маска Гая Фокса, она же Маска Анонимуса — новый символ протеста

Одним из самых заметных действий левых в последние годы было движение «Оккупай», которое распространяется во всем мире, начиная с движения «Захвати Уолл-стрит», как реакции на глобальный кредитный кризис. Снова, как характерно для анализа левых, здесь выдвигаются неопределенные требования «перераспределения богатства», через налогообложение или конфискацию, причем практически никто не задумывается о функционировании глобальной банковской системы. Но мотив левых — это не поиск решения проблем, а высвобождение импульсов разрушения как таковых. Большая часть Движения «Оккупай» стало маяком для бездомных, чтобы жить как паразиты, получая еду и приют, предоставленные им невротическими идеалистами среди их числа, кто также снабдил добычей нарциссизма и социопатов, которые выдвигаются вперед в таких движениях. Следовательно, более слабые элементы Движения «Оккупай» были подвержены характерным чертам левого бунта: насилию, воровству и болезням. Движение «Захвати Уолл-стрит» идеалистически описывалось как,

«Народное движение, которое началось 17 сентября 2011 года на Либерти-Сквер в финансовом районе Манхэттена, и распространилось на более чем сто городов в Соединенных Штатах и акции в более чем 1500 городах по всему миру. OWS выступает против коррумпированной власти крупных банков и транснациональных корпораций в демократическом процессе и роли Уолл-стрит в создании экономического краха, который вызвал самый большой спад за многие поколения. Движение вдохновлено народными восстаниями в Египте и Тунисе и стремится сопротивляться одному проценту самых богатых людей, которые пишут правила несправедливой мировой экономики, лишаящей нас будущего».

Движение «Оккупай» так же, как это было в самые ранние дни Новых левых, обеспечило недочеловеков новыми возможностями подняться до вершины. Это гигантский сквоттинг, глобальный незаконный самозахват. Как микрокосмос будущей социалистической утопии, сквоттинг в ходе «Оккупай» дает интересные примеры. Статья в The New York Observer показывает скрытую от посторонних глаз атмосферу сексуальных домогательств во время протестов «Оккупай», за которые, в конечном счете, несут ответственность организаторы движения.

18 октября 2011:

«Девятнадцатилетняя женщина из Кливленда утверждала, что была изнасилована во время протестов после того, как «лидеры лагеря» направили ее разделить палатку с неким мужчиной по имени Лелэнд. Доски объявлений OWS будто прорвались: молодую женщину называли лгуньей, обвиняли в секретной работе на правительство, чтобы дискредитировать OWS, или, по крайней мере, ее просили об этом, когда она входила в палатку с незнакомым мужчиной, были и другие женоненавистнические оправдания. Возможно, единственным удивительным аспектом реакции на предполагаемое изнасилование было то, что именно «Оккупанты» сами выступили против жертвы, которую восприняли как угрозу своему сообществу и предварительным отношениям с местными властями».

Здесь менталитет толпы и нарциссический характер левых сыграли роль в осуждении человека, который разошелся с группой и своей жалобой привлек дурную славу к их «делу». Она была подвергнута огромной групповой критике, которая как средство контроля является характерной чертой левых. Феминистским ответом на привилегии левых мужчин должно было стать создание «Рабочей группы по обеспечению безопасного пространства» в «Захвати Уолл-стрит», с «пространством сна только для женщин в определенной части парка Зукотти».

К изнасилованиям и домогательствам добавились другие социалистические действия, включая грабежи и воровство, иначе известные как «перераспределение богатства». Когда социопатия и преступность подняты левыми идеологами на щит как формы протеста, тот тут можно было бы только сказать: «что посеешь, то пожнешь». Нельзя собрать толпу сквоттеров — независимо от используемых политических объяснений — не ожидая при этом, что вверх поднимется разная муть, когда возбуждается преступный мир.

Революционные действия движений «Оккупай» включали: метание «коктейля Молотова» и изготовление ручных гранат в Портленде, штат Орегон, плюс многократные нападения в течение суток, продажу героина и метамфетамина, появление вшей, сексуальные посягательства и продолжающееся воровство; 12 нападений за 24 часа, обмазанные фекалиями торговые автоматы в Сан-Франциско; вспышку заболевания легких в Зукотти, угрозы сексуального насилия и другие сексуальные домогательства на Уолл-стрит; вспышку стригущего лишая в Санта-Крузе; вспышку туберкулеза в Атланте, штат Джорджия; многократные сообщения о сексуальных посягательствах в Балтиморе; уничтожение тележки продавца физиологическими испражнениями в Сан-Диего, использование местного банка в качестве туалета в Юрике, и так далее.

Выражая беспокойство отсутствием сообщений о сексуальных посягательствах, сержант Эд Маллинз из нью-йоркской полиции отметил, что многие из протестующих были молодыми ребятами, которые побывали «в логове льва».

Канал «Fox News» сообщал:

«Первый инцидент, о котором было сообщено, произошел 8 октября, когда мужчину обвиняли в сексуальном насилии по отношению к женщине, которая спала в спальном мешке в парке Зукотти. Жертва не сообщала об инциденте, пока несколько дней спустя она не увидела подозреваемого, Дэвида Парка, 27 лет, снова на месте протеста. Парк, житель Коннектикута, был арестован за нарушение общественного порядка во время предыдущего марша, и на него уже было выписано несколько ордеров на арест в Нью-Йорке и в его родном штате еще до того как начались протесты. О другом инциденте сообщили на прошлой неделе, когда житель Бруклина Тонай Икетубозин, 26 лет, был арестован по подозрению в изнасиловании женщины в ее палатке в парке Зукотти 25 октября. Икетубозин, доброволец на «кухне» «Захвати Уолл-стрит», был допрошен о предполагаемом изнасиловании второй женщины 29 октября. Сообщения о сексуальном насилии также появлялись в Далласе, где 23-летнего мужчину обвинили в сексуальных отношениях с 14-летней беглой девочкой, и в Кливленде, где полицейские открыли расследование сексуального посягательства, которое предположительно произошло

15 октября... Случаи сексуальных преступлений, сообщения о мелком воровстве, нападениях и общих вспышках насилия возникли не только вокруг Уолл-стрит, но и в лагерях «Оккупай» по всей стране... В Бостоне бездомные протестующие были изгнаны с Дьюи-Сквер после того, как у них обнаружили ножи и запасы незаконных наркотиков».

Типичным образом обычные трудящиеся стали жертвами произвола левых, как только этим левым сказали, что те больше не будут получать бесплатную еду:

«На территории лагеря «Оккупай» в калифорнийском городе Сан-Диего уличные продавцы с тележками были вынуждены в понедельник закрыть свою торговлю, когда протестующие, рассерженные тем, что они прекратили получать бесплатную еду, обыскивали и громили их тележки. Разъяренная толпа не только царапала надписи на тележках, они, как сообщается, также обрызгали их кровью и мочой. Кроме того, продавцам угрожали смертью, по словам местной радиостанции KNX 1070... Также в Нижнем Манхэттене, одна владелица магазина подала иск за то, что «оккупанты» запугивали ее и угрожали ее имуществу после того как она помешала им использовать уборную ее магазина, чтобы мыться. Стейси Цорцатос, владелица «Panini and Co.», расположенной напротив парка Зукотти, не смогла больше терпеть этого, когда две недели назад демонстранты сломали слив ванной в ее магазине и устроили потоп, что принесло ей убытки на три тысячи долларов, согласно газете «Нью-Йорк Пост».

Есть типы, которые становятся комиссарами и удерживают высшую власть после успешных левых революций, власть над жизнью и смертью многих миллионов. Это произошло в якобинской Франции, в России, Китае, Северной Корее... Это происходит и сейчас на улицах столиц мира.

Заключение

Изучение левых в чисто политических терминах ограничивает понимание и не дает должного объяснения. Левые — это психологическое отклонение, с теми же побуждениями, что и у серийного убийцы, насильника и вора. Те, кто при других обстоятельствах стали бы преступными социопатами, переадресовывают свои разрушительные импульсы через политику. На протяжении нескольких веков и на разных континентах курс левых был одинаковым. Поэтому мы являемся свидетелями чего-то иного, чем просто политика или протесты против несправедливости. В этом есть общие и постоянные особенности. Особенно социопатия и нарциссизм проявляются среди левых как константы. В общем, левые это интеллектуализированные психопаты.

Как заметили многие ранние социологи и немногие другие, кому все еще хватает храбрости противостоять теперь в значительной степени левой ориентации общественных наук, левые придавали рационализацию или интеллектуализацию поведению, которое в других ситуациях было бы расценено в лучшем случае как преступное, если не склоняющееся к массовому убийству. У левых лидеров часто есть те же самые черты личности, что и у разнообразных социопатических и нарциссических лидеров всевозможных культов вроде Джима Джонса — который и сам был левым — но когда люди, подобные Троцкому, Мао Цзэду и Ленину возвышаются до руководства миллионами, вред от них распространяется значительно шире того вреда, который может причинить такой лидер культа как Чарльз Мэнсон (еще одна икона левых).

Левая идеология была сформулирована теми, кто проецирует свои собственные личные, часто семейные, страхи и тревоги на все страны и цивилизации, в конфликте, который кажется родственным Эдипову, перенесенном с родительской власти на правительственную власть. Но мотив их, хоть и рационализированный, состоит не в том, чтобы исправить несправедливость, но чтобы разрушать.

В доминирующих левых идеологиях, будь то у Старых, Новых или Будущих левых, примечательно то, что они стремятся в первую очередь разрушить в ходе быстрых мятежей традиционные человеческие связи, способствовавшие порядку в течение веков. Они не принимают при этом во внимание человеческие страдания, но высвобождают запредельную ярость во имя совершенно абстрактной концепции «человечества».

Потому один социальный аналитик, Лотроп Стоддард, точно определил это как «восстание недочеловеков», и оно остается таковым независимо от любой «новой» и «возвышенной» обертки вокруг него, которую хотели бы оживить леваки.